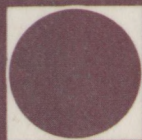

Зарубежная

фантастика

Гарри Д. Килуэрт
АНГЕЛ

Гарри Д. Килуэрт АНГЕЛ

Фантастический роман

Издательство «Мир»

ANGEL

Garry D. Kilworth
London Victor Gollancz 1993

Зарубежная

фантастика

Гарри Д. Килуэрт

АНГЕЛ

Фантастический роман

Перевод с английского
Д. В. Самсонова и Е. В. Самсоновой

Москва «Мир» 1995

**ББК 84.4 Вл.
И(Англ)**

Килуэрт Г. Д.

**К39 Ангел: Фантаст. роман: Пер. с англ. — М.:
Мир, 1995. — 368 с. — (Зарубеж. фантаст.)**

ISBN 5-03-003090-5

**Книга известного английского писателя о жестокой
борьбе между сверхъестественным существом и двумя
друзьями полицейскими.**

Для всех любителей фантастики.

ББК 84.4 Вл.

***Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы***

ISBN 5-03-003090-5 (рус.)

ISBN 0-575-05523-4 (англ.)

© Garry D. Kilworth 1993

**© перевод на русский язык,
оформление, «Мир», 1995**

**© художественное оформление,
Сошинская К. А., 1995**

Глава 1

Сан-Франциско. Два часа ночи.

Полицейского звали Рейнольдс. Однако мальчишки из окрестных домов за огненно-рыжие волосы прозвали его Фокси. Рейнольдсу это не особенно нравилось, он бы предпочел, чтобы его звали Рэйем, но тут уж ничего не поделаешь. Он это понял давно, еще на заре своей карьеры — раз получил прозвище, отделаться от него не удастся. Если ребята захотят звать тебя Гуфи или Дамбо, они и будут звать тебя Гуфи, и чем кличка обиднее, тем прочнее она к тебе прилипнет*. Лучшее, что ты можешь сделать, — это не обращать внимания и улыбаться.

Фокси сменился с дежурства и держал путь домой, и этот путь привел его в весьма подозрительное место, где он припарковал машину и закурил. Ему нужно было поразмыслить о своей семейной жизни, которая, похоже, начала сходить с рельс. И причина, и следствие — все было в нем самом. Вернее, в его привычке пропустить рюмку-другую после работы. Клементина терпеливо относилась к его долгим дежурствам и всему строю их жизни, но не могла примириться с тем, что свободные от службы часы у него уходили на выпивку. И вот теперь Фокси должен был выбрать: либо счастливая семья, либо жизнь одинокого, спивающегося полицейского. Для многих сделать выбор не составило бы труда — но только не для Фокси, который с его неодолимой тягой к

* Фокси — Рыжий; Гуфи — Глупец; Дамбо — Болван. —
Здесь и далее прим. ред.

спиртному после работы не представлял себе жизни без жены, как, впрочем, и без виски тоже. Эта дилемма причиняла ему большие страдания.

Наступило мрачное, холодное утро. Ключья тумана лепились к стенам домов, медленно сползали по водосточным трубам и у самой земли смешивались с испарениями из канализационных решеток. В нескольких шагах от машины Фокси, на углу улицы, стоял человек и смотрел на освещенное окно ветхого многоквартирного дома. Длинные ресницы и ногти делали его похожим на девушку. В доме горели и другие окна, но он сосредоточил свое внимание на одном. Весь его вид выражал крайнюю заинтересованность. Его можно было принять за любителя подглядывать, только смотреть было не на что. Не было даже теней на занавесках.

— За кого ты меня принимаешь? — донеслось из какой-то квартиры так, как будто кричавший держал голову под подушкой. Ответный шум послышался из других комнат. Этот район никогда не затихал, по крайней мере треть здешних обитателей постоянно не спали: им не давали уснуть лай собаки, хотя в этом доме вряд ли позволялось держать собак, шум от вечно переставляемой над головой мебели, звон посуды и то, что раздражало сильнее всего, — смех. Хе-хе-хе-хе-хе-хе-хе. Какой-то кастрат смеялся своим дребезжащим тенорком над чем-то невидимым и неслышимым для остальных — ни над чем.

Смех. Шепот-шепот-шепот. Смех. Шепот-шепот-шепот. Смех.

Как только начинало казаться, что смех умер

навсегда, он возрождался — еще более пронзительный и настойчивый, чем раньше, сверлящий тонкие стены. Непонятно, почему его до сих пор не убили? Человек с таким смехом заслуживает смерти. Он сводит тебя с ума, он заставляет тебя орать: «Заткнись ради Бога! Что там, черт возьми, смешного? Знаешь, который час, скотина?» — пока наконец не наступает суший ад, и вот уже пересмешиник орет вместе со всеми: «Ти-хо! Успокойтесь!» О Боже!

О, не сомневайтесь, здесь умели довести до белого каления любого, кто хотел бы заснуть. Те, кто не мог уснуть, будили тех, кто хотел спать, и вскоре не спал никто. Мир спускался на этот дом только с рассветом, когда все его жильцы полностью теряли рассудок от усталости, шума и бессонницы.

Наблюдатель стоял молча и, невзирая на сильный холод, почти не двигался. Единственный уцелевший фонарь сквозь грязное желтое стекло освещал его лицо.

Любая женщина, которая увидела бы его здесь, — уличная проститутка или хозяйка светского салона — признала бы его красивым. Бледно-серые глаза, пухлые губы, похожие на лепестки роз, цвет лица нежный, как у той женщины, что рекламирует мороженое на ТВ. Может быть, это вообще не мужчина, а переодетая женщина? Или человек, не имеющий пола? Почему-то Фокси был уверен, что нежный облик скрывает твердость и необыкновенную физическую силу. По роду своей профессии Фокси приходилось встречать особ женского пола, сполна наделенных этими качествами, но этот человек, без сомнения, был мужчиной.

Мужчина повернулся в сторону Фокси и одну-две минуты смотрел на него томным отсутствующим взглядом, потом снова уставился на выбранное им окно. Внезапно, когда взгляд этих серых глаз остановился на нем, Фокси ощутил приступ страха. Что-то здесь было не так, и чутье полицейского подсказывало Фокси, что надо бы окликнуть парня и выяснить, что он здесь делает в такую рань. Но какое-то чувство не позволило ему этого сделать. Возможно, чувство страха, которое полицейский не может себе позволить.

Фокси был рад, что мужчина не попытался с ним заговорить. Ему всегда было неприятно общение с половыми извращенцами, и он вряд ли сам спросил бы его о чем бы то ни было без крайней необходимости. Фокси был очарован внешностью незнакомца — очарован и испуган. Он видел перед собой тот тип прекрасного, который английские поэты описывали примерно так: мужественность под личиной красоты.

Мужчина сделал несколько шагов вперед, и Фокси получил возможность наблюдать движения его тела, скрытого под белым костюмом. Как он и предполагал, мужчина был атлетически сложен и находился в прекрасной форме. Тело танцора. Под одеждой угадывались великолепно развитые мышцы — не вздувающиеся буграми, а эластичные и продолговатые. Пальцы, которыми он опирался о стену, как раз там, где красовалась надпись «Закон красных скорпионов», были длинные и тонкие, почти прозрачные.

Он двигался мощно и плавно, с элегантностью гепарда. Казалось, могучая машина скрыта в его

грудной клетке. Машина, вырабатывающая силу и грацию. Фокси почувствовал холодное дуновение первобытного ужаса, исходившее от миловидной внешности молодого человека.

Фокси уставился на него, никак не в силах взять в толк, что этот педик делает на улице в четвертом часу утра. Может быть, он смотрит в свое окно? Может, там кто-то с его женой? Или, скорее, с его приятелем? Может, дело идет к убийству?

Фокси попытался сосредоточиться, но ничего не смог с собой поделать. За последнее время все его силы ушли на решение двух задач: увольнение из полиции и открытие собственного рестораника. Вот все, о чем он мечтал: он и Клементина в собственном бистро. Фокси уже видел себя в роли шеф-повара. Уже целый год он изучал в вечерней школе кухню экстракласса. Людям его стряпня нравилась. Многие находили, что его обеды ничуть не уступают тем, что подают во французском ресторане на углу 32-й и 12-й улиц. Но Фокси не любил рестораны из-за их обычной мишуры, ненужной роскоши. Все, что ему было нужно, — это бистро, простое и незамысловатое. Место, где он сможет повесить на стену несколько плакатов с канканом и соорудить неоновую надпись «Мулен Руж», вроде той, что нарисовал знаменитый французский художник.

Мужчина подошел к двери дома и вошел внутрь.

Крики и перебранка между обитателями квартир не стихали ни на минуту. К тому же где-то на крышах перекликались бродячие коты. Полный бедлам, обычный для этих мест. Вскоре полицей-

ские придут сюда в патрульной машине, осмотрят обитель, покачают головами и двинутся дальше. Пока они, получив вызов, вовлекающий их в домашнюю войну, будут добираться до злополучной квартиры через шесть кварталов, там все уладится и без их помощи. Ударил кто-нибудь кого-нибудь, может, даже убил, а потом, глядишь, все вроде само собой успокаивается. Может, прольются кровь и слезы, но шторм постепенно утихнет.

Фокси потушил в пепельнице окурок и наклонился вперед, собравшись включить зажигание. Он не успел дотронуться до ключа — его ослепила вспышка белого света. Что-то глухо взорвалось, и тысячи стеклянных осколков градом застучали по крыше его «форда». Сквозь сизый дым Фокси увидел, как вырывающееся из окон пламя стало быстро распространяться по дому.

Он слышал, как скрежетало железо и лопались от жара кирпичи, слышал, как пламя с ревом неслось по коридорам, все пожирая на своем пути. Длинные языки пламени вырывались из разбитого окна над головой у Фокси и лизали стены дома напротив.

Фокси был ошеломлен яростью огня, тем, как быстро он набрал силу и охватил все здание. Как будто в одной из комнат лопнул огромный пузырь и из него хлынуло адское пламя.

Боже, подумал он, еще одна зажигательная бомба! Должно быть, это тот педик, что стоял на тротуаре.

Я видел этого ублюдка. Я видел, как он входил в здание. Я мог бы протянуть руку, дотронуться до него.

Он нащупал ручку дверного замка и вывалился

из машины на тротуар. Поднялся на ноги. Наполовину ослепленный, он побрел по улице, держась за стену дома. Из здания теперь кричали по-другому. Никто не орал: «Заткнись!» «Помогите! — визжали они. — Ради Бога помогите хоть кто-нибудь!»

Кто-то, спотыкаясь, выбежал из дверей дома. Одежда на нем горела. Фокси не смог даже подойти к нему: сильный жар заставил полицейского отпрянуть. Он почувствовал, как запахло паленым его волосы и стала поджариваться кожа на лице. Человек со стоном упал на асфальт и в агонии корчился, как раненая змея. Вскоре он затих. Навсегда. Едкий запах разлагающегося пластика и горящей резины распространился по улице. Когда ядовитый дым заполнил его легкие, Фокси остановился и закашлялся. Несколько секунд он содрогался от приступов кашля и рвоты, пока не перебрался на другую сторону улицы, где воздух был почище. Там он остановился, прижавшись спиной к фонарному столбу.

Жар настигал его даже здесь, ударяя в лицо струями обжигающего воздуха. Кожа на лице обгорела, еще немного, и ему пришлось бы искать убежища в одном из подъездов. Он стоял, глядя на пожарище и поражаясь тому, насколько внезапно этот ад стал совершенно неуправляем. Как и многие люди, Фокси смертельно боялся огня. Он часто видел огонь в ночных кошмарах.

Затем произошло нечто такое, что заставило его содрогнуться от ужаса.словно во сне, он увидел, как человек в белом костюме вышел из распахнутой двери горящего дома. Глаза Фокси

еще не оправились после взрыва, но он мог поклясться — одежда на человеке дымилась, может быть, даже горела. Человек, не останавливаясь, перешагнул через лежащее на асфальте обугленное тело и быстро пошел по улице.

— Эй, ты! — заорал Фокси. — Стой, скотина! — Он уже нащупывал пистолет. — Стой!

Он неловко схватился за оружие, но, должно быть от растерянности, не удержал его в руке. Пистолет с грохотом упал на тротуар. Человек в белом остановился и взглянул на Фокси. Сильный порыв ветра пронесся по узкой, как печная труба, улице, раздул стихавший было огонь и принес с собой запах, на мгновение перебивший зловоние пожара. Казалось, этому запаху здесь неоткуда было взяться. Он напомнил Фокси те обеды при свечах, которые устраивала ему Клементина, когда бывала в романтическом расположении духа.

Человек двинулся дальше, не дожидаясь, пока Фокси разберется со своими воспоминаниями. На противоположной стороне улицы горела машина Фокси. Скрежет металла смешивался с отчаянными криками, доносившимися из дома.

Телефона поблизости не было. Фокси ничего не оставалось, как стоять и слушать предсмертные вопли и надеяться на то, что пожарные и скорая помощь уже на подходе. Он сидел на лестнице одного из домов, размышляя о том, что скажет Клементине, когда наконец вернется домой:

— Клем, с меня довольно. Я ухожу из полиции. Скоро он услышал сирены пожарных машин.

Глава 2

Желтый грузовичок с номерами штата Небраска застрял на железнодорожных путях. Его мотор заглох. К грузовичку стремительно приближался локомотив. В кабине грузовичка водитель, казалось, примерз к баранке. Ни он, ни окаменевший от страха пассажир не пытались открыть двери и спастись. Они просто сидели и ждали.

Локомотив, не снижая скорости, мчался прямо на них. Катастрофа казалась неизбежной, но в кабине грузовичка все еще не было видно никакого движения. Вдруг, за мгновение до удара, рука протянулась с небес, и восьмилетний Джейми Питерс, бог этого созданного им мира, спас желтый грузовичок и его пластиковых обитателей от неминуемой катастрофы.

Сержант сыскной полиции Дейв Питерс, его отец, наблюдал за мальчиком из другого конца комнаты.

— Когда-нибудь ты их все-таки прикончишь, — сказал он.

— Нет. Я очень ловкий. Я вытаскиваю их за полсекунды до столкновения.

— Ты супермен? Слушай, я расскажу тебе, как однажды...

В этот момент в дверь позвонили.

— Это мама! — крикнул Джейми и побежал открывать дверь.

Дейв прислушался, услышал голос Челии и вернулся к размышлениям о том, что рассказал ему Фокси. Прошлой ночью в одном из районов города был пожар. Погибли трое. Еще один поджог.

Фокси случайно оказался свидетелем и описал поджигателя, хотя арестовать его не сумел. По мнению экспертов, это был хитроумный поджог. Судя по всему, было использовано сложное устройство, хотя эксперты и не смогли обнаружить его остатков. Только так удалось объяснить очень быстрое воспламенение. В комнате, где находился очаг возгорания, металлические предметы искорежило так, словно они были слеплены из пластилина. Вспышка огня ослепила Фокси, и прежде чем он пришел в себя, поджигатель успел скрыться.

Отсутствие остатков бомбы не удивило инспектора Бейтса. Было ясно, что корпус и взрыватель могли просто расплавиться в огне. Когда горела дешевая пластиковая мебель, воздух в помещении раскалялся до температуры плавильной печи. К тому времени, когда Бейтс смог проникнуть в дымящееся, выгоревшее здание, остатки бомбы, вероятно, уже смешались с другими искореженными и оплавленными металлическими предметами. Отсутствие следов зажигательного устройства было необычно, хотя и вполне объяснимо.

Описание этого преступления было похоронено под грудой отчетов о мелких происшествиях. В эти дни поджоги были частыми — настоящий огненный шквал прокатился по стране. Они стали самой распространенной причиной случайных смертей и преднамеренных убийств в Сан-Франциско. В этом городе от огня погибало больше людей, чем в автомобильных катастрофах в штате Нью-Йорк или от огнестрельных ран в Техасе.

Дейв вздохнул. Он понимал, что быстрого решения проблемы, скорее всего, не существует.

Политики неистовствовали в своих башнях из слоновой кости, пытаясь обуздать ситуацию. Сын мэра был одной из последних жертв. Его труп обнаружили среди развалин сгоревшего ночного клуба. Полиции удалось скрыть от прессы тот факт, что обгоревшее тело юноши было сцеплено с останками исполнительницы стриптиза и найдено в той комнате, где была ее гримерная. Их половые органы были соединены «плотнее, чем гвоздь с деревом», по выражению напарника Дейва, Дэнни Спитца.

Дейв отложил бумаги в сторону. Начиналась драматическая сцена «Возвращение домой жены».

Челия Питерс, пошатываясь, вошла в гостиную и рухнула на пол. Шляпка слетела с ее головы и закатилась под софу. Челия любила шляпки, даже когда они выходили из моды. Она тряхнула ногой, и туфля полетела вслед за шляпкой. Другая туфля ударилась об абажур, который раскачивался до тех пор, пока подошедший Джейми его не остановил.

Дейв Питерс взглянул на взбуждающее лицо жены.

— Что, делать покупки утром в супермаркете так тяжело?

— Вы, полицейские, даже не представляете себе, как тяжело. — На ее лице появилась знакомая мексиканская усмешка. — Пойди со мной в следующую субботу, и я покажу тебе настоящие отбросы общества. Они только выглядят как симпатичные женщины из приличных домов, но в душе они самые настоящие убийцы. Чтобы достать хлеба или пробиться к овощному прилавку, приходится всю работу делать локтями.

Он засмеялся и протянул руку, помогая жене подняться с пола.

— Я полагал, что вы, «мокрые спины»*, привыкли к такому обращению.

— Значит, «мокрые спины»? Нет, вы только на него посмотрите! На этого старого гринго с пистолетом! Как муженек провел утро? Представляю, как тяжело сидеть в кресле и читать газету! А я тем временем мотаюсь по магазинам!

— Должен же кто-то оставаться с Джейми, — сказал Дейв, когда жена уселась напротив него. — У ребенка стали проявляться бандитские наклонности... — Джейми улыбнулся на шутку отца. — Ему нравится разбивать грузовики.

— Не-е, — закричал Джейми, — я их спасаю.

— Сначала готовишь аварию, а потом спасаешь.

— Главное, что он все-таки их спасает, — сказала Челия мужу. — Кстати, как насчет чашки кофе для женщины, вернувшейся с войны?

— Конечно, дорогая. — Он встал и отправился на кухню.

Сержант сыскной полиции Дэвид Уилсон Питерс был высок, но несколько худощав, чтобы считаться крепким парнем. Он имел привычку немного сутулиться, когда разговаривал с теми, кто был ниже его ростом. Впрочем, заглянув ему в глаза, можно было понять, что этот человек способен доставить вам неприятности, даже если вы гораздо тяжелее его. Эти глаза были не столько

* Так в Америке называют нелегальных иммигрантов из Мексики.

жесткими, сколько бескомпромиссными — глаза человека, имеющего собственный кодекс чести, в котором каждое правило тщательно отобрано, проверено и не подлежит сомнению. И если закон на вашей стороне, вы найдете в нем человека, на которого можно положиться. Если нет — перед вами будет страж порядка, которого можно избить до полусмерти, но он все равно поднимется с пола и будет драться как черт.

В отличие от него Челия Питерс была маленькой и хрупкой, с глазами котенка или пантеры — в зависимости от того, в каком настроении вы ее заставляли. У нее было семь братьев и три сестры — такие же маленькие и хрупкие, как она. Все они жили в Мехико. Челия познакомилась с будущим мужем, когда Дейв был там в отпуске, и через три недели они поженились. Братья и сестры навещали их время от времени, и, к большому облегчению Дейва, всегда поодиночке. Это были симпатичные ребята, но когда собирались вместе, выводили Дейва из себя своей испанской болтовней. Иногда ему нравился этот язык — когда они с Челией занимались любовью, она что-то шептала ему на своем родном испано-мексиканском. Это возбуждало его. Он никогда не рассказывал ей об этом. Тогда, наверно, она станет контролировать себя.

— А вот и кофе, — сказал он, входя в комнату с чашками в руках.

— Джейми, а ты что хочешь? Лимонад?

— Коку.

— Никакой коки, — возразила его мать, — там слишком много кофеина. Неужели ты хочешь

стать таким же, как твои мама с папой, готовые хлестать кофе, пока оно не закапает у них из ушей? Иди налей себе лимонада.

— Ну ма.

— Давай сделаем ему коктейль, — предложил Дейв. — Половина на половину.

Челия бросила на него испепеляющий взгляд, всем своим видом показывая решимость стоять до конца, но внезапно сдалась и согласно кивнула. Джейми побежал к холодильнику, раздался звон бутылок. Челия не выносила жестянок за то, что их делали из алюминия — она верила, что этот металл, скопившись за всю жизнь в организме, вызывает старческое слабоумие. Она пользовалась только стальными кастрюлями, покупала зубную пасту в пластиковых тюбиках и никогда не заворачивала сэндвичи в фольгу. Она увлекалась нетрадиционной медициной вроде гомеопатии и акупунктуры, была противницей красного мяса, белого хлеба, сахара, шоколада и не пускала в свой дом курильщиков. Впрочем, и у нее были свои слабости. Она галлонами поглощала кофе и обожала ночное ТВ.

— Не пойти ли нам сейчас в кино? — прихлебывая кофе, предложил Дейв.

— Пойдем. А по дороге будем делать упражнения на дыхание, пока дорожная гарь со всего Фриско не заполнит наши легкие.

— Смешно. Ну хорошо, сначала сходим в парк «Золотые ворота», дадим мальчику побегать, а в кино — вечером.

— Отличная идея.

Выйдя из дома, они услышали рев сирен. Снова

пожар, подумал Дейв. Когда же все это кончится? Конечно, все в природе движется по кругу, и рано или поздно волна пожаров должна пойти на убыль. Но это длится уже больше шести месяцев, и не только в Сан-Франциско, но и в других городах тоже. Год назад пожары были серьезной проблемой для европейских столиц: Лондона, Парижа и Рима. Они случаются там и сейчас, но уже не так часто, как в городах Америки. Похоже, проблема во всей своей полноте пересекла океан и обосновалась в Америке.

Дейв полагал, что главная проблема преступлений такого рода в том, что они стали модными. Один-два поджога — и вот уже у всех психов в стране в глазах появился огонь, а продажа зажигалок и спичек резко пошла вверх. Если бы Дейв был азартен и имел лишние деньги, он удачно сыграл бы на бирже.

Теперь все эти психи повылазили из своих нор и превратили Нью-Йорк, Сан-Франциско и многие другие города в пылающие факелы. Были среди них и просто любители поиграть со спичками — объект внимания психиатров, а не полицейских. Но были и другие, ненавидящие весь род человеческий, — настоящие социопаты. Люди, которые помешались на мести и сводят старые счеты. Люди, желающие получить страховку за свое прогоревшее дело. Люди, устраивающие поджоги, чтобы потом беспрепятственно заниматься грабежом в других районах города. Страшный алый цветок распустился над городом. Пожарные команды работали день и ночь, теряя в огне своих людей и совершая невозможное. Полицейские тоже

работали сверхурочно, задерживая подозреваемых, допрашивая их, строча отчеты и получая от политиков очередную порцию дерьма.

В кино шла неплохая комедия на семейную тему с неизбежным для этого жанра счастливым концом. Дейв вышел из кинотеатра с хорошим, теплым чувством. Он взял Челию и Джейми за руки. Они почти бежали по мостовой. Челия весело смеялась, а Джейми со светящимся от удовольствия лицом поглядывал на родителей. Он знал, что все очень хорошо.

Когда они вернулись домой, Джейми решил попытаться счастья и стал проситься еще часок побыть с родителями, но Челия была непреклонна.

— Юноша с дурными наклонностями, у вас был хороший длинный день, не пытайтесь его испортить. Сейчас придет ваш папа и немного вам почитает.

Хотя Джейми уже умел читать, он по-прежнему любил послушать отца, которому (Дейв сам охотно признавался в маленькой слабости) очень нравился звук собственного голоса. Он любил изображать различные голоса и акценты: английский, французский, итальянский или смешное произношение жителей южных штатов. К этому моменту они уже прочли половину книги Харпера Ли «Убить пересмешника». Книга была слишком взрослой для Джейми, но он мог воображать себя Скаутом или каким-либо другим мальчиком из романа, и Дейв надеялся, что антирасистская идея, заложенная в книге, будет воспринята Джейми хотя бы подсознательно. Он не сомневался в том, что

должен внушать своему ребенку непреходящие духовные ценности.

На половине главы Джейми уснул, и Дейв уже про себя дочитал ее до конца. Затем он поцеловал сына, погасил свет и вышел в гостиную.

— Чертовски хороший у тебя мальчишка, — сказал он Челии.

— Благодарю. У тебя тоже, — ответила жена, взглянув на него поверх книжки. — Будешь смотреть телевизор или как?

— Нет, хочу пораньше лечь спать. Завтра нам с Дэнни предстоит большая работа. Мы можем не увидеться с тобой пару дней.

Челия наморщила брови и спрятала ноги под юбку.

— И тебя не сменят?

— Конечно, сменят со временем. Ты же знаешь, какая сейчас ситуация со всеми этими пожарами. Мои ребята бегают круглые сутки, а людей у нас...

— О Боже, — прошептала она.

— Нет, ты послушай, если все будет хорошо, я вернусь во вторник утром. Два дня — это в худшем случае.

Челия опустила голову на плечо мужа.

— Чертов Питерс, — улыбнулась она и добавила: — Не думай, что я не знаю, почему ты так рано собрался спать. Тебе ведь известно, что я не люблю оставаться одна.

Дейв напустил на себя самый невинный вид.

— Не понимаю, о чем ты? Если ты хочешь лечь спать вместе со мной, — это замечательно, но у меня нет никаких тайных намерений. Взгляни

мне в глаза. Что ты там видишь? Полную невинность.

— Тайные намерения, — шепнула она.

Челия первой отправилась в спальню. Она любила делать вид, будто сразу же собирается спать. Она надевала длинную ночную рубашку и тщательно укладывала свои черные, как вороново крыло, волосы, отлично зная, что через пять минут рубашка будет брошена на ночной столик, а распущенные волосы в беспорядке разметаются по подушке.

Этим вечером они любили друг друга нежно, без того ненасытного исступления, которое временами овладевало ими. Дейв не переставал восхищаться телом жены. Оно было таким округлым, таким мягким. Какая же это, наверно, тонкая работа — создавать женщину. Было не важно, любили ли они друг друга страстно, так что поломанную кровать приходилось потом ремонтировать, или делали это тихо, глядя друг другу в глаза, — каждый раз сердце его наполнялось любовью и нежностью. Иногда в моменты наивысшего наслаждения он брал ее голову в свои руки, и это было лицо ангела, изумленного собственным экстазом. Иногда Челия казалась ему демоном, когда она кричала: «Еще, еще, еще, еще!» — по-испански, пока он не начинал сходить с ума от возбуждения. И когда, разгоряченные и бездыханные, они разжимали объятия, он спрашивал ее: «Это были грязные слова? Ты говорила непристойности? Боже, как бы я хотел говорить по-испански!» И она таинственно улыбалась, не раскрывая тайны.

Они никогда не спрашивали друг друга об испытанных ощущениях. Иногда это было неопи-суемо хорошо, иногда просто хорошо, иногда не так хорошо, как хотелось бы, но никогда не вызывало неудовольствия. Они всегда знали, что будет следующий раз, и каждый следующий раз будет непохож на все предыдущие.

Когда он выключил свет, она свернулась клубочком спиной к нему. Он крепко прижал ее к себе, думая о том, что, если с Челией что-нибудь случится, он пропадет.

В это время в другой квартире Рэй Рейнольдс вел со своей женой разговор по душам. Жена уговаривала его еще немного поработать в полиции. Им нужно время, чтобы выкупить закладную и рассчитаться за мебель, купленную в кредит.

Жена Рэя Клементина была крупной женщиной с волосами медного цвета и огромным количеством веснушек, собравшихся вокруг ее вздернутого носа. Днем ее волосы были собраны в толстый пучок на затылке, но вечерами она иногда распускала его, бросая волосы на плечи, как у женщин на картинах прерафаэлитов. У Рэя дух захватывало от такого зрелища.

Истинные потомки кельтов, Рэй и Клементина не оставили своим детям никаких шансов относительно волос. Их дразнили в школе «морковкой» и «рыжим», совсем как папочку на работе.

— Это все ваши гены, — жаловалась Кэрол, старшая из двух детей. — Могли бы хоть немножко их разбавить, если бы один из вас женился на ком-нибудь другом.

— Но ведь я люблю твоего папу, а он — меня.

— Знаю, — грустно соглашалась Кэрол, — к тому же уже слишком поздно.

— Вот когда ты станешь постарше, — успокаивал ее Рэй, — тебе это понравится. Мужчины будут сходить по тебе с ума, как я по твоей мамочке.

— Может быть, — парировала Кэрол. — Только я никогда не выйду замуж за рыжего.

Этот разговор состоялся больше часа назад, сейчас дети лежали в постелях и, наверно, уже спали. Рэй рассказал жене о пожаре и своем решении уйти из полиции. Клементина ответила, что его увольнение принесет семье много трудностей, и еще раз прошлась по поводу его пристрастия к выпивке.

— Если останусь в полиции, — возразил Рэй, — буду пить, такая уж это работа.

— Это же глупо, Рэй, — возмутилась Клементина, — спивающийся полицейский. Однажды переберешь, и я останусь вдовой.

Он сидел на полу возле ее ног лицом к телевизору, положив голову ей на колени. Клементина гладила его волосы, как вдруг Рэй резко выпрямился.

— Не говори так, — крикнул он.

Голос Клементины стал мягче.

— Рэй, мне больно смотреть, как ты сам себя убиваешь. Я не хочу, чтобы ты был несчастным. Я же люблю тебя, и дети тебя любят. Я лишь хочу, чтобы ты это понял. Рэй, всего шесть месяцев, и мы встанем на ноги. Решим все проблемы. Согласись на ту конторскую работу,

что предлагали тебе в участке. А если ребята станут подшучивать над тобой, не обращай внимания. Ты должен думать о семье. Они за тебя кредиторам не поручатся и в психушке не навесят.

Рэй кивнул и сразу как-то обмяк.

— Хорошо, так я и сделаю. Я возьмусь за эту работу. Будь уверена.

— Мой дорогой, — она крепко сжала его голову.

— Да, не хотел бы я еще раз увидеть такой пожар, как сегодня ночью. Боже, этот запах горелого мяса... — Он замолчал, вспомнив какой-то эпизод пережитого им ночью кошмара.

— Что с тобой? — спросила Клем.

— Сегодня ночью, — он покачал головой, — могу поклясться, я чувствовал запах... Что за орехи ты кладешь в печеную форель?

— Миндаль.

— Точно, миндаль. Готов поклясться, от поджигателя пахло миндалем.

— Может, у него такой одеколон?

— Кто, черт возьми, захочет, чтобы от него целый день несло миндалем?

Глава 3

Двое полицейских сидели в машине на улице позади заведения «Рыбацкий причал». Один из них пил кофе, изучая приборный щиток, другой сквозь ветровое стекло внимательно наблюдал за улицей.

Детектив Дэнни Спитц любил облизывать края пластиковой чашки из-под кофе. Сержанта Дейва Питерса эта его привычка всегда чертовски раздражала.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Дейв, ухватившись за баранку и устраиваясь так, чтобы солнечный свет не бил ему в глаза. Вечная проблема полицейских машин — после ремонта всегда нужно что-то доделывать самому, вроде сломанного солнцезащитного щитка, который качается у тебя перед глазами. Другой давно бы оторвал эту чертову штуковину и забросил куда-нибудь подальше, но только не Дейв. Он был ангелом по сравнению с большинством своих коллег — что запрещено, то запрещено. Ты не должен брать взятки, бесплатно обедать в ресторанах или портить общественное имущество. Полицейский автомобиль как раз и был таким имуществом.

— Что? Что делаю? — выкрикнул Дэнни, прекрасно знавший, что имеет в виду Дейв. Когда наливаешь кофе из автомата, на краях чашки всегда остается налет кофейного порошка, и Дэнни нравилось его слизывать.

Дейв не ответил и продолжал наблюдать за типом, стоявшим в дверях увеселительного заве-

дения. Парень ковырял спичкой в зубах, время от времени при помощи того же инструмента проводя схожую хирургическую операцию в области ушной раковины. Горький вкус ушной серы, видимо, ему совсем не мешал.

Дейв отвернулся от мерзкого типа и перевел взгляд на руины, дымящиеся в двух кварталах от них. Только в одном этом пожаре сгорели семь магазинов и восемьдесят одна квартира. Он не переставал удивляться тому, сколько жертв и разрушений может принести одна спичка. Дымящиеся пустыри можно было встретить по всему городу. В расположенном на холмах Сан-Франциско они были особенно заметны. Иногда это были огромные пустые площади, иногда — всего одно выгоревшее здание. Да и спички не всегда были виноваты. Бензиновые бомбы, зажигательные устройства, масляные лампы — казалось, поджигателями использовались все известные человеку горючие вещества.

Жители Сан-Франциско были особенно осторожны с огнем: в 1906 году трехдневный пожар, начавшийся после землетрясения, уничтожил чуть ли не весь город. Только динамит спас Сан-Франциско от полного исчезновения. Недавно взрывы снова применяли для ликвидации очагов огня в плотной городской застройке. Несколько недель назад потребовалась новая пластиковая взрывчатка, чтобы унять пожар в Ноу-Вэлли. Жители, конечно, не приходили в восторг от того, что их великолепные дома взлетали на воздух. Судебные иски, как конфетти, сыпались на головы отцов города.

Внезапно Дэнни Спитц, зарычав, как терьер, с хрустом откусил приличный кусок от своей пластиковой чашки, выплюнул его в окно и с вызывающим видом уставился на своего партнера. Дейв по-прежнему не обращал на него внимания. Он знал, что скучающий Дэнни только и ждет какой-нибудь реакции на свои выходки. Дэнни во многом был похож на ребенка, хотя в июле ему уже будет двадцать восемь. В отличие от ребенка его макушку уже украшала лысина, которая в сочетании с крупными чертами лица делала его похожим на обезьяну. Ребята в участке прозвали его Брат Тук. Правда, так звать Дэнни в лицо они не решались, опасаясь его темперамента, неистового, как у принявшей крещение ведьмы. Некоторые полицейские имели два прозвища: одно использовалось открыто, другое — за глаза. Официальное прозвище команды Дэнни и Дейва было «Д и Д». Однако в их отсутствие ребята называли их Брат Тук и Мать Тереза.

Парень, за которым они следили, Каспар Гринвей, бородатый белый в кожаном плаще, джинсах и поношенных кроссовках, внезапно насторожился. К тротуару подъехал «форд»; Гринвей выбросил спичку и наклонился к машине. Последовали короткие переговоры, ловкие и незаметные движения рук.

— Вот оно, — сказал Дэнни. — Он взял товар. Берем ублюдков. Ты займешься продавцом, а я возьму Грини.

— Идет, — пробасил Дейв.

Взревев мотором, полицейская машина пересекла улицу и перегородила дорогу большому

«форд». Оба полицейских выскочили, и в тот же момент Гринвей понесся вниз по улице. Дэнни бросился за ним, а Дейв двинулся к машине, держа руку на рукоятке пистолета, но пока не доставая его.

— Могу я взглянуть на ваши права, сэр?

— Пошел ты! — крикнул сидящий за рулем молодой негр.

Он начал разворачиваться и врезался в машину, которая как раз останавливалась у тротуара. Парень растерялся, не справился с управлением, и «форд» рванул вперед, тараня полицейский автомобиль. Он снова подался назад, потом вперед, каждый раз ударяя машины. Дейв выхватил пистолет и поднес свой значок к лобовому стеклу «форда».

— Ну хватит, — рывкнул он. — Я вижу, Пити, ты не научился управлять этой колымагой. А теперь вылезай-ка медленно и спокойно и держи руки так, чтобы я их видел.

Парень выбрался из машины с поднятыми вверх руками.

— Какого черта ты меня называешь Пити?! — заорал он на всю улицу. — Только мамочка может так меня звать, а не какой-то засранец фараон.

Дейв толкнул парня лицом к стене.

— Этот засранец фараон будет звать тебя как захочет и когда захочет, пока ты не перестанешь торговать наркотиками и не станешь добропорядочным гражданином, Пити, мальчик мой. Тогда я буду звать тебя «сэр» или «мистер», как тебе больше нравится, только уважение нужно заработать. Понял ты меня, гаденыш вонючий?

Вернулся Дэнни, волоча за собой Гринвея.

— Не дергайся, а то получишь по шее, — сказал запыхавшийся Дэнни, крепко держа Гринвея за воротник.

— О'кей, — обратился к задержанным Дейв. — Вы имеете право сохранять молчание...

— Ерунда, — перебил его Гринвей, — подумай, герои! Нашли пару унций наркоты. Что же вы не ловите поджигателей? Вот кем сейчас надо заниматься. Не стыдно возиться с нами, когда люди заживо горят?

Надев на задержанных наручники и затолкав их в полицейский автомобиль, Дейв отправился разбираться с разгневанным владельцем разбитой машины. Тот требовал компенсации, грозился судебным иском и поливал Пити трехэтажными ругательствами. На его успокоение ушло минут десять.

Они доставили задержанных в участок и зарегистрировали, предварительно убедившись, что в пачке «Мальборо» вместо сигарет лежат наркотики. Ребята поняли, что попались, и теперь, поджав хвосты, отправились в камеру. Ущерб, нанесенный полицейской машине, состоял в очередной вмятине на переднем крыле, которое и так уже вдвое превосходило поверхность Луны по количеству кратеров.

Слова Гринвея оказались пророческими. Дэнни и Дейва вызвали к капитану, который направил их на противопожарное патрулирование.

— Ситуация выходит из-под контроля, — сказал капитан Рис. — Еще три пожара сегодня утром.

К сожалению, удастся поймать далеко не всех поджигателей. Посмотрите-ка на ту особу...

Патрульные обернулись и увидели женщину, сидевшую за столом следователя. Она была высокой и стройной, с длинными, растрепанными пепельными волосами и в больших очках. Вид у нее был какой-то блеклый, как у одежды, много раз пропущенной через стиральную машину. Дейву показалось, что она перенесла нечто ужасное.

— Кто это? Похожа на библиотекаря или что-нибудь в этом роде, — сказал Дэнни, уже явно сделавший собственные выводы.

— Она подожгла квартиру своего любовника, — объявил Рис. — Только по чистой случайности никто не пострадал. Кажется тихоней, не так ли?

— Такие хуже всего, — заметил Дэнни.

— Не понимаю этих людей, — покачал головой капитан. — Просто не понимаю. У этой женщины было все, и выглядит она совсем неплохо. Ей бы только спину разогнуть и одеться поприличнее. Защитила диссертацию. Читает лекции в университете, а в свободное время занимается поджогами.

— Может, ей нравится такая одежда? Может, именно поэтому она ее и носит, — кашлянув, сказал Дейв. Капитан уставился на него, удивленно подняв брови.

— Что?

— Ну вы сказали: «Если ее одеть поприличнее...» Мне кажется, она неплохо одета.

Рис изумленно покачал головой.

— Иногда, Питерс, вы меня просто поражаете. Какое, черт возьми, отношение имеет ее одежда к тому факту, что она поджигатель?

Дейв пожал плечами.

— Я тоже думаю, что никакого. Но это сказали вы, а не я.

Рис с окаменевшим лицом молча уставился на него и продолжал смотреть так долго, что даже Дэнни наконец почувствовал неловкость. Капитан и Дейв Питерс были так же далеки друг от друга по образу мышления, как неандерталец и кро-маньонец, сойдишь те по прихоти providения.

— Ладно, — проворчал наконец Рис, — пошли работать. Я только хотел показать, с кем нам приходится иметь дело: не монстры, не панки с улицы, а женщины со степенью доктора теологии. У нас есть еще банкир, домохозяйка и ребенок тринадцати лет. Полный спектр. Это надо остановить. Город полыхает, и мэр — вместе с ним. Удивлюсь, если он не выгорит до тла в течение месяца. Вы двое, выметайтесь отсюда и прекратите пожары, слышите меня?

— Слышим, — ответил Дэнни, больше всего желая поскорее смыться из офиса. — Пошли, Дейв.

Дэйв знал, что пожары возникают все чаще и чаще. Компьютерные данные, переданные ему Рисом, читались, как роман ужасов. В 1980 году в США на каждую тысячу человек приходилось по 15 пожаров, а средний ущерб от одного пожара составлял 2000 долларов. Общее количество пожаров достигло трех миллионов при суммарном ущербе 6 миллиардов долларов. США лидировали по количеству пожаров, но уступили ФРГ по сумме ущерба. Хотя в Германии приходилось всего по два пожара на тысячу жителей, средний пожар

обходился этой стране в 14 тысяч долларов — в 7 раз больше, чем США. В Америке случалось множество мелких пожаров, тогда как в Германии они были большими и разрушительными.

В 1990 году ситуация в США мало изменилась. 3 200 000 пожаров, хотя сумма ущерба и возросла из-за инфляции. Пожары, как и ботинки, никогда не дешевеют.

Однако после первого упоминания о «белом огне» в 1996 году ежегодное количество пожаров подскочило невероятно: до 21 миллиона при общем ущербе 102 миллиарда долларов. Возросшая сумма отразила не только инфляцию, но и то, как напряженно работали службы пожарной охраны. К столь большой сумме привела и возросшая стоимость сгоревших предметов и зданий, например недавно построенного японского супермаркета, битком набитого дорогими товарами.

По-видимому, передавая Дейву эти данные, Рис хотел сказать: «Д и Д», поймайте виновных».

Казалось, настоящая огненная лихорадка охватила людей. Каждый, кто имел повод для недовольства, заявлял об этом, поджигая что-нибудь. Никогда прежде в городе не случалось такого количества пожаров за столь малый промежуток времени. Это было похоже на болезнь, распространявшуюся со скоростью эпидемии, против которой власти города были бессильны. Медики действительно высказали предположение о новом вирусе: некий биологический пришелец, который поражает определенные участки мозга, вызывая у жертвы до поры до времени скрытое желание

поджигать все вокруг в порыве первобытного восхищения таинственной силой, заключенной в огне.

Группа психиатров выдвинула альтернативную гипотезу. По их мнению, таящиеся в сознании современного человека запретные желания, доставшиеся в наследство от доисторических предков, под воздействием стрессов выходят из-под контроля. Эти ученые мужи полагали, что влечение к огню глубоко проникло в мозг человека — недаром в древности существовали секты огнепоклонников. Императоры поджигали свои дворцы, захватчики сравнивали с землей вражеские города, воины поджигали леса и степи, короли и простолюдины сжигали на кострах ведьм и мучеников. Англичане до сих пор празднуют день, когда в XVII веке были пойманы заговорщики, собиравшиеся взорвать здание парламента. В этот день по всей стране на тысячах костров сжигают чучело государственного преступника по имени Гай Фокс, изготовившего бомбу.

Оставим теории. В действительности оказывается, что существует множество людей, чиркающих спичками с увлечением ребенка, открывающего новую игрушку. Некоторые из них теряют контроль над пламенем случайно, другие же намеренно уничтожают жизнь и имущество. Они берут спички, зажигалки и поджигают все, даже собственные дома.

Этим вечером Дейв по дороге домой слушал новости по радио. Днем загорелся новый японский супермаркет. Несколько человек до сих пор оставались внутри здания. По мнению представителя

пожарной охраны, не осталось надежды, что кто-то из них еще жив. По радио передавали его интервью. «Дым от горящего пластика — это яд. У них нет шансов. Мы послали туда людей, но вы не можете даже представить себе, что там творится. Мы уже потеряли одного человека...»

Известия о потерях действовали на Дейва отвратительно, и он выключил радио. Ему был нужен длительный отпуск. Съездил бы куда-нибудь с Челией и Джейми. Но сейчас это невозможно. Надо ждать до лета. Можно поехать на Аляску. Челия хотела чаще навещать родных в Мексике, но Дейв считал, что пора уже жить собственной семьей.

Когда он приехал, Челии и Джейми не было дома. Дейв сделал себе бутерброд и включил телевизор. Вероятно, она у своей подруги Сузан, которая живет по ту сторону парка, и вернется домой не раньше семи. Дейву нравилось, если после работы выдавались спокойные полчаса, когда не нужно было рассказывать Челии о том, что произошло за день, и выслушивать ее истории. Они его достаточно развлекали, но сначала ему нужно было отдохнуть, а это не всегда удавалось. Обычно Челия бывала несколько перевозбужденной, а Джейми тоже торопился похвастаться школьными успехами.

Дейв терпеливо досмотрел до конца телевизионное шоу, напичканное избитыми остротами, потом пошли новости. Ему показали, что такое разверзшийся ад: горел магазин. Зрелище внушало суеверный ужас. Дымящиеся тела на тротуарах. Люди, выпрыгивающие с большой высоты и

разбивающиеся о тротуар. Их изуродованные трупы. Камера показала мужчину, бросившегося вниз из окна десятого этажа, ужас на его лице. Он пытался бежать по воздуху, будто вращая педали невидимого велосипеда. Удар о бетон остановил его страшный полет.

Дейв взял телефон и набрал номер Дэнни.

— Смотрел новости? — спросил Дейв, когда услышал в трубке голос напарника.

— Да, — ответил Дэнни, — поглядел, куда нас Рис посылает.

— Не хочу этим заниматься. Не могу. Слишком много боли.

— Я, что ли, могу? Я же католик.

— Религия то здесь при чем? — спросил Дейв, который был неверующим, хотя и женился на католичке.

— Да это адское пламя и все прочее, я в штаны наложил от страха. Похоже на то, что случится со мной после смерти.

— Перестань, Дэнни, ты же ходишь на исповедь раза три в неделю, не меньше.

Дэнни надолго замолчал, потом признался:

— Знаешь, Дейв, мне кажется, когда-нибудь это случится со мной на работе, а я грешу каждое утро. Я — утренний человек. Когда мы вечером приходим домой, подруги обычно бывают слишком пьяны, вот мы и занимаемся этим по утрам. Есть шанс, что это случится днем, до того, как я схожу на исповедь. Думаю, меня убьют в голову или сердце, и не будет времени, чтобы отпустить мне грехи.

— У тебя слишком развитое воображение, —

ответил Дейв, переставший понимать, где слово «это» значило «любовь», а где — «смерть». Дэнни использовал его в обоих случаях. Может быть, он просто не видел разницы и для него оба понятия слились.

— Я знал, что ты меня не поймешь, — расстроился Дэнни, — ужасно, когда твой напарник — атеист.

Дейв почувствовал боль в голосе друга и постарался утешить его, ухмыльнувшись при мысли, что сам себе напоминает священника.

Закончив разговор, Дейв сходил на кухню и приготовил себе кофе. Пора бы им вернуться, подумал он, взглянув на часы. Возможно, Челия пошла в свой арт-класс, оставив Джейми у Сузан. Он позвонил Сузан, к телефону подошел ее муж Билл, рекламный агент.

— Алло? — голос звучал настороженно. Не следует называть свое имя или номер телефона, прежде чем том, кто вам звонит, не представится.

— Билл, это Дейв Питерс. Челия не у вас?

— Минутку, Дейв. — На другом конце провода невнятно прокричали, после чего Билл снова подошел к телефону. — Сузан говорит, что они расстались утром в одиннадцать. Челия собиралась в магазин или куда-то еще. Сузан должна была вернуться и забрать Анжелу. Что-то случилось?

Анжелой звали трехлетнюю дочь Билли и Сузан.

— Не знаю. Наверно, она где-то задержалась. Пока, Билл.

— Пока.

Дейв бродил по кухне, размышляя, что ему

делать. Искать ее на машине по улицам он не хотел; однажды он уже паниковал, когда Челии долго не было дома. В тот раз она оказалась у парикмахера, а он не заметил записку на дверце холодильника. Дейв взглянул на то же место и увидел кусочек бумаги, прижатый магнитом в форме Микки Мауса. Он вздохнул с облегчением.

— Слепой, — произнес он, удивляясь, почему не заметил записку раньше. Правда, Дейв ничего не доставал из холодильника. Сладкий сэндвич был в другом месте, а кофе он пил без молока. Он развернул записку.

«Дорогой, — читал он, — наверно, я вернусь домой раньше тебя. Если нет — не трогай шоколадный торт. Он на вечер. Люблю. Люблю. Люблю. Челия.

P. S. Хватит ли на нашем счету денег на новое платье? В магазине «Мицунаки» сегодня распродажа».

Дейв почувствовал неладное. Он старался обуздать свои эмоции, приказал себе рассуждать логически.

— Они не пошли туда, — произнес он. — Они не пошли туда, потому что она спрашивала про банк. Она собирается туда завтра или в другой день. Она ведь написала: «Хватит ли на нашем счету денег на новое платье?» Она хотела знать это прежде, чем идти покупать его.

Иступленным взглядом он обвел кухню. Его глаза остановились на часах. 7.10.

— Возвращайся домой, Челия, — прошептал он. — Возвращайся скорее.

Глава 4

Дэнни Спитц был прихожанином трех разных церквей, каждую из которых он посещал раз в неделю. Посещать только одну церковь ему было слишком стыдно: грех, в котором он исповедовался, изо дня в день оставался одним и тем же. Священники и без того сокрушались из-за него, хотя ни один из них не подозревал, что еще двое его коллег отпускают Дэнни грехи.

Дэнни знал, что его ждет ад, но ничего не мог с собой поделать. Его неудержимо манили случайные связи. Отдадим ему должное. Дэнни пытался сопротивляться, но ни страх перед священником, ни страх перед адом и даже смертью (Дэнни очень боялся венерических болезней) не отвращали его от того, за что — он твердо в это верил — ему уготованы вечные муки. Он был пропащий человек.

Дэнни: «Простите меня, отец, ибо я согрешил».

Священник: «Опять? Но это не тот грех, что в прошлый раз?»

Дэнни: «Да, отец, тот же самый».

Священник (безнадежно): «Дэниел, Дэниел, когда же ты женишься?»

Дэнни: «Никто не хочет выходить за меня, отец. Я... я... я похож на обезьяну. Ребята зовут меня Брат Тук. Причина в этой преждевременной лысине и в том, что я кажусь таким толстым, только... Послушайте, отец, что я могу поделать, если Бог создал меня таким сексуальным?»

Священник: «Даже если это и так, в чем я сомневаюсь, в твоих силах быть твердым и

противостоять искушениям. Думаешь, другим мужчинам не хочется разнообразия? Но они не поддаются, Дэниел».

Дэнни (подозревая, не себя ли имеет в виду священник): «Я слаб, отец мой, я искренне каюсь».

Священник (строго): «Все мы раскаиваемся на следующее утро, но мы должны остановить себя прежде, чем это случится».

Дэнни: «Я сожалею».

Священник: «Если ты сам думаешь о себе плохо, как же женщины могут уважать или даже любить тебя? Поговори с одной из них. Кто знает, может быть, она удивит тебя. Ведь в своей основе ты хороший человек».

Дэнни: «У меня нет знакомых девушек. Отец мой, это исповедь или что? Подлечиться я могу и у полицейских психоаналитиков».

Священник: «Я лишь пытаюсь помочь тебе. Похоже, епитимьи не пошли тебе на пользу. Но если у тебя нет знакомых девушек, где же ты находишь женщин, чтобы грешить с ними?»

Дэнни: «Хорошие жены из них не получатся. Это проститутки, отец мой. Я же говорил вам. Они делают это не задаром. Мне придется заплатить одной из них, чтобы она вышла за меня замуж».

Священник: «Но они все-таки женщины. Даже проститутка в роли жены будет лучше, чем эти еженедельные оргии. Ладно, какое же покаяние на тебя наложить?...»

Такие разговоры Дэнни вел чуть ли не через день. Они давали ему заряд духовной энергии. Иногда он отправлялся в бар сразу же после

исповеди. Дэнни знал, что после пары рюмок он снимет девицу, отвезет ее домой и будет грешить, пока не выдохнется. Сегодня был как раз такой вечер.

В этот раз он осушил четыре двойных виски подряд. Щеки его покраснели, он чувствовал, как тепло разливается по всему телу. Воспоминания о недавней исповеди ушли в прошлое. Он начинал себе нравиться. Такое расположение духа было самым опасным. Оно значило, что выпивка сделала его достаточно самоуверенным, чтобы приблизиться к женщине.

— Похоже, мне хватит? — спросил он бармена, перевернув свой стакан вверх дном.

— Ты выпил четыре двойных. Это на один двойной больше, чем «хватит».

— Спасибо, Фрэнк. Я всегда считал тебя честным парнем. Скажи, а другие бармены тоже такие честные?

— Только с полицейскими.

Дэнни хихикнул.

— Эй, эй, Фрэнк. Тише. Шлюхи могут нас услышать. Что я тогда буду делать ночью? Кто ляжет в постель с полицейским?

— Ты не похож на полицейского. Ты похож на...

— Ладно, ладно, все знают, на кого я похож. Это их и возбуждает. Они словно прыгают в постель к святому. Они просто трепещут от этого.

Недалеко от музыкального автомата завитая блондинка разговаривала с маленьким мужчиной — нос кнопкой и очки в роговой оправе. Она отвернулась от своего собеседника и улыбнулась

Дэнни. Полицейский ответил ей тем же, слез со своего табурета и, пошатываясь, дошел до их столика.

— Мистер, я надеюсь, вы не собираетесь в постель с этой девицей, поскольку я намерен ее арестовать.

Он показал свой полицейский значок и распахнул куртку, чтобы был виден пистолет.

— Это моя жена, — несколько поспешно закричал мужчина.

— Да, — подтвердила женщина, — это мой старикашка. — Она достала сигарету и улыбнулась. — Тебе что-нибудь нужно, Дэнни?

— Я только хотел узнать...

— Дай мне пару минут, чтобы припудриться, хорошо?

Человечек ошарашенно переводил взгляд с одного из них на другого. Прошла пара минут, прежде чем он понял, что его место заняли. Когда до него это дошло, он обиделся.

— А как же я? — спросил он, когда девица уже направлялась в дамскую комнату.

— Завтра, Бенни. Во всяком случае, сегодня это тебе не по карману. Я знаю, когда у тебя получка — раз в месяц. Именно тогда у тебя бывает прилив сил, не чаще. И как раз после моих месячных. — Она толкнула боком дверь и одарила его фальшивой улыбкой.

Дэнни навис над столом, сверху вниз глядя на человечка. Ему показалось, что он прочел в его глазах облегчение от того, что его избавили от проститутки. Может быть, у него те же проблемы, что и у Дэнни? И он постоянно испытывает те

же муки? Может, этот малый благодарен за то, что ему не придется спать сегодня с Ритой? Дэнни решил, что должен поговорить с ним по душам. Возможно, они помогут друг другу, так сказать, проявят сексуальную солидарность.

— Эй, — сказал Дэнни после паузы, — ты католик? Католикам же это нельзя.

Человечек прищурился.

— Откуда вы свалились, мистер? Я не католик, не полицейский, и я хочу Риту сегодня ночью. Ты думаешь, вам, фараонам, разрешено расталкивать всех без разбора?

Дэнни был разочарован. С протестантом говорить бесполезно. Ему неизвестны те угрызения совести, которые испытывает католик. Протестантский бог легче прощает, более терпим. Он позволяет делать почти все, кроме как убивать кого-нибудь или спать с чужой женой. Да и протестантский ад значительно приятнее католического. Там, конечно, есть телевизор, лампочка около кровати, занавески на окнах и долгий период подготовки, пока черти раздувают огонь. Человечек прервал молчание.

— Вам не удастся растолкать всех, — сказал он с пафосом.

Дэнни вернулся к реальности.

— Всех нет, только таких малышей, как ты. Иди отсюда, я не хочу ее будоражить. Ты пойдешь с ней завтра, после того как получишь деньги.

Неожиданно Дэнни пришла в голову неприятная мысль, что они уже довольно долго делят Риту между собой. Он нахмурился.

— Слушай, а у тебя все в порядке? Ты надеваешь презерватив?

— Не суйся не в свое дело, — ответил Бенни, опустошив стакан.

Рита вернулась. Теперь она искренне улыбалась.

— Пойдем, котенок.

— Скажи, он надевает презерватив? — спросил Дэнни, когда она повела его к выходу, взяв под руку.

— Кто, Фрэнк? Откуда я знаю?

— Нет, не Фрэнк, а этот парень, как его, Бенни. Ты с ним иногда ходишь. Ты его заставляешь надевать...

— Дэнни, мальчик мой, ты же знаешь, что я всегда на этом настаиваю. В наше время девушка должна быть осторожна. Кому захочется умереть?

Дэнни почувствовал облегчение.

— Хорошо, — вздохнул он, — может, пойдем ко мне?

— Дэнни, тебе не нравится делать это в машине, в отеле, у меня дома. Так где же еще мы можем остановиться? Мне, между прочим, нравится твоя квартира, детка. Там хорошо.

— Дашь мне скидку, если я подам тебе завтрак в постель?

— Никаких скидок. Я зарабатываю на жизнь, дорогой. Мне нужно платить за квартиру. Но ты бесплатно получишь нечто особенное, понимаешь, о чем я говорю? — Она сжала ему руку.

— О да, — сказал он, немного протрезвев. — Мне это нравится, правда.

— Конечно, дорогой.

Вернувшись домой, Дэнни налил вина себе и

Рите, и парочка отправилась в спальню. Он стал раздеваться сам; ему не нравилось, когда кто-нибудь снимал с него одежду. Не то, чтобы он считал подобную операцию несексуальной, но его раздражали игры с галстуком или пуговицами на рубашке. Когда Дэнни раздевался, он снимал большую часть одежды сразу. Сейчас он ослабил галстук, расстегнул две пуговицы на рубашке и затем одновременно стянул с тебя рубашку, майку, галстук и свитер. Потом, не развязывая шнурков, сбросил ботинки, расстегнул молнию на штанах и одним махом избавился от брюк, трусов и носков. На нем осталась только обернутая вокруг талии португепя, потому что Рита всегда говорила, что ее это возбуждает.

Чтобы доставить ему удовольствие, Рита медленно, один за одним, снимала с себя предметы одежды. И только укрывшись одеялом, Рита сбросила с себя лифчик: она стеснялась своих обвисших грудей. Впрочем, Дэнни был добрым человеком и, боясь ее обидеть, никогда не обращал на это внимания.

Рита была теплой, мягкой толстушкой, и это очень нравилось Дэнни. От нее всегда пахло гигиенической пудрой и дешевыми духами, но после вонючей раздевалки в полицейском участке, где он оставлял одежду перед душем, даже запах недорогого одеколона казался ему прекрасным.

— О, шомпол, — сказала Рита, потрогав Дэнни под одеялом.

— Священник говорит, что мне нужно жениться, — сказал он ей.

— Что? — Долгая пауза. — Дэнни, — хрипло

сказала она наконец, — ты ведь не просишь моей руки, а? Подожди, пока мы закончим, тогда и посмотрим, захочешь ли ты меня о чем-нибудь спрашивать. Ты просто слишком возбужден, вот и говоришь всякую чепуху.

— Но если я все-таки спрошу тебя, ты скажешь «да»?

— Дэнни, не хочу тебя расстраивать, дорогой, но я уже дважды была замужем, и ничего хорошего из этого не получилось. Я любила этих ребят, когда выходила за них, а уже через месяц я их ненавидела. Это просто не для меня. Хотя ты и полицейский, но ты мне нравишься. Ты хороший парень. Я не хочу тебя ненавидеть, Дэнни. Ты ведь вносишь большую часть моей квартплаты.

Он улыбнулся.

— Ты хорошая, Рита.

— Да, золотце мое. А теперь, может быть, ты придумаешь что-нибудь получше, чем пихать меня в живот?

Он нащупал руками волосы под ее мягким округлым животом. Они были влажные. Дэнни удивился.

— Эй, это тебе мой ремень натер?

Она улыбнулась.

— Нет, это все от твоих разговоров, как будто в прошлое вернулась. Добрые старые деньки, когда я занималась любовью задаром и мне это нравилось. Тогда и притворяться не приходилось. Сегодня мне приятно, Дэнни, правда.

— Не врешь?

— Начинай же, Дэнни, мне уже тяжело дышать. Потеряла весь свой профессионализм.

Потом он обнял Риту и задремал. Ему приснилась Рита. Возбужденная, она стояла в дверях и звала его. Но вместо того, чтобы сказать: «Эй, парень, пошевели мышцами, доставь девушке удовольствие», она ворковала: «Ты очень красивый, у тебя интеллигентное лицо. Мне нравится нежность в парнях...»

Дэнни внезапно проснулся и обнаружил, что кто-то сидит на краю кровати. Он слышал его дыхание и чувствовал, как прогибается матрас под его весом. Рита, тихо похрапывая, все еще лежала в объятиях Дэнни.

Он мгновенно вспотел, желудок свело от страха. Ему будто приснился кошмарный сон: бывший заключенный приходит, чтобы отомстить взявшему его полицейскому. Такое случалось. Не часто, но случалось. Чарли Бейтмана прямо в постели убил топором сбежавший заключенный. Боже, думал Дэнни, больше никогда не согрешу. Только помоги мне сейчас. Обещаю. Я не хочу умирать.

Он долго лежал неподвижно, и его мускулы заныли от напряжения. Каждую секунду он ждал, что чьи-то руки вот-вот вцепятся ему в горло или он почувствует у виска холодное дуло пистолета. Кто ему угрожал в последнее время? Малыш Джон Смитсон? Таше Рудерман? О Господи, о Господи, только бы не Стим Бикс, этот чертов маньяк! Только бы не он, Господи!

Фигура на кровати оставалась неподвижной.

Дэнни вытащил правую руку из-под Риты и медленно потянулся к пистолету, благословляя лежавшую рядом женщину за то, что она позволила голому полицейскому остаться вооруженным. На-

щупав кобуру, он вцепился в нее дрожащими пальцами, как паук в жертву. А может, он спит и все это видит в ночном кошмаре? А вдруг это наконец настигшее его наказание за грехи?

Влажной от пота ладонью Дэнни нащупал рукоятку пистолета. Сжав оружие, он через одеяло навел дуло на темную фигуру. Страх немного отпустил. Во всяком случае, он постарается прикончить этого черта прежде, чем тот его.

— Не двигайся, ублюдок, или клянусь, я прострелю твою чертову башку, — прорычал Дэнни.

Рита шевельнулась.

— Ты что?

Дэнни вытащил вторую руку из-под Риты и стал нащупывать выключатель. Темная фигура сдавленно всхлипнула, и у Дэнни екнуло сердце. Что за идиот сюда приперся?

— Клянусь, я спущу чертов курок! — закричал он. Его пальцы нашли наконец выключатель, и комнату залил свет.

Сверху на Дэнни смотрел Дейв. Дэнни не сразу узнал товарища. Тот посерел и осунулся, смотрел отсутствующим взглядом. На голове у него была шишка, а на щеках — кровоподтеки.

У Дейва и Дэнни были ключи от квартир друг друга, чтобы в случае чего один из них мог прийти на помощь другому. Для оповещения об опасности они придумали специальный телефонный сигнал. Пока необходимости не возникало, но Дейв утверждал, что им простительно быть параноиками.

Рита окончательно проснулась и уставилась на Дейва.

— Дейв, что случилось? Кто тебя так? — вымолвил наконец Дэнни.

Отчаянно всхлипывая, Дейв упал на руки Дэнни.

— Она умерла, Дэнни. Они убили мою жену. Моего ребенка тоже. Господи, я этого не выдержу.

Его тело сотрясало от рыданий. Ничего не понимая, Дэнни обнял Дейва за плечи. Они вломились к нему в квартиру? Кто? Бывшие заключенные? Взломщики?

— Пойду сварю кофе, — прошептала Рита. — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Это мой напарник, — объяснил Дэнни.

Она выскользнула из постели, надела халат Дэнни, вышла из спальни и босиком побежала по коридору. Минуту спустя зазвенела посуда. Дейв все плакал, бормоча что-то несвязное. Дэнни дал несчастному выплакаться, укачивая его как ребенка.

— Челия? — спросил он наконец. — И Джейми?

— Да. — Дейв выпрямился и уставился на середину комнаты, как будто нашел там что-то очень важное.

Комок встал в горле Дэнни. Господи, только не семья Дейва. Боже, он же живет только семьей. Дейв вдруг поднялся и подошел к окну.

— Тебе известно, что в японском супермаркете был пожар? Челия была там вместе с Джейми. Покупала платье. Мне в морге пришлось опознавать содержимое ее сумочки. Там были вещи, которые не горят.

Дэнни схватился за голову.

— Господи, Дейв, какая потеря...

— Знаешь... Я не могу поверить, что ее нет. Я сидел дома, каждую минуту ожидая, что вот-вот щелкнет замок, она войдет и скажет: «Извини, что я поздно, дорогой, меня неожиданно пригласили в гости...» Господи, я ничего не понимаю. Мне кажется, я схожу с ума. Как мне жить дальше, Дэнни? Я люблю ее. Я люблю моего мальчика. Они оба ушли. Почему оба, Дэнни? Челия никого не обидела за всю свою жизнь. Почему они мне это сделали, почему?

Он повернулся и с размаху ударил головой о стену. Теперь Дэнни понял, откуда появились шишки и кровоподтеки. Он встал, натянул штаны и взял Дейва за плечи.

— Они не хотели навредить тебе. Это был просто несчастный случай. Пойдем выпьем кофе или чего покрепче. Давай, друг, поговорим. Тебе станет легче.

Дэнни повел друга в столовую, где Рита сидела на софе и курила. Она вопросительно посмотрела на вошедших.

— Его жена и ребенок...

Она закусила губу и кивнула. Дейв снова зарыдал. Оставив его с Ритой, Дэнни пошел наливать спиртное. Он уже жалел, что только что на его кровати сидел не грабитель. С тем, по крайней мере, было ясно, что делать.

Ночь будет долгой, подумал Дэнни, а потом — длинная, длинная жизнь.

Когда Дэнни вернулся с двумя стаканами, Дейв, казалось, стал другим человеком: мышцы лица дрожали, под глазами — мешки, щеки обвисли, как у старика, кожа — болезненного серого цвета.

— Выпей, друг, — сказал Дэнни. — Этого с тобой не должно было случиться. Нет на свете справедливости. Господи, я никогда прежде не видел тебя таким. Ты так плохо выглядишь. Я хотел бы тебе помочь.

Но он мог говорить, только говорить.

Дейв даже не взглянул на виски, обхватил голову руками и стал раскачиваться. Дэнни обнял его, как обнимают обиженного ребенка. Они стали раскачиваться вместе, а Рита беспомощно смотрела на них; она не привыкла видеть мужские слезы. Рита была проституткой, а не доктором и могла утешить мужчину, но сейчас она была бессильна.

Через некоторое время Дэнни стало нехорошо. Он понял: это от сильного запаха пота, исходящего от Дейва, от его кислого дыхания. Однако, когда Дэнни отпустил друга и встал, ему стало еще хуже.

Дейв вышел из транса.

— Почему Челия? — сказал он. — Почему не какая-нибудь сука с улицы?

Рита резко отодвинулась от него. Одного взгляда на Риту было достаточно, чтобы прийти в себя. Он увидел боль в ее глазах и спохватился.

— Ох, нет, извини, я не то хотел сказать. Я не знаю, что говорю.

— Все нормально. Я понимаю, ты потерял жену. Это очень больно.

— И сына тоже, не забывай, моего сына. Я играл с Джейми. Господи, когда же это было: вчера, сегодня? Я перестал чувствовать время. Что такое время, Дэнни? Челия и я, мы поздравляли друг друга с тем, что у нас такой ребенок. Он — главное в моей жизни, ты знаешь, и я никогда

не сердился, если он будил меня после ночной смены. Я за него готов был кого угодно убить. Джейми умер, а ведь он только начинал жить. Такой веселый, такой непосредственный.

Дэнни не знал, что сказать.

— Это страшный сон, Дэнни, — продолжал Дейв. — От нее ничего не осталось, только черная обгоревшая штука, похожая на чучело ведьмы. Ты же верующий, Дэнни, скажи мне что-нибудь.

— Только ее тело погибло, Дейв. Ее душа с Богом. Ты должен поверить в это, потому что это правда. Челия ушла не навсегда. Она и Джейми ждут тебя где-то, и однажды вы снова будете вместе. Это правда. Ты — мой друг, Дейв, и я никогда не врал тебе. Я верю в это. У Челии была прекрасная душа, и она все еще здесь. И единственное, что ее беспокоит, — это ты. Потому что они с Джейми счастливы. Поэтому ты должен успокоиться и взять себя в руки. Ты понимаешь, о чем я?

Дэнни старался убедить Дейва, потому что искренне верил в то, что говорил. Выражение лица Дейва стало менее напряженным, он понемногу расслаблялся. Рита, полностью одетая, вышла из спальни с одеялом в руках.

— Спасибо, Дэнни, — тихо сказал Дейв и повернулся к Рите. — Извини, я не сознавал, что несу.

— Все в порядке, — сказала она, — но я ухожу. Увидимся, Дэнни. Позаботься о себе. И ты тоже, Дейв.

Прежде чем Рита успела уйти, Дейв уже крепко спал на диване, укрытый одеялом. Дэнни попрощался с Ритой и закрыл за ней дверь.

Глава 5

Как и все его собратья, Малох был хамелеоном. В его облике отражалась внешность окружающих людей, которая обманывала всех, кроме его сородичей. Полные тщеславия, они в своей смертной оболочке были прекрасными созданиями.

Малох знал, что его преследовали, когда шел по Турецкой улице, когда бежал по изогнутой, как американские горки, Ливенворс-роуд с Русского Холма.

Когда-то Малох обладал огромной властью над миром, но здесь, на Земле, он почти лишился ее. Единственные преимущества, которые он имел перед смертными, — это сверхъестественная физическая сила и способность к регенерации, гарантирующая бессмертие. Его мышцы, кости и даже мозг восстанавливались в считанные секунды. Если все молекулы его тела не подвергнутся одновременно разрушительному воздействию огромного давления или высокой температуры, ему не грозит смерть.

У Малоха не было защиты от своего злейшего врага и страшного оружия, которое тот нес. Ему оставалось только прятаться среди миллионов людей и надеяться, что его не заметят.

Малох подошел к полупустому ресторану. Ему преградил дорогу швейцар.

— Сожалею, сэр, но вы не можете войти без галстука, — сказал он, приложив руку к груди. — Если вы пройдете в гардероб...

Малох схватил швейцара за шею и сжал ее. Задохнувшийся швейцар рухнул на тротуар. Малох

перешагнул через него, пересек зал ресторана, кухню и вышел через черный ход.

За рестораном оказался забор. Он перелез через него и осмотрелся в поисках места, где было бы много смертных, чтобы затеряться среди них. На пустом месте враг сразу его найдет, но, чем больше рядом людей, тем меньше его отличия бросаются в глаза. Он излучал зло, как маяк в ночи. Смертные тоже носят зло в своих душах, одни больше, другие меньше. Конечно, их излучения значительно слабее, но если смертных достаточно много, то поле Малоха расплывается, и врагу уже не найти его. Этот метод маскировки был особенно хорош там, где смертные творили злые дела, где процветали воровство и разврат.

Еще он умел перемещаться в пространстве так быстро, что его враг не успевал прицелиться, даже если уловил сигнал.

В пустой груди Малоха рождался страх, и страх этот заполнял земную оболочку. На небесах это был великий воин, разрушитель, обладающий могущественной силой. Здесь же, на Земле, такой власти у него не было, и он был вынужден принять земной вид, который позволял раствориться в толпе отвратительных смертных.

Страх погубил его. Он бежал, бросив владыку, и вместе с другими устремился туда, где можно было укрыться. Сначала их было много, но с каждым вздохом становилось все меньше. Там, где он жил раньше, не было безопасного места. Оставался только один мир — мир смертных людей.

Один из бойцов вражеского воинства без

приказа верховного повелителя последовал за ними на Землю. У него был высокий чин члена Первой Триады, но он не настолько отличился в битвах, чтобы ему было даровано собственное имя. Теперь, казалось, он нашел себе цель — уничтожить врагов, покинувших их мир, всех до единого. Это создание не знало компромиссов, не знало прощения и милосердия. Оно не испытывало ненависти к Малоху и его братьям: просто такова была цель.

В переулках Малох нашел ночной клуб, ветхую хибару, где стриптизерши стягивали свое нехитрое одеяние, а главный бизнес делался в грязном туалете на задворках. Это было место, где нелегально торговали любовью и наркотиками, где мафиози встречались, чтобы обсудить свои дела, где подкупленные полицейские совещались с гангстерами, где договаривались об убийствах, где смерть прописывалась как лекарство.

Малох вошел, сел за столик в тени сцены и в страхе ждал. Он чувствовал, что его враг на улице и быстро приближается. У двери ночного клуба ужасное существо остановилось. Сердце Малоха замерло, когда враг стал прощупывать помещение ночного клуба. Если только он заподозрит, что Малох здесь, он, скорее всего, сожжет белым огнем ночной клуб до основания со всеми его обитателями.

Малох знал, что излучение, исходившее от ночного клуба, наполненного сводниками, грабителями и убийцами — собравшимися здесь отбросами общества, — уже окутывает его непроницаемым для врага покрывалом. В углу комнаты, укрывшись

под скатертью, проститутка развлекала клиента. На задворках, в туалете, торговали наркотиками. В переулке за туалетом подвыпившего бизнесмена сильным ударом по голове свалили на землю и освободили от часов и бумажника. Вся эта местность буквально кишела преступлениями и преступниками.

Наконец враг, так ничего не обнаружив, стал удаляться, и Малох облегченно вздохнул.

Он даже смог улыбнуться подошедшей к его столу девушке.

— Составить компанию, детка? — спросила она.

— Почему бы и нет? — кивнул Малох.

Он заказал выпивку себе и девушке и позволил себе расслабиться.

Девушка положила руку ему на бедро. Она была маленькой симпатичной брюнеткой. Малоха, который был в состоянии удовлетворить девушку физически, заинтересовало ее предложение. В отличие от своего врага, лишенного в своей смертной оболочке половых признаков, Малох был экипирован лучше многих мужчин.

Глаза девушки расширились от удивления, когда она нашла то, что искала.

— Ого, — выдохнула она. — Большой.

Он переложил руку девушки на ее колено. Малох к числу эксгибиционистов* не относился.

Девушка надула губки.

* Эксгибиционизм (мед.) — вид полового извращения, заключающийся в стремлении к прилюдному совершению полового акта.

— Неужели я тебе не нравлюсь, детка?

— Ты в порядке. Только место неподходящее. Кое-кто следит за мной, и я не хочу, чтобы он взял меня со спущенными штанами. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Конечно. — Она нервно оглядела комнату. — Кто охотится за тобой? Полиция или шайка?

— Нет, один парень, но он хуже чем все они, вместе взятые. Не беспокойся, он ушел.

— Ушел? Куда?

— Дальше по улице.

— Ох, вот чего я не переносу, так это насилия. Мой парень избивает меня, если я прихожу с синяками.

— Звучит логично, — сказал Малох.

Она кивнула, хоть и не поняла, что он имеет в виду.

— Слушай, — сказала она тоскливо, — ты уверен, что не хочешь этого? Ты ужасно симпатичный.

Малох улыбнулся.

— Знаю. Но нам придется пойти в другое место.

Его желание стало ослабевать. Для него она была не так уж привлекательна, а на улицах все еще было опасно.

— Хорошо, но если только ты готов, надо поторопиться, иначе мой друг придет сюда, и у тебя возникнут проблемы. Пошли, я на работе.

Малох проследил за ее взглядом и увидел сутенера, наблюдавшего за ними из другого угла. На его лице не было злобы, но Малох знал, что если вскоре он не пойдет с проституткой, сутенер

вразвалочку подойдет и спросит ее, почему, черт возьми, она бездельничает, когда здесь полно других клиентов. В нем было футов шесть роста, и мускулы его выглядели внушительно. Без сомнения, он любил поработать кулаками, особенно над своей подружкой.

Девушка дернула Малоха за рукав.

— Ты ужасно симпатичный, — повторила она. — Большинство моих клиентов не такие джентльмены, как ты. Это мерзкие рожи, у них отвисшие животы и тройные подбородки. Они лапают тебя, как кусок мяса. — Она улыбнулась.

— Понятно.

— Дай мне знать, когда соберешься уходить. Спасибо за выпивку. Я должна еще поработать. — Она замолчала и взглянула ему в глаза. — Знаешь, таким приличным людям, как ты, не следует сюда приходить. Ты можешь пострадать. Здесь есть плохие парни, они тебя прирежут ни за что. Будь осторожен. Слышишь?

— Да, — сказал Малох, и девушка, оставив его, пересела за другой столик, где новый клиент с тройным подбородком и отвисшим животом только и ждал, чтобы схватить ее за грудь и запустить руку к ней под юбку.

Внезапно тень накрыла столик, за которым сидел Малох, и он ощутил укол страха, пронзивший его насквозь.

Он обернулся, но это был всего лишь сутенер.

— В чем дело? — спросил он, ослабившись. — Тебе не понравилось мое Золотце?

— Я не видел вашего золотца, — огрызнулся

Малох, — но если вы достанете его, я скажу, нравится оно мне или нет.

Улыбка исчезла с лица сутенера.

— Очень умный, да? Ты понял, что я имею в виду, урод. Девушка. Чем она тебе не понравилась?

Малох знал, каким видит его сутенер: бледный юноша, может быть только что из колледжа, изнеженный, с тонкой кожей, почти женоподобный. Прекрасный молодой человек из хорошей семьи, отправившийся погулять с папочкиного разрешения. Сутенер хотел бы узнать, где припаркован «порше» и как ему наложить лапу на ключи, пока Золотце будет лишать мальчика невинности.

— С девушкой все в порядке. А вот ты меня достал. Сдается мне, что ты спишь с ней — когда в состоянии делать это. А я не собираюсь заходить туда, где ты побывал. Надеюсь, ты понял, о чем я говорю.

У сутенера расширились глаза.

— Ах ты маленький засранец. — Он вынул из кармана выкидной нож. Блеснув в лучах света, со щелчком выскочило лезвие. Сутенер метнулся к Малоху, нож сверкнул, как голова змеи.

Малох опасался только за глаза — он не смог бы восстановить их, но сутенер этого не знал и метил в сердце.

Малох оказался проворнее. Прежде чем лезвие прошло полпути до своей цели, рука с тонкими пальцами вцепилась в запястье сутенера и резким движением вывернула предплечье. Раздался громкий хруст. Сутенер побледнел и широко раскрыл рот. Его глаза вылезли из орбит. Нож со звоном

упал на пол. Кто-то завизжал. Заскрипели стулья. Люди стали отодвигаться подальше от драки.

Сутенера качало. Его кисть неестественно болталась.

— Ублюдок! — завопил он. — Ты сломал мне руку!

Малох встал, собираясь уходить.

— Тебе повезло, что это была не шея.

Однако противник еще не считал драку законченной. Резко выбросив ногу, сутенер попытался ударить его ниже пояса. Малох перехватил его ступню, подержал секунду и резко скрутил. Снова громкий хруст, будто сломалась ветка. Сутенер упал на пол, корчась и крича от боли. Из углов зала в их сторону двинулись вышибалы. Малох поднял стол и выломал одну из ножек. Он подождал, пока один из вышибал не подойдет поближе, быстро отступил в сторону и нанес ему страшный удар по почкам. Вышибала не успел уклониться и с выпученными глазами сложился пополам, так что его голова почти коснулась его правого ботинка.

Остальные остановились.

— Мудрое решение, — сказал Малох.

Он, как копье, метнул ножку в стену между двумя вышибалами. Пробив штукатурку, она на треть углубилась в стену.

— Теперь, хотя мне и приятно поразвлечься, я должен идти. Как вы заметили, я сильнее, чем выгляжу, так что постарайтесь не делать глупостей. Пока, Золотце. — Малох слегка поклонился в сторону девушки. — Рад был познакомиться.

Он вышел из зала, и люди расступились перед ним, как волны Красного моря.

На улице им снова овладел страх. Малох направился через весь город к дому, где его трудно будет найти. Когда находишься в движении, никогда не можешь расслабиться полностью; Малох мог рассчитывать только на то, что враг будет занят уничтожением менее хитрых беглецов или получит приказ возвращаться.

Где-то в городе ухнул взрыв, залил улицы светом, мгновенно сменившимся тьмой.

Его враг действовал.

Глава 6

Дейв разбужен поцелуем Челии. Он открывает глаза и видит ее полностью одетой и готовой выйти из дома. Она великолепна. Обтягивающий костюм выделяет контуры прекрасной фигуры. Длинные черные волосы заплетены в косу, уложенную короной на затылке и удерживаемую тонким гребнем. Яркие накрашенные губы означают, что Челия всерьез собралась сорить деньгами. Дейв садится на кровати и протирает глаза. Они болят, как будто он плакал. Галстук и рубашка висят на стуле перед кроватью, но он никак не может найти свои брюки.

«Что происходит?»

«Вставай, соня, — смеется она. — Пора идти по магазинам. Помнишь, ты обещал сходить со мной в новый японский супермаркет за платьем? Джейми побудет сегодня утром со Сью, и мы можем делать все что захотим. Возьми кредитную карточку, скряга, Челия сегодня собирается безумствовать».

«Конечно, я помню».

Что-то смущает Дейва, но он не может понять, что именно. Словно мухи жужжат в черепе. Это выводит его из себя. Он слезает с постели и идет в ванную бриться. Дейв входит в гостиную, а через минуту они с Челией уже идут по тротуару и, поднимаясь по ступенькам, входят в супермаркет. Дейв все еще в трусах, и это его смущает, но, похоже, никто не обращает на него внимания. Челия смеется над его застенчивостью.

«Ты же надел рубашку и галстук, не так ли?»

Так о чем же ты беспокоишься, большой медведь? Взгляни-ка на меня. На мне почти ничего нет. Мисс Стройность 1990».

И правда, ее костюм исчез. Сейчас на ней только ее лучшее шелковое белье, которое Дейв подарил ей на прошлое Рождество. Это не нравится Дейву, и когда они бродят по магазину, он пытается закрыть ее тело от пялящихся мужчин. Видно, сегодня придется расквасить несколько носов. Дейв не одобряет мужчин, глазеющих на его жену, словно на картинку в порножурнале. Оливковые груди Челии выскакивают из лифчика, и Дейв просит ее заправить их внутрь, так как они привлекают слишком много внимания, но Челия только смеется.

Челия спрашивает у продавца, где находится отдел платьев. Оказывается, единственный такой отдел расположен в окне магазина и они его уже прошли.

«Спасибо! — кричит Челия. — Хорошо бы нам побыстрее попасть туда. Моему мужу не нравится, когда я разгуливаю в таком виде, он очень ревнивый».

«Вовсе нет, — протестует Дейв, — любой выйдет из себя, если его жена разгуливает вот так на людях».

Челия за руку тащит Дейва ко входу и заводит в оконную нишу. Там нет платьев, но есть кровать.

«Слушай, медведь, — шепчет Челия ему на ухо, — давай займемся любовью».

Она снимает трусики и ложится. Прохожие остановились и уставились на них, беззвучно

шевелия губами: через толстое стекло не слышно, что они говорят.

«Господи, Челия, нас же арестуют», — говорит Дейв.

«Дурачок, они не могут арестовать полицейского, — смеется Челия. — Не будь таким занудой. Какая разница, что они подумают? Покажи им, какой ты у меня мужчина».

Он ждет, когда разойдутся зеваки, ложится, и она раздвигает свои дрожащие ноги. Проникая в нее, он чувствует, как ее кожа теплеет: так всегда происходит, когда она возбуждается. Она часто говорила ему, что однажды просто загорится, и сейчас становится очень горячей и возбужденной. Он сжимает ее голову руками, их тела начинают двигаться в одном ритме. На ее лице нет и следа прожитых лет. Ей снова девятнадцать — именно столько ей было, когда они встретились в Мехико и полюбили друг друга.

«Мальчик мой, — говорит она громко, — я люблю тебя».

«И я люблю тебя,» — шепчет он.

«О Господи! — кричит она. — Я люблю тебя!»

Слезы текут по ее щекам — так всегда бывает, когда она дает волю чувствам и кричит от возбуждения. Внезапно от ее лица начинает идти пар. Слезы шипят на ее теле, которое с каждой минутой становится все горячей.

«Господи, я не вынесу! — кричит она. — Я горю, Дейв, помоги мне!»

Но ведь она много раз говорила так и раньше, во всяком случае, он не может остановиться, пути назад уже нет.

Поцелуй обжигает его губы.

Дейв слышит сильные удары по стеклу и видит вернувшихся зевак; вместо усмешек на их лицах ужас. Отчаянно жестикулируя, они указывают на Челию.

Дейв чувствует, как огонь жжет его половой орган, и смотрит на жену.

Кожа на ее лице дымится, потом появляются дыры, медленно обгорающие по краям, — так расплзается бумага, опущенная в кислоту. Горящие круги быстро расширяются, но он не в состоянии что-либо предпринять.

«Челия!»

Все происходит быстро, слишком быстро, чтобы он мог остановиться. Он чувствует, что скоро достигнет оргазма, но чем быстрее двигается, тем сильнее она горит. Волдыри покрывают все ее тело, лопаются и превращаются в огненные круги.

«Нет, нет! — Из его груди вырывается стон. Он двигается все быстрее и быстрее — к ней и от нее. — Прости! — кричит он, и слезы катятся по его щекам. — Я не могу остановиться, Челия! Не могу остановиться!»

Постепенно от нее остаются только угли и зола, пока не оказывается, что он тычется в кучу серого пепла, и когда наконец поднимает глаза, то видит в окне разгневанное лицо Дэнни.

«Ты ублюдок, — читает Дейв по его губам. — Не мог остановиться, да? Даже чтобы спасти жену. Ты убийца, Дейв. Ты убил Челию. Боже, как ты отвратителен!»

«Я не хотел, — шепчет Дейв. — Я не хотел».

Дейв вздрогнул и проснулся. Он сидел в постели мокрый от пота. Посмотрел на окно. Сквозь щель в плотных шторах пробивался тонкий луч. Он падал на подушку в том месте, где минуту назад были его глаза.

О Господи, подумал он, еще один кошмар.

Он потянулся за сигаретой, зажег ее дрожащими пальцами. Пот впитывался в бумагу и табак. Дейв глубоко затянулся и закашлялся. Он отвык курить.

Это чувство вины, подумал он. Я сам себя наказываю. За что? За то, что позволил Челии идти в магазин? Нет, за все те случаи, когда плохо с ней обращался, не желая быть немного добрее. За все те случаи, когда мог возвращаться домой пораньше, чтобы побыть с ней. За все те случаи, когда критиковал ее, а она нуждалась в поддержке. За все те случаи, когда мог бы говорить ей о своей любви, а не нести какую-то чепуху о напарниках и участке, о работе, о том, что не имеет достаточно денег для того, чтобы сделать их жизнь более достойной.

— Какая утрата! — вслух произнес он.

Догорев до пропитанного потом места, сигарета погасла, и Дейв швырнул ее в раковину. Обессиленный, словно и не спал вовсе, он поднялся с кровати и раздвинул шторы. За окном лежал Вашингтон. Дейв приехал сюда на несколько дней и остановился в маленьком отеле. Он выбрал Вашингтон, потому что это очень далеко от Сан-Франциско и потому что они с Челией здесь никогда не были. С этим городом не связано никаких воспоминаний, готовых нахлынуть в

любую минуту. Не то, чтобы он хотел забыть Челию, вовсе нет, ему просто нужно было взять себя в руки. В Вашингтоне он защищен от неожиданностей.

Дейв принял душ, побрился и оделся. Его номер был на последнем этаже четырехэтажного дома. Спустившись по лестнице в холл, он обнаружил знак, указывающий, как пройти в ресторан. Он пошел по стрелке и оказался в маленьком неопрятном зальчике в заднем флигеле отеля. Там уже сидели трое: мужчина, который ожесточенно царапал ручкой по каким-то бумагам, изредка отхлебывая кофе, и пожилая пара, вероятно туристы, в разговоре которой слышался английский акцент.

— Что вы хотите? — спросила официантка.

— Только кофе.

— Может быть, яичницу?

— Кофе.

— У нас есть оладьи.

— Кофе.

— Хорошо, — сказала официантка и, пожав плечами, поспешила к английской паре. Те встретили ее улыбками и болтовней, которой она не дождалась от Дейва. Оказалось, что англичане приехали в Вашингтон навестить сына, который здесь работает. Но у него слишком маленькая квартира, поэтому они и остановились в отеле.

Дальше Дейв уже не слушал.

С соседнего столика он взял «Вашингтон пост» и стал просматривать заголовки. Снова пожары. Большой пожар в нью-йоркском музее. Погибло множество экспонатов.

Дейв снова почувствовал свинцовую тяжесть в груди. Он был в отчаянии. Что он будет делать без Челии и Джейми? Стоит ли вообще жить? Лучшее, что он мог придумать, так это забраться на какую-нибудь крышу и шагнуть в никуда. Через несколько секунд они снова будут вместе.

А может, вернуться в Сан-Франциско и помочь Дэнни бороться с поджигателями?

— Ужасная ситуация, не так ли?

Англичанин стоял возле его стола и разглядывал заголовки. Дейву захотелось, чтобы тот скорее убрался, но он не умел грубить.

— Да, — ответил Дейв и неожиданно для самого себя добавил: — Я только что потерял жену. Она погибла при пожаре в супермаркете.

Почему-то он почувствовал облегчение, высказавшись первому встречному, хотя опять чуть не разрыдался. Англичанин, жена которого вышла из зала, смутился.

— Прошу прощения. Я не хотел вторгаться в ваши сокровенные мысли.

— Ничего, ничего, я сам виноват. Я не хотел впутывать вас — это вырывалось помимо моей воли. Слишком свежая рана. Я еще не свыкся с мыслью о потере.

— Можно мне присесть? — спросил англичанин. — Я жду жену, она пошла в номер за сумкой.

— Конечно. Хотите кофе?

— Спасибо. — Мужчина протянул руку. — Алекс Вингман.

— Дэвид Питерс.

Гость взял чистую чашку с соседнего стола, налил кофе, добавил сахару и отхлебнул глоток.

— Я очень люблю американский кофе, — сказал он. — Только американцы и итальянцы умеют его готовить.

— Чем вы занимаетесь? — без энтузиазма спросил Дейв, чувствуя, что Вингман хочет завязать разговор.

Мужчина откинулся в кресле. Его шишковатые пальцы проšliсь по седым волосам. Казалось, он понимал, что Дейву его ответ совершенно неинтересен, поэтому ответил кратко и по существу.

— Сейчас всем понемногу — я на пенсии. Был школьным учителем в Йоркшире. Это одно из наших графств. Самое большое в Англии — как у вас Техас, только карманных размеров. Да, на территории Техаса можно было бы разместить пять Англий или больше сорока Йоркширов, но боюсь, вы уже не раз это слышали.

Дейв невольно улыбнулся.

— Совсем нет, я не часто встречаюсь с туристами. Я полицейский.

— В самом деле? Как интересно. Вы сказали, когда я подошел к вам, что не свыклись с мыслью о смерти вашей жены. Знаете, есть вещи, к которым трудно привыкнуть... почему умерла моя жена... Да, — перебил он себя, — та женщина, которая сейчас со мной, Джин, — моя вторая жена. Первая жена, Лиз, погибла в автомобильной катастрофе через двенадцать лет после нашей свадьбы. Мне до сих пор иногда снится та катастрофа. Ведь именно я был за рулем того автомобиля.

Видимо, он снова переживал те трагические

события. Господи, подумал Дейв, неужели и мне столько лет оплакивать бедную Челию?

Вингман мягко улыбнулся.

— Ах, я понимаю, что вам пришло в голову, но такие моменты бывают редко. Я думаю о ней не постоянно. На самом деле, я — вполне счастливый человек. Я нашел другую женщину, согласившуюся провести со мной остаток жизни, и нам хорошо вместе. Я хочу только предупредить вас: не пытайтесь что-либо понять или объяснить. Иначе сойдете с ума. Тогда я пережил довольно сильное душевное расстройство, потому что единственное чувство, которое вызывает в нас преждевременная гибель, — чувство вины. Не стоит этого делать, мистер Питерс. Странное дело, но если бы вы ненавидели свою жену и намеренно застрелили ее, то скорее всего в ее смерти обвиняли бы ее, а не себя. Вы ведь никак не могли предотвратить тот ужасный пожар, но вы продолжаете твердить себе: если бы я только сделал то-то и то-то, или сказал бы что-то, или остался бы дома, то все обошлось бы.

Глаза Дейва расширились.

— Ведь это правда, не так ли?

Они еще некоторое время поговорили на ту же тему, и к тому времени, когда к ним присоединилась жена Вингмана, Дейв уже чувствовал себя менее способным на самоубийство. Пожилые англичане были очень приятными и совсем не эксцентричными людьми. Вскоре все трое отправились гулять в парк, и в разговорах они постоянно возвращались к пожарам.

Наконец Джин Вингман напрямую спросила:

— Скажите, мы живем в нравственном мире, мистер Питерс?

— Я ведь полицейский. — Дейв пожал плечами. — Мои друзья, у которых другая профессия, могли бы назвать большинство своих знакомых вполне нравственными, но мы на своей работе сталкиваемся с большим слоем общества, незаживающей язвой человечества: торговцами наркотиками, сутенерами, гангстерами, пьяницами, избивающими своих жен и детей, убийцами, садистами...

— А что вы скажете о нашем мире в целом? Он-то нравственен?

Дейв задумался. Он вспомнил бесконечные войны на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Америке, вспомнил военные и диктаторские режимы, бросающие невинных людей в тюрьмы без суда, пытающие детей, убивающие, насилюющие, грабящие — и все это именем власти. В темных уголках Земли совершаются чудовищные преступления, которые обнаруживаются лишь случайно, когда годы спустя кто-то наткнется на горы черепов или концентрационные лагеря, полные истощенных существ, которые когда-то тоже были людьми. Внешне вполне достойные политики идут на любую ложь ради спасения своих никчемных шкур, а огромные межнациональные корпорации подвергают риску жизнь детей лишь для того, чтобы сбыть свой товар. Биржевики интересуют исключительно деньги, и им безразлично, кто или что будет разрушено ради их благополучия. Есть вполне обеспеченные родители, которые продают

своих дочерей ради нескольких лишних долларов. Нравственен ли этот мир?

— Нет, — ответил он устало.

— Ничего, крепитесь, молодой человек, — сочувственно улыбнулась ему Джин. — Все-таки вокруг нас намного больше добрых и сострадательных людей. Беда в том, что добро пассивно, а зло захлестывает все вокруг и сеет опустошение. Возможно, у этих ужасных пожаров есть какое-то свое предназначение. Может быть, они заставят нас задуматься и сказать себе: «Хорошо ли устроен окружающий мир? Надо что-то предпринять для его изменения к лучшему». Я понимаю, мои слова — слабое утешение для человека, который только что потерял своих близких, но это единственное, что я могу вам посоветовать.

Дейв посмотрел на Джин и — странное дело — почувствовал облегчение. В его душе было много горечи и отчаяния, но теперь он найдет в себе силы жить. Он уже думал не о самоубийстве, а о том, как успокоиться и вернуть жизнь в прежнее русло. Это была его работа — остановить пожары. Это была его работа — схватить поджигателей и отправить туда, где им надлежит быть: за решетку или в больницу.

— Спасибо, Джин, — сказал он и пожал ей руку.

— Смотрите, юноша, я ревнивый, — улыбнулся Вингман.

— С такой великолепной женщиной трудно быть не ревнивым. Кстати, мы могли бы вместе пообедать и еще немного поговорить.

Он пригласил их во французский ресторан, где

они проговорили еще два часа. Дейву легче было излить душу незнакомцам, чем делиться своими переживаниями с Дэнни. Дэнни был близкий друг и многое знал, а Дейву хотелось начать с самого начала — с того, как они с женой познакомились, в чем были похожи, а чем отличались, кто ее родственники, кого больше напоминал их сын и как успевал в школе. Ему было важно подробно рассказать историю его семьи, извлечь ее из небытия, любоваться ею и просто снова и снова произносить имена Джейми и Челии, Челии и Джейми. Мой сын умел делать то-то, моя жена всегда поступала так-то.

Ему повезло со слушателями: англичане задавали уместные вопросы, не требуя ответов на каждый. Расставшись с ними вечером, Дейв подумал, а не посланы ли они ему свыше, чтобы вскрыть его душевные язвы и позволить излиться скопившемуся в них яду. На следующее утро он был готов вернуться домой. Нельзя сказать, что Дейв полностью излечился, но по крайней мере теперь он не лежал лицом к стене в ожидании смерти.

Глава 7

На следующий день Дейв упаковал свои вещи, покинул отель и отправился поездом в Сан-Франциско.

Да, в другом месте он не смог бы жить, хотя в Сан-Франциско его на каждом углу поджидали стальные капканы воспоминаний. Дейв считал Сан-Франциско лучшим городом в мире. Даже когда он служил в армии, ему удалось устроиться в Пресидио, где, просыпаясь, он видел Алькатрац и вдыхал запах океана. Оттуда еще можно было добраться до кофейни Марио. Трудно жить без регулярной чашки «экспрессо» у Марио.

Ему нравились кривые улочки, трамваи, бурная портовая жизнь. Единственное, чего он не выносил, — это проклятый мост. Тот мост. Он не мог понять, почему многие находят его прекрасным. Дейву он мешал, как бельмо на глазу, хотя в городе, вероятно, никто не разделял его мнения. Видимо, в той части его мозга, что оценивает красоту геометрической формы, был какой-то дефект.

В Окленде, где он должен был пересесть на автобус, Дейв нашел телефон и набрал номер телефона своей квартиры, надеясь застать там Дэнни. Его напарник жил в обеих квартирах, чтобы не создалось впечатление, что помещение пустует.

В главном зале автовокзала царили суета и шум. Вдоль ряда таксофонов бегал ребенок; он снимал трубки с рычажков и бросал их. Мать гонялась за мальчиком, пытаясь схватить его за курточку. Когда ребенок пробежал мимо Дейва,

детектив хотел было поймать его, но вовремя сдержался: так вполне можно нарваться на судебный иск. Иные матери способны забить своих детей до смерти, но тронь их ребенка кто-то другой хотя бы пальцем, они сразу же побегут к адвокатам.

Первый ужасный удар: в трубке раздался голос Челии!

— Алло, говорит Челия Питерс...

Сердце Дейва тревожно екнуло, от радости он чуть не потерял сознание.

— Челия! — возбужденно закричал он. — Челия, где ты была, дорогая? О Боже, Челия...

— Нас с Дейвом сейчас нет дома, но если вы оставите запись после звукового сигнала, мы вам обязательно ответим.

Второй ужасный удар: это только ее голос, а не она, не живая Челия.

Через несколько секунд до Дейва дошло. Это автоответчик. Нет, это хуже смерти, сейчас ему было больнее, чем тогда, когда он узнал, что Челия сгорела, страшнее, чем при опознании в морге, когда он стоял над двумя черными головешками — тем, что осталось от его близких.

Он с силой стукнул телефонной трубкой по пластиковому колпаку. Сновавший между таксофонами ребенок замер и удивленно уставился на Дейва. Мать бросила испуганный взгляд на Дейва, схватила мальчика и потащила его прочь. Тот упирался и визжал. Дейв повесил трубку и закрыл руками уши.

Никто не менял запись на автоответчике. Челия будто еще существовала, убеждая звонящих, что обязательно им ответит, как только сможет. Ужас-

но. Неужели друзья звонили ему, чтобы выразить соболезнования, и натыкались на эту запись? Почему никто ему не сказал? Это страшнее, чем получить письмо, отправленное ею до ее смерти.

Постепенно ему удалось овладеть собой. К нему подошла женщина и спросила, что с ним. Должно быть, она была не местная, потому что горожане предпочитали не вмешиваться, особенно если имели дело с чужаком. Он ответил, что все в порядке. Просто услышал плохие новости по телефону. Дейв аккуратно поставил аппарат на полочку, заметил, что разбил колпак, и быстро ушел, чтобы какой-нибудь полицейский или служащий автовокзала не успел его задержать.

По пути он обратил внимание на крупные заголовки в газетном киоске. Пожар в парижском оперном театре унес 35 жизней. Все погибшие были актерами. К счастью, пожар произошел во время репетиции, а не представления. В Лондоне в три часа ночи загорелась часовня Св. Мартина на Трафальгарской площади. Единственный обгоревший труп был найден на раскалившихся каменных плитах; памятная латунная пластинка расплавилась и перемешалась с обугленными останками.

В Сан-Франциско возле выхода из автовокзала у него на пути встал сумасшедший, предвещавший конец света.

— Огонь очистит мир, — орал безумец в лицо Дейву. — Он приходит во все упадочные общества, чтобы уничтожить старый греховный порядок и открыть путь новому! — Скрюченным пальцем он ткнул Дейву в лицо и завопил: — Содом и

Гоморра! Сан-Франциско, Александрия, Древний Рим, Лондон, Дрезден, Хиросима, Нагасаки. Все это скопища зла. Все они сгорели. И явились им разделяющиеся языки наподобие огненных и пристали к каждому из них. Часть вторая, стих третий.

Дейв печально покачал головой.

— Ты не веришь мне, друг? Сан-Франциско — город зла. Сводники, игроки, наркоманы, блудницы...

Почему психи всегда говорят «блудницы»? Это слово встретишь только в старых книгах, а на улице его никогда не услышишь. Никогда не скажут «шлюха», «потаскуха» или «проститутка», а всегда — «блудница».

— Я бы поспорил с вами, но у меня нет времени.

— Мы горим в аду, нами же сотворенном. Мефистофель сказал Фаусту, что ад здесь, на Земле, и мы в нем живем.

— Бог с ним, — отмахнулся Дейв. — А теперь ты уберешься с дороги или мне тебя отодвинуть?

— Сказано же в Священном Писании, что Сатана будет уничтожен в огненном озере...

Заглянув в его остекленевшие глаза, Дейв понял: этот человек ничего не видит вокруг себя. Он уже в воображаемом аду, где его ноги лижет пламя, а черти, вооруженные трезубцами, сгоняют к нему грешников. В каком-то смысле Дейв даже завидовал ему. Как, должно быть просто, думал он, жить в мире, пусть вымышленном, где добро и зло четко разделены, их легко узнать, где нет

ничего серого, а только черное и белое. Очень просто.

— И разверзнутся с грохотом небеса, и исчезнут стихии от неистового жара, и сгорит земля вместе с творениями человеческими.

Дейв поднял голову и взглянул на небо.

Он осторожно отодвинул блаженного в сторону и без помех дошел до тротуара.

На другой стороне улицы стоял Дэнни и махал ему. Видно, друг ждал его; он встречал Дейва на машине. Это было приятно. Дейв пробрался через поток машин, надеясь, что его не остановят за переход улицы в неположенном месте.

Мужчины крепко обнялись. Дэнни смутился и заговорил первым:

— Ну как ты, Дейв?

— После шести недель отпуска? Как новенький.

— Да, вижу. Пойдем выпьем. Ты возвращаешься на работу?

— А что еще мне делать?

По выражению глаз Дэнни Дейв понял, что тот надеялся именно на такой ответ. Без Дейва ему было бы плохо.

Уже в баре Дэнни задал неизбежный вопрос:

— А как ты себя сейчас действительно чувствуешь?

— Неважно. Честно говоря, совсем хреново. Не думаю, что скоро смогу ответить иначе. Но я перестал гнить изнутри. Иногда бывает такая тоска, почти отчаяние, особенно ночью, но я уверен, что должен продолжать работать. Иначе остается только смерть, но этот вариант я отбросил: да, я думал об этом, и довольно серьезно, но

теперь мысли о смерти уже позади. Я имею в виду, что в данный момент жизнь для меня чуть более привлекательна, чем смерть.

Дэнни кивнул.

— Сочувствую тебе, Дейв.

— Вот такие у меня дела, Дэнни. Чем нам предстоит заниматься? Арестовали кого-нибудь в мое отсутствие?

— Одни ловкачи пытались получить страховку за склад в порту. Мы взяли поджигателей, когда у них еще руки бензином воняли. И поймали парня, который заживо поджаривал дилеров. Он ждал их утром возле дома или вечером у выхода из конторы. Он носил бензин в бутылке из-под коки, выливал его на своих жертв, а потом поджигал.

— Боже мой! Это не пьяница, забывший потушить сигарету.

— Да. Обычно целил в голову: волосы хорошо загораются. Было несколько тяжелых случаев. Несколько парней ослепли. У двоих не выдержало сердце. У одного бензин попал в рот; тот сжег себе горло. Двенадцать жертв. Тогда я тоже нарядился дилером.

— Кто, ты?! — засмеялся Дейв. — Какой из тебя дилер!

— Болтай! Я надел дорогое пальто, приличный костюм. Выглядел как король. Вышел из конторы «Рейнгольд, Бейкер и Джонсон», когда этот засранец появился из-за моего «роллс-ройса».

— «Роллс-ройса»! — восхищенно воскликнул Дейв.

Дэнни широко улыбнулся.

— Да. Смотрю, у него в руках бутылка из-под коки. Я даже на лицо его не взглянул, а сразу врезал по челюсти, моля Бога, чтобы там была не кока-кола. К счастью, там был бензин, и подонка всего облило. Он побежал, а я за ним. Загнал его в угол. Он достает нож, а я — зажигалку.

— Врешь! — воскликнул Дейв, восхищенный рассказом, даже если Дэнни и приврал немного.

— Я достал зажигалку и говорю: «Только дернись, засранец». Тут он упал на колени и стал умолять меня не поджигать его, так как на нем шерстяное пальто. Короче, мы его взяли, и мне пришлось расстаться с шикарной одеждой и наемным «роллсом» и переселиться на свой драндулет.

— Да, это действительно дело.

Выяснилось, что парень потерял много денег на бирже и, как многие другие, не стал во всем винить самого себя. Виноваты были они, те самые мошенники, кто принес ему несчастье. Вот он и пошел на это. Если он погорел, то почему бы и им не сгореть тоже? В буквальном смысле.

Они выпили еще, и Дэнни предложил:

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

— В мою квартиру, Дэнни. У меня нет больше дома.

Когда они вошли в квартиру, Дейв сказал:

— Я в порядке, как видишь.

— Да, вижу.

— Я серьезно.

— Я рад, — кивнул Дэнни и посмотрел вниз, на свои ботинки. — Кстати, у меня теперь есть постоянная девушка.

Дейв улыбнулся.

— Правда? Я ее знаю или?..

— Или она проститутка? Нет. У нее были неприятности, но по своей сути она прекрасная женщина. Увидишь ее вечером, если прийдешь к нам пообедать.

— Не знаю; Дэнни, у меня есть дела. Кто она, между прочим?

У Дэнни от восторга загорелись глаза.

— Помнишь блондинку, которая была у Риса в конторе?

— Нет.

— Да помнишь. Высокая и стройная. Ее взяли за то, что она подожгла постель своего приятеля. Вспоминай. Капитан нам ее показывал.

Дейв вспомнил.

— Пепельные волосы и большие очки.

— Белокурые. На самом деле у нее белокурые волосы.

— Какая разница. Любовь слепа, — сказал Дейв. — Значит, ты связался с поджигательницей? А не кажется ли тебе, что это чуточку незачтливо?

Дэнни ошестинился.

— Нет, черт побери. Ее судили и дали испытательный срок. Полицейским, ответственным за надзор, был назначен Манович. Этот скот приставал к ней. Использовал свое служебное положение, чтобы запугать ее: говорил, что, если она не согласится, он найдет способ упечь ее за решетку. Она пришла в участок и рассказала об этом, и капитан предложил мне разобраться с Мановичем, что я и сделал с удовольствием.

— Она осталась под его надзором?

— Да, но, если он ее теперь хоть пальцем

тронет, я привлеку его к ответственности за разврат. Он это знает и теперь стал как шелковый.

— И он все еще работает?

— Не придирайся ко мне, Дейв. Ты же знаешь, что таких людей нельзя арестовать без доказательств. Мы пробовали спрятать на ней микрофон, но он, должно быть, догадался. Не сработало. Кое-что мы получили, но улики недостаточно. Он знает, что мы за ним следим, и не будет приставать к ней снова.

— Кто же следующий? Может быть, теперь несовершеннолетняя?

— Я же тебе сказал. Я строго предупредил его.

— Ладно, я ему тоже мозги прочищу.

Дэнни вздохнул, понимая, что нехорошо было бы просить Дейва пока не вмешиваться. Пусть уж он лучше будет думать о чем-нибудь другом, только не о жене и ребенке.

— Ну а теперь — продолжил Дейв, — расскажи мне, что у тебя с этой мисс, как ее?

— Ванесса. Ее зовут Ванесса Вангелен, и, как это ни странно, я еще не спал с ней. Я пока хожу с ней туда-сюда, в театр, в ресторан, ты же знаешь, как это бывает.

— Ванесса? Вот как! Ванесса Вангелен. Для тебя, Дэнни, звучит даже слишком внушительно. Неудивительно, что ты с ней церемонишься.

Дэнни смутился.

— Побереги свой сарказм, Дейв. Я могу обойтись и без него. Дело не во мне, а в ней. По ее словам, я нравлюсь ей как друг, но надо надеяться, что это временно и все еще изменится. Она не такая уж красавица, немного получше меня, и не

должна быть слишком разборчивой. Но она очень симпатичная, и я думаю, что у нас все устроится.

— Чем она занимается? Как деньги зарабатывает?

— Читает лекции по теологии.

Дейв присвистнул.

— И умна, и некрасива.

Они расстались поздно, и Дейв пообещал на следующий день выйти на работу. Он сказал себе, что пьет последнюю рюмку, прежде чем посмотрит автоответчик. Он не стал менять запись. Он так и не решился ее сменить. Иногда, когда он дежурил с Дэнни и был в подавленном настроении, он отлучался, говорил ему, что должен кому-то позвонить, набирал свой номер и слушал ее голос.

Однажды он услышал голос Дэнни.

— Дейв, я знаю, ты рассердишься, но запись нужно было сменить. Это могло бы плохо кончиться. Ударь меня, если захочешь.

Очевидно, Дэнни тоже слышал запись, догадался, почему Дейв ее не стирает, и взял инициативу в свои руки.

Дейв никогда не напоминал ему об этом.

Глава 8

Ванесса Вангелен сидела напротив Стэна Мановича. Поверхность разделявшего их широкого стола была испещрена пятнами от кофе и местами с отшелушившимся лаком, что делало ее похожей на географическую карту. Картина на стене над головой полицейского изображала осень в канадском лесу — один из тех безликих пейзажей, которые тысячами продают в дешевых магазинах. Картина угнетала Ванессу. Особенно угнетали ее багровые цвета осенних листьев.

Комната была пропитана прокисшим сигарным дымом, сочившимся, казалось, прямо из потрескавшейся кожи кресла Мановича. В пепельнице, стоявшей между Ванессой и полицейским, тлел окурок. Дым щипал ей глаза, жилет Мановича был обсыпан пеплом.

Ванесса придала своему узкому лицу такое выражение, чтобы у мужчины, сидящего по другую сторону стола, не было сомнений по поводу того, что она о нем думает. Манович неодобрительно взирал своими бледно-голубыми глазами на это выражение, а в уголках его толстогубого рта выступила слюна.

— Значит, донесла на меня, да? — начал он.

— Я сообщила в полицию, что подверглась сексуальным домогательствам со стороны осуществляющего надзор полицейского. Скажите спасибо, что я не позвонила вашей жене.

— За это я мог бы упечь тебя в тюрьму.

Ванесса бросила на него презрительный взгляд.

— Об этой угрозе мне тоже придется сообщить.

Он махнул рукой.

— Не выводи меня больше из себя, Ванесса. И запомни — мне плевать на то, что ты скажешь моей жене. И ей на это плевать. Такие у нас отношения. Но я точно знаю, что она не побежит в полицию, если парень вроде меня обратит на нее внимание. Она этому только обрадуется. Не стыдно, что настучала на меня? Я думаю, у нас не очень любят стукачей. Пойми, меня все это просто забавляет, не более того.

— Что вы от меня хотите? Чтобы я обезумела от страха, как все те, когo вы запугивали? Я не преступница. Психиатр...

— Ну да, я знаю, заключение психиатра помогло тебе на суде выкрутиться, но это не означает, что ты совсем невиновна, иначе тебе не дали бы условный срок. Я вовсе не собираюсь над тобой измываться, и мне безразлично, к кому ты побежишь со своими жалобами. Пока я справляюсь со своей работой, мне нечего бояться. Думаешь, я испугался Спитца? Так, что ли?

Он переложил с места на место несколько бумаг на столе, и этот жест не оставил у нее ни малейших сомнений относительно ответа на вопрос. Странно, но похоже, что маленький, но находчивый Дэнни действительно здорово напугал этого типа.

— Между вами что-нибудь есть? — с ухмылкой спросил Манович.

Ванесса замечталась, вопрос застал ее врасплох, и она разозлилась. Грубость Мановича и его грязные намеки приводили ее в ярость. Почему люди такого сорта считают, что им все дозволено в обращении с поднадзорными? Ему надлежит

помогать ей, а не пытаться влезть в душу. Это он болен, а не она.

— Как вас вообще могли назначить ответственным за надзор? Вы так грубы и невоспитанны! Неужели не существует никакой системы отбора, которая отсеивала бы таких, как вы?

Он покачал головой и улыбнулся.

— Не много ли ты болтаешь? Я тоже мог бы пожаловаться...

Ванесса мгновенно поняла намек и почувствовала приступ тошноты.

Он снова ухмыльнулся.

— Видишь ли, Ванесса, — начал он, облокотившись о стол, — у таких женщин, как ты, нет защиты против таких людей, как я. Мы всегда побеждаем. Я могу вывалить тебя в грязи, а тебе все равно придется вернуться, чтобы получить еще. И ты ничего не поделаешь.

Она смотрела на тонкие волосы, зачесанные на лоснящуюся лысину. На редкость отвратительный тип. Немного похож на ее отца.

Сигара с обслюнявленным кончиком все еще дымилась в коротких и толстых пальцах Мановича. Ванесса выхватила окурок, прижала его к руке возле запястья и истошно завопила. Манович в испуге вжался в кресло.

Раздалось короткое шипение, и в воздухе запахло горелым мясом.

— Он сжег меня! — закричала она и бросила сигарный окурок на стол.

Кто-то заглянул в комнату через мутный дверной глазок.

— Господи! — прошептал Манович; на его

широком лбу выступили капельки пота. — Чего ты, черт возьми, добиваешься? — Обеими руками он вцепился в ручки кресла, как будто собирался взлететь, пробив в потолке дыру. Ванесса буравила его взглядом.

— Думаете, вам поверят, если вы скажете, что я сожгла себя сама?

Под пристальным взглядом Ванессы он поехал и сник.

— Отвяжитесь от меня. Раз и навсегда.

Похоже, за дверью кто-то прислушивался, пытаясь разобраться, что происходит в комнате. Манович бросил взгляд на дверь, и по его лицу потекли струйки пота. Наконец послышалось цоканье удаляющихся женских каблучков.

— Хорошо, хорошо, — сказал полицейский, напуская на себя озабоченный вид. — Вы сейчас работаете? После суда вам не предлагали уйти с работы?

Ванесса привыкла переносить боль, но сейчас не удержалась от слез и отвернулась. Манович не увидит ее слез, такого удовольствия она ему не доставит. Ей не пришлось бороться с обычным желанием взглянуть на рану, потому что хорошо знала, как выглядит подобный ожог. Маленькие ожоги быстро заживают, хотя в первое время они очень болезненны. Примерно через неделю у нее прибавится еще один рубец, вот и все.

— Нет, я встретила понимание.

— Хорошо, прекрасно. Если надумаете уехать из города, сообщите мне, куда направляетесь и с кем намерены встретиться. Понятно?

— Вы говорили мне об этом в прошлый раз.

— Прекрасно. Я повторяю только для того, чтобы вы лучше поняли. Вы должны быть здесь в следующую пятницу, ясно? Замечательно. Тогда до пятницы.

Ванесса вышла на улицу и глубоко вздохнула. Скотина! Как таким подлецам удастся выходить сухими из воды? Наверно, большинство женщин, к которым он приставал, были слишком запуганы, чтобы жаловаться. Должно быть, ему удавалось добиться успеха в семидесяти-восемидесяти процентах случаев. Она была одной из немногих, кого запугать не удалось, и если ей представится возможность, она ему отплатит.

Теперь можно было и взглянуть на рану. Ожог оказался не слишком серьезным. Она видала и похуже. Длинный рукав закрывал его, так что никто ничего не заметит.

Прежде всего Ванесса зашла в кафе. Только после нескольких чашек кофе руки у нее перестали дрожать. Потом она села в автобус и отправилась домой.

Ее двухкомнатная квартира была маленькой, но уютной. Первая комната — гостиная-кухня, вторая — маленькая спальня, где хватало места только для одной кровати, по обе стороны которой оставалось пространство шириной в ступню. Ванесса не любила, когда кровать придвинута к стене. Ее всегда приходится отодвигать, чтобы застелить, а ночью можно проснуться в крошечной тьме лицом к бетону, так что спросонок покажется, что лежишь в могиле. Это напугало бы ее до смерти, и поэтому она всегда оставляла свободное про-

странство с каждой стороны кровати, как бы мало оно ни было.

Ванесса не отличалась аккуратностью. Она швырнула сумку на пол, скинула туфли и пошла в спальню. Кровать была не убрана. Ванесса бросила простыню на подушку, подтянула юбку и улеглась.

Потом она почему-то вспомнила Тома. Иногда Ванессе казалось, что ей его не хватает. Может быть, все-таки позвонить ему? Но стоит ли звонить человеку, постель которого она подожгла? А он тоже хорош — сразу же вызвал полицию. Это развеяло последние сомнения относительно того, любит он ее или нет. Любимого человека не отдадут немедленно в руки правосудия, что бы он ни натворил. У него просят объяснений, пытаются понять, обещают помочь, но только не кричат: «Что ты наделала, сука сумасшедшая?!» — и не звонят потом в полицию.

Ванесса стянула колготки и бросила их в угол, потом сняла очки и аккуратно повесила их на спинку кровати.

Нет, звонить Тому не стоит. Может быть, позвонить Дэнни? А зачем? Сейчас она не нуждалась в дружеском участии. Лучше принять обезболивающее, выпить чаю и хорошо выспаться. Ей снилось, что она попадает в разные смешные ситуации.

Когда Ванесса проснулась, она приняла душ и надела черные брюки и свитер, отказавшись от мысли рано лечь спать. Было уже девять вечера, и она решила забежать к Дэнни, а не звонить ему по телефону. По средам он часто ходил на

исповедь, но возвращался из церкви около шести часов. Значит, сейчас он должен быть дома.

Ванесса надела туфли без каблуков, стянула волосы эластичной лентой и, накинув короткое пальто, вышла из квартиры.

Она взяла такси до дома Дэнни, вошла в здание и позвонила. Долго никто не открывал, хотя в щели под дверью виднелся свет. Она еще дважды нажала кнопку звонка. В квартире работал телевизор или радио. Впрочем, Дэнни мог специально оставить свет и радио включенными, чтобы отпугнуть грабителей.

Наконец дверь открылась.

В проеме стоял незнакомый высокий мужчина в халате и пижаме.

Смутившись, Ванесса отступила от двери и еще раз взглянула на номер квартиры. Она не ошиблась.

— Вам кого? — сказал мужчина, протирая заспанные глаза.

— Извините, я думала... разве не здесь живет Дэнни Спитц?

Мужчина долго недоумевающе смотрел на гостью и наконец понял.

— Вы Вангелен? — спросил он. — Ванесса Вангелен?

— Да.

— А я... вообще-то, это моя квартира, а не Дэнни. Он присматривал за ней, пока меня не было. Я его напарник, Дейв Питерс. Он рассказывал вам обо мне?

Ванесса вздохнула с облегчением.

— Конечно. Он много рассказывал о вас. Но

по его словам выходило, что вы Бог или кто-нибудь в этом роде, а вы выглядите как обычный человек.

Слова Ванессы рассмешили Дейва.

— Видите ли, Дэнни сейчас здесь нет. Вы бывали у него дома? Подозреваю, что нет. Он, наверно, хотел пустить пыль в глаза — моя квартира намного больше, чем его. Я... я был женат, и мне нужна была еще одна комната для...

Дейв поморщился. От Дэнни Ванесса знала, что произошло с семьей Дейва.

— Извините, — быстро перебила она его. — Я хотела просто поболтать с Дэнни. Хотя необязательно с ним, — призналась она. — Вам это может показаться странным, но я почувствовала себя одинокой, а с Дэнни мы недавно подружились, и я надеялась, что смогу...

Дверь отворилась шире, и Дейв сделал шаг в сторону.

— Входите, пожалуйста, на лестнице холодно. Могу предложить вам что-нибудь выпить.

Ванесса с удовольствием вошла в теплую квартиру.

— Я бы выпила кофе, но боюсь быть навязчивой.

— Не волнуйтесь, я могу спать в любое время. Простите меня за халат, он совсем старый. Он принадлежал еще моему отцу, и я храню его как память. Пойду переоденусь.

— В этом нет необходимости, — быстро возразила она.

— Есть, есть. В таком виде я сам чувствую себя неловко.

— Может быть, тогда я приготовлю кофе? Я знаю, что где лежит.

— Давайте, а я ненадолго. Крикните, если что-нибудь не найдете.

Дейв вышел в другую комнату. Ванесса нашла чайник, налила в него горячей воды и задела запястьем о плиту. На мгновение она почувствовала острую боль, слезы навернулись у нее на глаза. Она не стала тереть ушибленное место, боясь разбередить рану, а намазала его маслом, которое нашла в холодильнике. Масло особенно не поможет, конечно, но и не принесет вреда. Ванесса любила иногда пользоваться народными средствами. Они напоминали ей о матери.

К тому времени, когда кофе был готов, на кухню пришел причесанный, в нарядной рубашке и брюках Дейв.

— Готово, — сказала она.

Манович лежал на спине в полумраке, покуривая сигару и разглядывая странный потолок. Проехал автомобиль, на мгновение осветив своими фарами фальшивое ночное небо, поблескивавшее у полицейского над головой. Оно почему-то его раздражало, и он плюнул бы на него, если бы рту не пересохло.

Какой дурак наклеил на потолок синие обои, усеянные звездами? Комната явно несла на себе отпечаток дурного вкуса. К тому же здесь воняло псиной. В гостиной лежала откормленная охотничья собака. Ее оставили там только на эту ночь, а обычно она спала в той же постели. Женщина говорила, что с ней она чувствует себя в безопас-

ности. Манович только расхохотался, потому что, если бы грабитель влез через окно, собака первой высочила бы за дверь. Такая уж это была собачонка.

Толстая женщина, которая лежала рядом с полицейским и негромко похрапывала, не была его женой. Она получила испытательный срок за грубое обращение с детьми. Не такая уж плохая женщина по сравнению с другими. Просто не смогла управиться с тремя детьми, старшему из которых не было и пяти, и, к несчастью, сорвала зло на двухлетнем малыше. Мановичу не составило никакого труда уложить ее в постель. Неудивительно, что эта сучка родила троих детей с интервалом в год. Впрочем, теперь осталось уже двое. Среднего у нее отобрали.

Манович затянулся. Тлеющий огонек сигары осветил комнату. Он вспомнил, что случилось сегодня в участке. Как он мог об этом забыть? Теперь он зарекся курить в присутствии Вангелен.

Эта корова Вангелен хороша штучка. То-то она даже не вздрогнула, когда он спросил ее про Спитца. Оказывается, она спала не со Спитцем, а с Питерсом, его напарником. Тоже дерьмо. Жена только два месяца как умерла, а он уже с бабой гуляет.

Манович подкараулил ее сегодня у квартиры и проследил, куда она поехала, надеясь подтвердить свои подозрения насчет Спитца. Да, он ошибся, но не так сильно. И если она считает, что он это стерпит, то здорово ошибается. Он еще отыграется. Манович не из тех, кем можно пренебрегать. Беда была в том, что если Спитца он опасался, то

Питерса боялся панически. Но мириться с этим не хотел. Он переждет немного, выберет подходящий момент и нанесет этим ублюдкам удар, когда они меньше всего будут готовы.

Он вспомнил время, когда крутил роман с девушкой из машинописного бюро. Ее муж в то время только поступил в полицию. Молодой полицейский обещал набить Мановичу морду, если тот не отвяжется от его жены. История произошла несколько лет назад. Мановичу было тогда около тридцати пяти, и он не любил, когда ему угрожали.

В те дни в районе порта случалось много убийств. Виновными считали китайцев, поскольку убийцы использовали мясницкие топоры и разделочные ножи — излюбленное оружие жителей китайского квартала.

Манович заманил парня в порт и снес ему полчерепа топором. Это было несложно. Неопытный полицейский даже не вынул пистолет, увидев стоящего в тени человека. И послушно подошел, когда тот поманил его пальцем. Хрясть — и нет лица. Манович отдал свой долг, а у китайцев были потом большие неприятности из-за убитого полицейского. Поделом им. Он не любил цветных. Чтоб они утонули в своем супе из акульих плавников! Потом ему пришлось здорово потрудиться, утешая молодую вдову. Она была настоящей сукой.

От этих воспоминаний Мановичу стало намного лучше. Он снова раскурил потухшую сигару, взглянул на разбросанные по подушке спутанные черные волосы, раскрытый рот. Ну и страшилище. Неудивительно, что с ней так просто получилось.

Его самого тоже не назовешь красавцем, но до этой бабы ему было далеко. Он ткнул женщину локтем.

— Что случилось, ангелочек? — хрипло про-
бормотала она.

— Спи, спи, — сказал он ей, — только повер-
нись на бок.

Глава 9

Сирены пожарных, полицейских и медицинских машин завывали всю ночь. Дейв слез с кровати и, пошатываясь, подошел к окну: в городе полыхали по меньшей мере три больших зарева. Освещенное пожарами небо казалось сценой, а луна и звезды — актерами. Огромные цветы зарева, распутившиеся среди темных зданий пустынного города, могли бы настроить на поэтический лад, если бы только там не гибли люди.

Дейв понял, что сильно пьян, но не мог вспомнить, когда и где напился. Его мозг будто сдавило колючей проволокой — так всегда бывало, когда он перебарщивал с выпивкой.

Он побрел на кухню и приготовил себе кофе, зная, что только кофеин может взбодрить его, хотя и ценой потери сна. Молока он не нашел и немного удивился, куда оно подевалось; пришлось удовлетвориться черным кофе. Обстановка кухни напомнила ему, какой была его жизнь несколько месяцев назад. Вот кухонный комбайн, освещенный лунным светом, проникавшим через полосатые занавески. Он не использовался с тех пор, как не стало Челии. С того времени к половине вещей в доме никто не прикасался. Везде был беспорядок, особенно по углам, где грязь не так сильно бросалась в глаза.

Интересно, подумал Дейв, как обычно человек представляет себе свою жизнь? Наверно, видит себя постаревшим, состарившуюся жену, достигшего зрелости сына с женой и детьми, их внуками. У многих ли из нас такие представления реали-

зовались в жизни? Джейми мог стать наркоманом, а Челия спиться. Или он сам мог бы броситься в какую-нибудь авантюру, к которым так склонны люди среднего возраста; последствия могли бы быть непредсказуемыми. Челия могла бы уйти к другому, а он сам пристрастился бы к «крэку». Кто, черт возьми, может знать, что принесет будущее? Все это маловероятно, но в принципе вполне возможно.

Перед его глазами поплыли стены кухни.

Он знал, что нужно делать — не сидеть здесь, потягивая кофе и размышляя о том, что могло бы произойти, а вспомнить, как им было хорошо, и возблагодарить Бога, возблагодарить кого-то неведомого за то, что их страдания кончились. Возможно, если бы они остались живы, но были искалечены физически или психически, было бы гораздо хуже. Может быть, в конце концов они возненавидели бы друг друга.

Не эгоизм ли это? Он-то жив и в добром здравии.

Вернувшись в спальню, он заметил какой-то ком на своей кровати, и на мгновение у него замерло сердце. С таким же чувством он просыпался каждое утро, забывая, что Челии больше нет.

— Что, черт возьми, происходит? — проговорил он заплетающимся языком. Выпитый кофе явно не оказал желаемого действия.

Ком зашевелился, показалось чье-то лицо. Дейв поначалу не узнал женщину. От нее пахло виски, она не просыпалась. Где-то он ее видел, но не мог вспомнить где.

Наконец Дейв сообразил: это же Вангелен. Она осталась. Он был настолько пьян и так нетвердо стоял на ногах, что упал в кровать рядом с ней, решив во всем разобраться утром, на трезвую голову.

Когда он снова проснулся, голая Ванесса Вангелен лежала рядом и курила. Женщина держалась очень естественно, хотя Дейв не исключал, что эта естественность была наигранной позой, принятой к моменту его пробуждения.

Ее жесткие волосы щекотали его лицо.

На ней были очки. Вообще-то голая женщина в очках выглядит странно. Такого Дейв еще не видел. Обычно женщины прилагают все усилия, чтобы не показываться в очках.

Через несколько секунд он сообразил, что находится в собственной спальне. Потом он вспомнил кое-что из того, что случилось накануне вечером, и глубокое чувство разочарования захлестнуло его.

— Как, черт возьми, это произошло? — спросил он.

Она повернулась к нему.

— Доброе утро. Это моя вина. Я, конечно, переборщила в желании лечь в постель. Это со мной не часто бывает. Возможно, причиной тому мой период. Надеюсь, вы не против, что я курю в постели.

Ему не понравилось то, с какой откровенностью она высказалась насчет периода. Получалось, что его просто использовали для выполнения определенной функции, потому что никого другого рядом не оказалось.

— Наверно, я тоже нуждался в этом, иначе ничего бы не случилось, — сказал он. — Так что мы оба виноваты, если это можно назвать виной. Простите мою резкость. Просто я почувствовал себя так, будто предал свою жену. Поймите, воспоминания еще слишком свежи.

— Разумеется. К тому же мы выпили слишком много.

— Я никогда не оправдываю себя тем, что слишком много выпил.

Вечером они сидели в гостиной и разговаривали. Дейв надеялся расстаться с Ванессой не позднее, чем через тридцать минут, но разговор растянулся часа на два. В эти два часа кофе сменила бутылка виски, чувства выплеснулись наружу, посыпались откровения.

— Я очень любил жену и сына. Невыразимо тяжело согласиться с тем, что они ушли навсегда. Я все еще пытаюсь обмануть себя. Вы понимаете, о чем я?

— Думаю, что да. Когда мне было девять лет, у меня умерла мама, и я часто представляла себе, что она еще со мной. Я как бы играла в игру, когда приходила домой из школы, внушая себе, что она меня ждет и готовит обед. Я часто открывала дверь и кричала: «Мама!» Отец чуть с ума не сошел.

— Его можно понять. Меня это наверняка свело бы с ума.

Ванесса кивнула.

— Да; конечно. Наверно, это было жестоко.

— Ванесса, — обратился к ней Дейв, — вы

хотели что-то рассказать. Могу я помочь? Дэнни здесь нет, но, если хотите, можете излить все мне.

И Ванесса дала волю чувствам. Она рассказала Дейву о своих недавних обидах, о бывшем любовнике и о том, как подожгла его постель.

— Боюсь, меня уже считают пироманкой. — Она сидела сгорбившись, локтями упираясь в колени. — Наверно, я и в самом деле больна.

— Не обязательно, — поспешил успокоить ее Дейв. Его смущали видные в вырезе блузки ее бледные, в голубых прожилках, груди. — Возможно, это просто некоторая неуравновешенность.

Дейв пытался отвести глаза, но безуспешно.

— Другими словами, я — психопатка. Я знаю, что со мной не все в порядке, вы не должны обманываться на этот счет, но я пытаюсь в себе разобраться.

Они выпили еще виски, и неожиданно слезы полились из глаз Дейва. Утешая его, Ванесса сначала взяла Дейва за руку, потом положила его голову на свое плечо и наконец крепко обняла. Он не мог вспомнить, как они оказались в постели, но помнил, что удивился, насколько холодной показалась ее кожа. Челия всегда вызывала ощущение теплоты. Кожа Ванессы была шелковистой, а не сухой, как у Челии. Она не помогала ему, как это обычно делала Челия, а лежала под ним вялая и безжизненная, как будто у нее не было сил совершить даже маленькое движение. Он не помнил, как кончил, и сомневался, удалось ли ему это. Но он определенно не станет спрашивать у нее, а тем более выяснять, осталась она удовлетворена или нет.

В это утро он чувствовал себя опустошенным как морально, так и физически. Голова раскалывалась, и понятно от чего. Через распахнутую дверь гостиной он видел пустую бутылку из-под виски, валявшуюся на полу. С желудком тоже было не все в порядке, хотя причиной могла быть эмоциональная реакция.

Ванесса была не тем типом женщины, который ему нравился. Он любил маленьких полных женщин с темными глазами, как у Челии, а не высоких худых блондинок, у которых отовсюду выпирали кости. Ванесса была худая и неестественно бледная. Ее большие груди подчеркивали каждое движение ее тела. Совсем не его тип.

— Итак, что же мы теперь будем делать? — спросила она, приподнимаясь и зажигая очередную сигарету.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил он.

Женщина пристально посмотрела на Дейва, уголки ее рта дрогнули.

— О, прости. Я сейчас оденусь и уйду.

— Подожди. — Он удержал ее за руку. — Извини. Ты имеешь полное право спросить, что, черт возьми, все это значит. По правде говоря, не знаю. Я не привык к встречам на одну ночь и сейчас чувствую только опустошенность. Ты отнеслась ко мне с участием, выслушала меня, занималась со мной любовью, но я не знаю, захочу ли снова увидеть тебя. Кажется, ты мне нравишься. А я тебе?

— Я знаю о тебе еще слишком мало, но думаю, что ты хороший...

— Как Дэнни?

— Нет, не как Дэнни. Дэнни милый, но я никогда не легла бы с ним в постель. Он это знает.

Знает ли, подумал Дейв. Боюсь, это будет для него откровением.

— По первому впечатлению, — продолжила она, — ты понравился мне как мужчина, но я не знаю, можно ли на тебя положиться. — Она улыбнулась.

— Довольно откровенно. Я это заслужил. Если захочешь увидаться еще раз, дай знать.

— Так я и сделаю.

Он встал с постели, принял душ, побрился и отправился на кухню готовить кофе. Когда Ванесса вышла из ванной, она казалась посвежевшей и умиротворенной, а ее глаза смотрели прямо-таки по-королевски. Она снова скрепила волосы на затылке, и эта прическа подчеркивала ее тонкие черты. Совсем не мой тип, подумал Дейв, но, черт побери, она меня возбуждает. Когда они занимались любовью, он впервые с тех пор, как погибли Челия и Джейми, не думал о них. Хорошо ли это? Может быть, он должен думать о них все время? Может, во имя памяти о них он должен оставаться одиноким?

Когда была жива Челия, он изредка посматривал на других женщин. Но несерьезно. Только прикидывал, как бы у них получилось. Обычные сексуальные фантазии, какие бывают у всех мужчин, когда они видят привлекательную женщину. Пока Челия была с ним, он сам считал такие фантазии маленькими безобидными секре-

тами, а раза два с улыбкой рассказывал о них жене. Челия прикидывалась оскорбленной и в шутку колотила его по руке. Теперь она мертва, и он не вправе желать другую женщину. Дейв чувствовал, что должен долго хранить память о ней и не желать ничего, кроме этой памяти. Но сейчас он с удивлением обнаружил, что страдания немного утихли, а он так устал от постоянных опустошающих душу переживаний!

Они выпили кофе с тостами, и неожиданно для себя Дейв спросил Ванессу, когда снова ее увидит.

Она эффектно вскинула брови, заставив его почувствовать себя плебеем перед истинной леди.

— Мне казалось, ты этого не хочешь.

— Я сказал, что не знаю, а теперь понял, что действительно хочу тебя видеть, если ты не против.

— Ты знаешь, что мне дали условный срок?

— Конечно. Ты хочешь рассказать об этом? Зачем ты подожгла постель своего приятеля? Он тебя разозлил?

— Нет, то есть да. — Она уставилась в пространство. — Он попросил меня выполнить один сексуальный прием, понимаешь? Я сделала, но потом возненавидела его и подожгла постель.

В мозгу у Дейва зазвенели тревожные колокольчики, и каждый советовал отступить, послать эту женщину к черту и предоставить ей возможность самостоятельно выбираться из тупика, в который она попала. В ней будто таилось ужасное, отвратительное чудовище. Если он слишком увлечется ею, почувствует ответственность за нее. Или отступить уже поздно?

— Я не собираюсь выпытывать у тебя детали, это не мое дело, но неужели все было так ужасно, что оправдывает поджог?

— Не так ужасно, конечно, для любящих друг друга людей, но это был именно тот прием, который заставлял меня выполнять мой отец.

Звон колокольчиков стал оглушающим, но Дейв чувствовал, что уже не может сдержать себя.

— Твой отец?

— Да, я — классический пример совращения малолетних.

Она криво улыбнулась. По крайней мере он так истолковал ее улыбку.

— Не знаю, что и сказать, — упавшим голосом пробормотал он.

— Только не говори, что я потрясла полицейского. Не надо ничего говорить.

— Если мы опять когда-нибудь ляжем в постель, ты мне объясни, что это за штука, потому что мне нравится секс таким, каким он был у нас сегодня.

Она серьезно посмотрела на него.

— Довольно забавная штука. Я думаю, с тобой все будет хорошо. Я имею в виду, что хочу этого.

Дейв не знал, что ответить, но испугался. Крепкий и сильный, он имел дело с ворами и бандитами, а странные женщины были не по его части. Она была похожа на ведьму. Ее глаза буравили его, как будто она могла разглядеть каждое пятно в его душе. Она была непредсказуемой и, казалось, в любой момент могла забиться в истерику или прокусить ему вену от надуманной обиды. Ему попадались люди ее типа, которые

обычно кажутся более или менее уравновешенными, но если вдруг тайное случайно прорывается на поверхность, они становятся чудовищами. Была ли и она такой? Вдруг он нечаянно разбудит ее дремлющие наклонности, и тогда она, как хищная птица, когтями разорвет ему горло?

Они кончили завтракать, и Дейв сказал, что идет к Дэнни.

— О, — удивилась она.

— Что мне ему сказать?

Ванесса удивилась.

— Что хочешь. Можешь сказать, что мы занимались любовью. Мне все равно, но ведь у тебя траур и тебе не безразлично, что он подумает о тебе. Поэтому поступай как знаешь. Я буду молчать, если Дэнни сам не скажет. Тогда я пойму, что ты ему рассказал. Для меня он только друг, запомни.

— Ясно.

Она собрала посуду и понесла ее на кухню. Дейв начал было: «Оставь это...», как вдруг что-то привлекло его внимание. Он схватил ее за запястье и поднял рукав. Там были шрамы — маленькие кружочки на белой коже.

— Что это? — спросил он тоном полицейского.

— Не твое дело. — Ванесса вырвала руку.

— Я все же хотел бы знать. — Он смягчил тон.

Ее «конский хвост» распустился, и она мрачно смотрела на него сквозь завесу волос. Дейв не знал, сердится она или расстроена. Он ждал ответа.

— Так наказывал меня мой отец. Это ожоги от сигарет, — произнесла она наконец.

— Наказывал тебя? За что, за детские шалости? — Потрясенный, он отступил на шаг.

— Он говорил мне, что я соблазнила его... сделала его... сделала его... я не могу сказать кем. Он так наказывал меня за то, что я, по его словам, была проституткой. После того как был со мной

— Боже милосердный! — выдохнул он.

Дейв ужаснулся. По роду работы ему приходилось сталкиваться с чудовищными поступками, но он мог отгородиться от них, внушая себе, что они совершаются той частью человечества, к которой он не имеет никакого отношения. Он жил в ином, лучшем мире, где подобное никогда не происходило. И вот он встретил женщину, которая ему понравилась, он даже спал с ней. Часть его лучшего мира. И в то же время она прошла через тяжкие испытания: насилие и пытку. Причем тот, кто совершил эти омерзительные поступки, был ее отцом, тем, кто волею господней должен был защищать ее от подобных испытаний.

— Сколько же тебе было лет?

— Десять.

Дейву захотелось убить ее отца, убить немедленно.

— Он еще жив?

— Он погиб, когда горел наш дом.

— А ты где была?

— Это я подожгла дом.

Когда Ванесса ушла, Дейв налил себе еще кофе. Нет, думал он, все-таки не следует связываться с этой женщиной. В том, кем она стала, не было ее вины, но он не хотел бы погибнуть в пожаре,

который она ему устроит. Надо через Дэнни передать ей, что он не желает больше ее видеть. Она не просто ущербная, она кошмарная особа. Его жена погибла в огне два месяца назад, и он не хотел бы разделить ее участь.

Он вышел из квартиры и отправился к Дэнни.

Выйдя из квартиры Дейва, Ванесса пошла к лифту, но потом повернула к пожарной двери и ступила на тускло освещенную площадку аварийной лестницы. Оставшись одна и будучи уверена, что ее здесь никто не застигнет, она достала сигарету, прикурила и глубоко затянулась.

Если бы в тот момент кто-то ее и увидел, то принял бы за чью-нибудь жену или подругу, которая обещала бросить курить, но изредка все еще тайком покуривает.

Какое-то время она провожала взглядом поднимающийся сигаретный дым, потом закатала рукав, как это делают наркоманы, стиснула зубы и прижала горящий конец к мягкой белой коже в изгибе локтя. Раздалось шипение, и в воздухе запахло горелым мясом.

Из ее глаз полились слезы, и она прикусила язык, чтобы не закричать. Наконец, сигарета погасла и она отшвырнула ее.

— Прости меня, папочка, — прошептала Ванесса.

Она поплевала на ожог, чтобы успокоить боль, вышла с аварийной лестницы и вызвала лифт.

Глава 10

Дэнни по привычке слизывал налет кофейного порошка с края пластиковой чашки, возможно специально затягивая время, чтобы переварить чудовищное признание, только что услышанное от Дейва, и наконец поднял глаза. Взгляд выдавал его чувства, и на этот раз Дейв не стал протестовать против неприятной привычки напарника. Дэнни говорил спокойно, но Дейв понял, что его напарник вне себя.

— Ты спал с ней? Ну и дерьмо же ты, Дейв. Ты сам советовал мне держаться подальше от нее. Почему? Чтобы самому уложить ее в постель? Какой же ты после этого друг?

Дейв виновато выкладывал все те объяснения, которыми люди отчаянно пытаются оправдаться, пытаясь утешить справедливо рассерженного друга. Он слегка подправил собственные слова в их прежнем разговоре, стараясь представить себя в более выгодном свете.

— Я не советовал тебе держаться подальше от нее, я имел в виду, что тебе нужно быть с ней поосторожней, только и всего. Посуди сам, Дэнни, стал бы я все это говорить, если бы хотел путаться с ней тайком от тебя? Это произошло случайно, вот и все. Она пришла, чтобы увидеться с тобой, и застала меня.

Дэнни помрачнел.

— Три недели я пытаюсь уложить ее в постель, а тебе это удастся случайно. Это несправедливо. Совсем несправедливо. — Он посмотрел Дейву в

глаза. — Скажи, как ты думаешь, если бы я был там, она легла бы со мной?

Дейв размышлял, солгать ли ему, чтобы пощадить самолюбие друга, или сказать правду. Так или иначе он чувствовал себя последним подонком.

— Дэнни, знаешь, ты просто не ее тип.

— Это ты так говоришь.

— Это она так говорит, — возразил Дейв. — Видишь ли, некоторые женщины ради тебя пошли бы на любые жертвы, а на меня едва ли взглянули бы. Так уж распорядилась природа, что эта женщина на голову выше тебя. Она почти моего роста. Хочешь, чтобы она всякий раз сгибалась почти пополам, чтобы поцеловать тебя?

— У многих мужчин более высокие подруги. Возьми Дадли Мура или Билли Джоэла.

— Это же богачи, Дэнни. Они могут предложить еще кое-что кроме своих дюймов. Каждый раз, когда Ванесса посмотрит на тебя с высоты своего роста, она увидит лысину. Черт, я не то хотел сказать, Дэнни, извини. — Дейв чуть не рассмеялся, потому что на лице у Дэнни появилось выражение уязвленного самолюбия. Дейв осадил себя. — Слушай, Дэнни, я очень хотел бы, чтобы она легла в постель именно с тобой. Я не ожидал того, что произошло. Это все выпивка...

Дэнни, который начал было успокаиваться, снова пришел в ярость.

— Так ты сначала напоил ее? Понятно, почему ты говорил, что у вас все произошло случайно.

— Это она меня напоила. Клянусь, она буквально затащила меня в постель и изнасиловала. Я не мог сопротивляться, такое вот я произвел

на нее впечатление. Слушай, малыш, найди себе женщину под пару и встречайся с ней.

Они проехали два квартала по Пасифик-Хайтс в молчании, потом Дэнни, как всегда первый, пошел на уступки.

— Я этого не забуду, Дейв, — решительно сказал он, — и хочу, чтобы ты знал.

— Хорошо, не забывай, только заткнись.

— Так я и сделаю.

— Отлично.

Дэнни снова уставился в боковое окно.

— Вы еще будете встречаться?

— Не знаю. Сейчас я не хочу ни с кем встречаться. Во всяком случае, она не в моем вкусе. Мне нравятся маленькие. — Он взглянул на Дэнни. — Еще меньше, чем те, что подходят тебе.

Дейв улыбнулся. Дэнни сидел с каменным лицом еще секунд тридцать, но потом не выдержал и тоже расплылся в улыбке.

— Вся беда в том, что я не люблю маленьких женщин. Мне нравится карабкаться по длинным ногам, чтобы добраться до прелестей, нравится ласкать внушительные формы.

— Ты извращенец, Дэнни. У тебя противоестественные наклонности.

По радио передали сообщение о пожаре в четырех кварталах от них. Дейв развернул машину, и они поспешили к месту происшествия.

Закончив ночное дежурство, Дейв поехал домой. Дэнни уговаривал его зайти в бар, но Дейв не любил баров. На полпути к дому он передумал и

поехал к жилому району на окраине Пасифик-Хайтс. Это было тихое место, где можно было спокойно побродить и подумать о своих делах, не опасаясь за каждым углом встретить грабителей.

Он оставил машину на широкой улице с большими домами и, спрятав голову в воротник, пошел пешком. Как обычно, ночное небо освещало зарево горящих в городе зданий. Управление пожарной охраны, которому катастрофически не хватало людей и машин, как могло, боролось с этим бедствием.

Дейв бесцельно кружил по улицам. Его квартира уже не была тем местом, где можно спокойно сидеть и предаваться любимым воспоминаниям. Она стала обителью печали, и Дейв сомневался, стоит ли по-прежнему жить в ней. Он серьезно подумывал о поисках новой квартиры, возможно не такой большой, но более подходящей для холостяцкой жизни. Нужно было подумать и о том, как быть с Ванессой. Они неплохо провели ночь, но он не горел желанием увидеться с ней снова. Если она позовет его, он согласится, но сам не станет искать встречи. Пока не станет. Он подумал, а не является ли его апатия следствием какой-нибудь болезни, которая давно подтачивает его.

Размышляя о своих проблемах, он остановился и посмотрел на звезды. Небо было ясным, его усыпали мириады маленьких ночных солнц. Дейв перевел взгляд на улицу и заметил еще одного человека с поднятой головой. В отличие от Дейва тот смотрел не вертикально вверх, а под углом примерно в тридцать градусов. Дейв понял, что

человек напряженно всматривается в одно из окон большого дома.

Человек стоял, засунув руки в карманы. Казалось, он был всецело поглощен наблюдением за освещенным окном.

Нездоровое любопытство, подумал Дейв. Мужчина поглядывает, как раздевается чья-нибудь жена или дочь.

Что же ему с ним делать? Дейв был не на дежурстве, и к тому же это не его участок. Можно сказать человеку, чтобы тот убирался. На его месте так поступил бы любой порядочный человек.

Он пошел к мужчине. Тот обернулся на звук шагов, рассеянно посмотрел на Дейва и снова вернулся к своему занятию.

Хладнокровный субъект, подумал Дейв.

Мужчина был молод и красив. Дейв назвал бы его прелестным, но он не употреблял подобных слов, считая, что их можно относить только к женщинам. Черные как смоль волосы молодого человека были аккуратно причесаны. Он был среднего роста и довольно хрупкого телосложения. Какого черта этому типу заглядывать в женские спальни, удивился Дейв. При такой внешности любая женщина не заставила бы долго себя уговаривать.

Подойдя ближе, Дейв почувствовал исходящий от молодого человека аромат, благоухание каких-то трав.

— Эй, — окликнул его Дейв, — что...

Он не успел закончить фразу. Здание содрогнулось от страшного взрыва, и из того окна, в которое смотрел человек, вырвались длинные

языки белого пламени. Яркая вспышка на какое-то время ослепила Дейва. Он почувствовал, как мощный поток жара опалил улицу. Взрывной волной его оторвало от земли и швырнуло на стену дома. Дейв скользнул по кирпичам на тротуар; несколько секунд он лежал в шоке, не в состоянии понять случившееся.

Постепенно он приходил в себя.

Человек, который смотрел в окно, казался ему темным, неясно очерченным пятном на ярком фоне. Языки пламени вились вокруг него. Его одежда должна была уже загореться, однако не было видно никаких признаков того, что он испытывает боль. Напротив, он спокойно стоял, в то время как пламя лизало его кожу.

Человек смотрел в окно, пока из дома не донеслись первые вопли. Тогда он быстро повернулся и пошел мимо полицейского.

Дейв был убежден, что человек установил в доме зажигательную бомбу и все это время ждал взрыва. Он схватил незнакомца за ногу. Изысканное благоухание, которое он ощущал ранее, теперь превратилось в тошнотворное зловоние. Он вспомнил, что примерно так же пахнет миндаль.

Дейв почувствовал в незнакомце невероятную силу; его тело слегка вибрировало, словно его питала огромная динамо-машина. Мужчина одной рукой оторвал от себя контуженного и полуслепого Дейва, поднял его и швырнул на другую сторону улицы. Дейв сильно ударился о бордюр тротуара и снова на мгновение потерял сознание. Невероятно, но он обжег руку о ботинок поджигателя,

он был горячим, как раскаленное железо, однако его хозяина это, похоже, нисколько не беспокоило.

Дейв понял, что он впервые имеет дело с чем-то выходящим за рамки его обычного опыта.

Когда он пришел в себя, то увидел склонившееся над ним лицо в черно-желтом шлеме. Лишь через несколько секунд он понял, что это лицо пожарного.

— Ты в порядке, приятель? — спросил его пожарный.

Дейв чувствовал боль в ногах и спине. Он попробовал сесть.

— Думаю, да, только голова болит.

Пожарный выпрямился.

— Врачи скоро будут.

На улице еще бушевал пожар. Языки пламени как перья вздымались в ночное небо. Посреди улицы стояли пожарные машины. Собралась толпа, правда небольшая: в эти дни пожары были обычным явлением, и зрители могли выбирать зрелище по вкусу. Дейв лежал за установленным пожарными ограждением. Вынырнув из темноты, к нему подошел полицейский.

— Полагаю, вы расскажете мне...

Дейв прервал его, показав полицейский значок.

Внутри горящего здания то и дело что-то взрывалось, хлопало, обдавая зевак снопами искр. Ахами и охами они приветствовали происходящее, словно это был фейерверк, устроенный здесь для забавы. Жар, исходивший от здания, был настолько силен, что обжигал сидевшего довольно далеко Дейва. Полицейский помог ему подняться и уйти из опасной зоны.

— Когда вы здесь появились? — спросил Дейв полицейского.

— Вместе с пожарными.

— Видели; как кто-нибудь убегал?

— Нет. Видел многих бегущих сюда.

Дейв кивнул.

— Я видел поджигателя. Он выглядел как какая-нибудь чертова кинозвезда из фильмов двадцатых годов, как Валентино или еще кто-нибудь. И от него пахло каким-то одеколоном.

— Вы были достаточно близко, чтобы почувствовать запах? — удивленно уточнил полицейский.

— Достаточно близко, чтобы схватить его, но он невероятно силен — тощий, но сильный. Швырнул меня через улицу. Меня уже слегка оглушило взрывом. Сранно, но казалось, взрыв и пламя на него не действуют. Он ходил там, словно прогуливался по парку.

Полицейский медленно покачал головой.

— Все эти поджигатели чокнутые. Их нельзя сравнивать с нормальными людьми.

— Я тоже так думаю, — согласился Дейв, сразу же вспомнив о Ванессе.

Им пришлось отойти еще дальше от здания, так как боковая стена с грохотом рухнула. Раскаленные кирпичи пронеслись по воздуху, как дымящиеся бомбы, падая среди отскакивающих зевак. Куски полыхающей известки полетели в толпу, хотя она находилась достаточно далеко от пожара. Слышались вопли и крики. Пламя внезапно взметнулось вверх и добралось до деревянных конструкций — возведенных на крыше здания

рекламных щитов. Большие горящие щепки, словно трассирующие пули, со свистом пролетали в воздухе.

Отвалившийся кусок стены зацепил пожарного; тот, шатаясь, сделал несколько неуверенных шагов и упал ничком. Его оттащили к подъехавшей машине скорой помощи.

— Этим ребятам приходится отдуваться за всех, — сказал полицейский, указывая на пожарный расчет. — У них работы хватает и днем и ночью.

Дейв задержался, пока пожар не потушили. Детектив из местного участка сказал Дейву, что сгоревшее здание не было большой потерей, поскольку, как ему удалось выяснить, принадлежало мафиозной шайке, которую они безуспешно пытались «накрыть» вот уже несколько лет.

— Такое красивое пламя дает героин или кокаин. — Он посопел носом. — Здесь можно забалдеть, стоит только надышаться дымом. Наверно, его хранили в стенных тайниках... и деньги тоже. Приятное пламя. Не велика потеря, приятель.

— Вы думаете, это удар конкурентов?

Детектив криво усмехнулся.

— Готов биться об заклад. Он многим нагадил, этот Дано, особенно мне. Не я устроил пожар, но, приди мне в голову такая мысль, тоже поджег бы этот гадюшник. Видно, наступил на мозоль другому крестному отцу, и тот приказал расправиться с ним. Теперь это модно. Зачем отличаться от других? Хочешь убрать кого-нибудь? Сожги его, да и дюжину других поджарь в ту же ночь. Пусть полицейские ломают голову, опознавая головешки. Ищи теперь ветра в поле. Очень умно.

— Согласен, — сказал Дейв устало. Напряжение спадало, и у него закружилась голова. Он простился с детективом и обещал утром послать ему рапорт. Полицейский поблагодарил, не отрывая глаз от тлеющих руин.

Дейв приехал домой около половины седьмого, лег в кровать и мгновенно уснул. В восемь ему позвонил Дэнни, и Дейву пришлось просыпаться. Он рассказал о том, что случилось ночью, и обещал быть в участке после одиннадцати. Он очень устал и к тому же изрядно надышался дымом. Дэнни сказал, что пока займется бумажной работой.

Дейв не упомянул о смазливом поджигателе. Он хотел сначала посмотреть сводки происшествий, чтобы удостовериться, не упоминается ли в них этот парень. Его образ стоял перед глазами Дейва, и он очень хотел добраться до него. В газетах теперь замелькали сообщения о «белых» пожарах, которые отличались от обычных пожаров. По мнению экспертов, кто-то изобрел новое горючее вещество, которое давало очень интенсивную белую вспышку, воспламенявшую все вокруг. Белое пламя отличалось необыкновенной чистотой цвета, что озадачивало экспертов, которые никогда не сталкивались с подобным явлением, даже при испытаниях боевых огневых средств.

Пожары с белым огнем составляли примерно десять процентов общего их числа. Вчерашний пожар, свидетелем которого стал Дейв, был именно такого типа. Еще об одном подобном пожаре докладывал Фокси Рейндольс, с которым Дейву сейчас не терпелось поговорить.

Но для Дейва важнее всего был «белый» пожар

в японском супермаркете, в котором заживо сгорели его жена и сын.

Как Дейв и ожидал, Фокси назначил ему встречу в баре, поскольку слыл любителем выпить. На этот раз Фокси заказал только стакан апельсинового сока, чем удивил Дейва. Они сопоставили свои впечатления о поджигателе, поскольку в момент пожара оба были ослеплены белым огнем и ни один из них не мог точно описать его внешность.

— Он выглядел, как «мэри», — сказал Фокси.

— Как кто? — переспросил Дейв.

Фокси засмутился.

— Он похож на женщину. Видел ты таких. Не обязательно голубой, но хорошенький такой, с нежной кожей и длинными ресницами. И с особой манерой держаться. Мэри.

Дейв вспомнил один ковбойский фильм, где поваренка звали Маленькая Мэри или как-то в этом роде. Сам он такие прозвища не любил и предпочитал их не употреблять.

Наконец Дейв спросил Фокси, не припоминает ли тот чего-нибудь необычного. Дейв знал, что желал бы услышать, но не хотел подсказывать.

— Например? — спросил полицейский.

— Все что угодно.

Фокси наморщил лоб.

— Не помню... подожди. Был запах, какой бывает, когда Клем запекает рыбу. Пахло марципаном. Миндалем. Точно.

Дейв торжествующе стукнул по столу кулаком. Завсегдатаи бара повернулись и покачали головами.

— Вот именно, — сказал Дейв. — Я тоже чувствовал этот запах. Это он, тот же парень. Давай выпьем еще.

Фокси заказал еще апельсинового сока, а Дейв — рюмку водки.

— Ты бросил пить? — спросил Дейв рыжеволосого полицейского.

Фокси уставился на него своими ярко-голубыми глазами.

— Да, после того пожара в центре города. Не сразу, конечно, а после того, как понял, что моя жизнь течет, как вода в туалете. Понимаешь, что я имею в виду? У меня прекрасная жена, прекрасные дети. И всего этого лишиться ради спиртного после каждого дежурства?

Дейв всмотрелся в зрачки собеседника, потом заметил, что рука со стаканом сока дрожит.

— Чем ты заменяешь спиртное? — тихо спросил он.

— Ты думаешь, я что-то принимаю? — огрызнулся Фокси.

— Признаки налицо.

Фокси опустил глаза и со злостью пнул ножку стола.

— Я не могу от этого отделаться, это меня убивает.

— Расскажи мне. Нет, действительно, поделись со мной. Я слушаю, Фокси.

— Рэй. Ради бога, называй меня Рэем. Это мое имя.

— Говори, Рэй.

Фокси с отвращением посмотрел на стакан с соком, как бы примеряясь, не стоит ли запустить

его через зал. В конце концов он аккуратно поставил стакан на стол и устался на Дейва.

— Я говорил с начальством, просил о переводе на другую работу. Я не гожусь для работы полицейским. Я хочу заниматься чем-нибудь другим, не видеть изуродованных лиц, горелой кожи или кусков тела после автомобильных катастроф. Но вопрос в деньгах. У меня семья, которой нужен свой дом, на детей тоже требуются средства. Черт, с какой стати я тебе это рассказываю?

— Потому что я тебя просил. Продолжай... Рэй.

— Я подумывал о том, как бы открыть свое дело — маленький ресторанчик. Не роскошный, конечно, а просто бистро, этакое французское заведение со скатертями на столах и свечами в бутылках...

— Я знаю, что такое бистро, Рэй, я не совсем дурак.

— Извини, я буквально горю этой идеей, мне хочется объяснять всем и каждому. Это придумала моя жена, она у нас — голова. Но, — он вздохнул, — пока мы ничего не может сделать. Боюсь, это «пока» растянется на долгое время.

— Почему? Нет денег?

— Да. Я не занимаюсь игрой на скачках или чем-либо подобным, и у меня большие долги.

— Рэй, я одолжу тебе для твоего бистро и оплачу все твои долги. Мы подпишем контракт на этой неделе. Я буду твоим тайным компаньоном.

Фокси откинулся на спинку стула и замигал.

— С чего это вдруг, Дейв? Ты меня едва знаешь.

— Я знаю тебя достаточно хорошо. На прошлом капитанском балу я познакомился с твоей женой. Она рассказывала мне о ваших детях. Насколько же лучше я должен тебя знать? Некоторые люди вступают в деловые отношения с бизнесменами, которых вообще никогда не видели.

Казалось, Фокси не знает, плакать ему или смеяться.

— Господи, Дейв, а откуда ты хочешь взять эти деньги?

— У меня есть. Я даже накликал на свою голову брокеров, указывающих, куда мне их вложить и с кем. Вот я и вложу деньги. Я сам нашел дело, и мне не придется платить брокерам проценты.

Дейв видел, что Фокси не удовлетворен его объяснениями, но не стал винить его. Он знал, что подробные разъяснения причинят ему боль. Он часто об этом думал, но еще ни с кем, даже с Дэнни, не обсуждал. Дейв подался вперед.

— Видишь ли, когда я получил страховку за Челию, я ничего не хотел делать с этими деньгами. Все эти брокеры и банкиры чувят, откуда пахнет деньгами. Они, как коршуны, слетаются на твою голову, когда ты еще ничего не соображаешь, еще потрясен утратой. Я и сейчас немного такой. Мы с женой застраховали себя на крупные суммы. Ради Джейми. Мы думали, что, если один из нас умрет, другому понадобятся деньги, чтобы платить воспитателям или за школу. — Дейв проглотил застрявший в горле комок. — Нам и в голову не приходило, что он тоже может умереть. Вот я и остался с этими проклятыми деньгами. Если ты в них нуждаешься — они твои.

У Фокси был такой вид, словно у него на глазах было вновь создано солнце.

— Черт, Дейв, я не знаю, что сказать. Конечно, да, великолепно! Ты не пожалеешь. Мы с женой не боимся работы, и не потому я хочу уйти из полиции. Огромного состояния не обещаю, потому что я не собираюсь превратить свое заведение в одно из тех мест, на которые положила глаз мафия, и в конце концов кончить тем, что меня загребут за темные делишки. Нет, это будет маленький тихий ресторанчик, но у нас постоянно будет небольшая прибыль, и ты не прогадаешь.

— Ты это уже говорил, — улыбнулся Дейв. Он глотнул водки, и внезапно его осенило. — Эй, я придумал отличное название для твоего заведения!

— Какое? — возбужденно воскликнул Фокси.

— Как насчет «У Лиса»?*

Фокси с минуту недоуменно смотрел на Дейва; у него отвисла челюсть. Наконец до него дошло, что Дейв шутит, и он облегченно вздохнул.

— Да, блестящая идея, только не делай это условием контракта. Как вам это нравится? «У Лиса». Вот чертов шутник. Подожди меня, я сейчас приду...

Манович следовал за Дейвом до ресторана Фокси и теперь курил в машине. Отсюда сквозь открытое окно ресторана он мог наблюдать за двумя мужчинами — полицейским и бывшим полицейским, — а также наслаждаться сознанием того, что шпионит за ними, а они об этом даже

* Прозвище полицейского Фокси (Рыжий) можно перевести и как «похожий на лиса».

не подозревают. Похожее волнующее ощущение он испытывал, когда подсматривал через замочную скважину. Ему нравилось, оставаясь незамеченным, наблюдать интимные сцены. Это давало ему ощущение власти над людьми, возможности распоряжаться их судьбой.

Конечно, сегодня он не собирался предпринимать ничего конкретного, но знал, что рано или поздно его время придет. Обязательно придет. По правде говоря, ему даже нравилось ждать. Он любил следить за своей жертвой, узнавать ее привычки, составлять на нее досье. Он получал удовольствие от сбора информации. Он воображал себя агентом ЦРУ или кем-то в этом роде. Это придавало его действиям почти официальный статус, как бы санкционированный высшим руководством.

— Я доберусь до тебя, Питерс, — прошептал он, глядя, как двигались губы полицейского, когда тот что-то говорил Фокси. — Я подвешу твои яйца на ниточку, чтобы стервятники сожрали.

Это тоже нравилось Манни — изрыгать угрозы, представлять, что он сделает со своей жертвой, когда она попадет ему в руки. Это его возбуждало. Обдумывая убийство Питерса, он чувствовал, как крепнут его силы.

Манни завел машину. Он поехал в клуб, где знал девок, готовых отдаться за пару рюмок и несколько долларов. Некоторые из них даже любили получить предварительно пару шлепков по заднице. Он охотно доставлял им это удовольствие, если требовалось.

Он припарковал машину рядом с «Серебряной

Чашей», пересек фойе и через пару двойных дверей прошел в тускло освещенный клубный зал.

Манни пришлось напрячь глаза, чтобы сориентироваться в полутьме. Посетителей сегодня было мало. Трудный день.

— Двойной «Джек» со льдом, — сказал он бармену.

Кто-то чуть толкнул его локтем. Манни повернулся и увидел уставившегося на него педика.

— Привет, — сказал педик. — Ищешь кого-нибудь?

— Я гетеросексуалист, — ответил Манни. — Иди к черту.

Педик пожал плечами, улыбнулся и отпил глоток.

— Я только спрашиваю. Не надо грубить.

Господи, подумал Манни, и выпить-то нельзя спокойно, сразу кто-нибудь пристанет.

Его глаза уже привыкли к темноте, и Манни внимательно изучал зал. В углу сидели две проститутки, Лолита и ее подруга, кажется Дебора. У проституток всегда такие причудливые имена. Скорее всего, придуманные. Лолита была блондинка, а Дебора — брюнетка. Они часто работали вместе, но Манни не был заряжен на двоих. Сегодня его устроила бы Лолита.

Кроме них и педика в зале был еще только один посетитель — черноглазый молодой человек. Он смотрел на Манни так, как будто собирался заплакать. Наверно, тоже педик, решил Манни. Однако парень выглядел слишком прилично. Впрочем, импозантная внешность всегда вызывала у

Манни подозрение: от нее так и разит гормонами и пластической хирургией.

Внезапно ему нестерпимо захотелось в туалет. Видно, опять перепил на работе. В последние дни он мочился каждый час или даже чаще. Он залпом опорожнил стакан и, убедившись, что педик за ним не следует, направился к туалету. Как бы сильно ему ни приспичило, он не собирался мочиться на глазах у этого типа.

Облегчаясь, Манни рассматривал свежие надписи на стенах, как обычно безграмотные. Манни они нравились. Он замечал ошибки, и это вселяло в него чувство превосходства над миром педиков, проституток, сутенеров. Он взглянул на часы: две минуты двенадцатого.

Возле обитых бархатом двойных металлических дверей он остановился и заглянул в небольшое окошечко: в зале затевалась какая-то возня. На танцевальном пятачке лицом к лицу стояли двое мужчин. Два стройных молодых человека, очень похожие друг на друга. Они как будто не ругались, но весь их вид и позы говорили о том, что сейчас что-то произойдет. Манни решил пока не входить в зал — на тот случай, если начнется стрельба.

Внезапно один из них превратился в огненный шар.

Черт! — воскликнул ошеломленный Манни. — Его подожгли!

Он отошел на пару шагов, но почти тотчас же вернулся, зачарованный происходящим по ту сторону металлических дверей.

Потрясенный, Манни узнал в горящем человеке того самого импозантного парня, который смотрел

на него влажными глазами всего несколько минут назад. Должно быть, второй парень зашел в клуб, когда Манни был в туалете. Странно, но он уже исчез. Манни не видел, чтобы он выходил из клуба, однако в зале его не было.

Матовые стекла на дверях защитили глаза Манни, но неестественно яркий свет в зале напугал его. Находившиеся там люди, видимо ослепленные, терли глаза руками. Не пострадал только бармен, в момент вспышки возившийся под стойкой со стаканами.

Живой огненный шар метался по комнате, роняя огненные капли на ковер. Внутри его Манни различил силуэт человека: руки, ноги, торс, пожираемые пламенем мускулы, кости, которые от высокой температуры скоро рассыпятся в порошок.

Пол горел под его ногами. Вспыхивали края скатертей на столах, сиденья стульев и ковер. Трещали и лопались детали облицовки, выбрасывая капли расплавленного горящего пластика.

Огненный шар, шатаясь, двинулся в сторону бара.

Бармен с расширенными от ужаса глазами схватил стакан с какой-то жидкостью, обогнул стойку и выплеснул содержимое стакана в плающее лицо человека. К несчастью, в стакане оказался ликер. Спирт лишь усилил пламя.

Как утопающий хватается за соломинку, так и горящий человек тянется за помощью. Жертва ринулась вперед и заключила бармена в огненные объятия. Бармен, пытаясь вырваться, дико завопил.

Безуспешно.

Огненный шар увеличился вдвое.

— Господи! — воскликнул Манни.

Пылающая пара кружила по залу, словно любовники, разучивающие свой первый вальс. Создания иного мира, горящие, как восковая свеча. Ад для двоих. Они запутались в бархатных занавесках, закрывавших маленькую сцену. Занавески сразу же вспыхнули, через несколько секунд упали на ковер, и тот задымился, испуская ядовитые газы. Огненные шнуры распространялись по полу, как горящая сера. Помещение наполнилось клубами черного дыма. Пластиковые столы с шипением пузырились, пузыри тут же громко лопались. Плавился клей, и стулья разваливались на части.

Манни, не в силах оторваться от окошка, смотрел, как пламя быстро охватывает весь зал. С каждым новым па этого страшного танца из всего, что могло гореть, извергались новые огненные струи. Горели в основном ткани и пластик. Пламя перескакивало от стола к столу, на ковер, на занавески и наконец добралось до посетителей. Лолита в тонком муслиновом платье моментально превратилась в факел. Ее волосы на мгновение стали огненным фонтаном, лицо быстро обугливалось.

Молодой человек, первая жертва пламени, все еще кричал; теперь к его крикам присоединился истерический хор остальных посетителей. Манни видел, как начали чернеть их лица. Дебора, ослепленная вспышкой, огнем и страхом, попыталась добраться до выхода, но пылающая занавеска

веска упала прямо на нее, превратив человека в создание из фильма ужасов.

Бар стал ревущей топкой, и содержимое выстроенных на полках бутылок вскипело. Одни бутылки выстреливали пробками и разбрасывали золотой фейерверк горящих крепких напитков, другие трескались и раскалывались, третьи взрывались, осыпая все вокруг мелкими осколками стекла. Пластик отслаивался и скручивался, словно живое существо, пытающееся убежать от огня.

Манни чувствовал жар даже через стальные двери. Бархатная обивка на его стороне задымилась. Он понимал, что отсюда нужно скорее убираться, но ужасная сцена будто загипнотизировала его. Ему словно была дарована привилегия заглянуть в ад с его страшными пытками.

В поле зрения Манни появился насмерть перепуганный педик, бежавший к стальным дверям. Манни быстро запер их на задвижку. Подбитая резиной двойная дверь защитит Манни от огня, пока он не решит, что ему делать. Он не собирался никого спасать, рискуя сгореть заживо или задохнуться.

Искаженное лицо с разинутым в вопле ртом прильнуло к стеклу. Манни видел, как задымились его спина и плечи. Человек отчаянно пытался повернуть раскаленную ручку дверей. Наконец лицо скользнуло вниз и исчезло. Наверно, человек задохнулся в ядовитых газах.

Дверь становилась все горячее, и Манни решил, что ему пора выбираться. Пожар еще какое-то время будет бушевать в зале, и, скорее всего, здесь ему ничто не угрожает, но Манни не хотел

рисковать. Он с неохотой оторвался от картины ада и пошел искать выход.

В туалете он нашел небольшое закрашенное окно, вышиб его ногой, выбил осколки стекла, вылез наружу и оказался в темном коридоре, ведущем в фойе. Через дверь в зал сюда проникал дым. В комнатке за фойе Манни увидел управляющего, бешено оравшего в телефонную трубку.

Манни посмотрел на часы.

Девять минут двенадцатого.

Прошло всего семь минут.

Невероятно! Какие потрясающие впечатления! Манни был в восторге. Он остался жив. Он видел, как люди сгорали заживо, а сам отделался всего лишь несколькими царапинами. Несчастные ублюдки. Но он, Манович, жив. Он чувствовал себя почти героем. Он словно прошел под градом пуль и остался невредим, тогда как все его товарищи погибли. Невероятно. Он ощущал себя избранным. Не таким, как все.

— Там люди! — крикнул Манни управляющему. — Они горят!

Управляющий бросил на него непонимающий взгляд, и Манни вспомнил, где он находится. Газетчики не должны застать его здесь. Полицейский не должен посещать злачные места. Газетчики окунут его по уши в дерьмо. Манни помахал рукой управляющему, показал в сторону клубного зала и поспешил на улицу.

Он вдруг вспомнил, что у него есть еще одно важное дело, и на этот раз ему придется заняться им со своей женой.

Глава 11

— Я выскочила из спальни, и за моей спиной дверь хлопнула так сильно, как будто Бог протянул свою карающую руку. Думаю, это был просто сквозняк. Во всяком случае, отец не смог открыть дверь. Я слышала, как в комнате разгоралось пламя, трещало дерево. Дым сочился сквозь щель под дверью. Наверно, дверь заклинило от жара. Подол моей ночной рубашки немного тлел. На кофейном столике стоял стакан с виски и содовой. Отец всегда пил, прежде чем... чем...

— Насиловать тебя, — сказал Дейв, глядя в потолок.

Ванесса, которая тоже лежала на спине и смотрела в потолок, согласно кивнула.

— Да, да, насиловать меня. Именно это он и делал. Разбавленным виски я потушила рубашку и тут услышала, как кто-то скребется, словно крыса пытается выбраться из коробки. Это отец хотел открыть дверь. Краска на двери уже начала отслаиваться и плавиться. Я услышала вопли, похожие не знаю на что, наверно, на вопли страдающего ребенка.

— Он не был ребенком, он был твоим отцом. Взрослым человеком, который использовал десятилетнего ребенка для удовлетворения низменных потребностей.

— Да, ты прав. Потом он перестал вопить и скрестись. Огонь пожрал его. Я выбежала из дома на улицу...

Дейв слегка шевельнулся, и Ванесса сказала:

— Не прикасайся ко мне. Пока не надо.

— Я и не собирался, — тихо ответил Дейв.

— Я знаю, ты только хотел обнять меня и успокоить, но я пока не хочу, чтобы ты ко мне прикасался.

Одетые, они лежали в темноте бок о бок на кровати Дейва. Иначе Ванесса не смогла бы рассказывать, а ей очень этого хотелось. Она хотела, чтобы Дейв понял, почему она стала такой, какая есть. Сам Дейв не горел желанием выслушивать ее исповедь, но был готов слушать Ванессу, если это принесет ей облегчение. Он понятия не имел, как надо лечить душевные раны, и боялся их разбередить.

После долгого молчания она заговорила снова.

— Так я и убила своего отца.

— Так погиб твой отец, а это совсем другое дело.

— Это я подожгла постель, зная, что он мертвецки пьян.

— Бог мой, тебе же было всего десять лет. То, что он был пьян, — его вина, а не твоя. Я полагаю, что именно его способ «наказания» — прижигать тебя сигаретой после насилия над тобой — обратил твои мысли к огню. Это не было твоей виной. Ты была ребенком. Священный долг родителей — оберегать своих детей от подобных испытаний, а не быть их причиной. Он был болен.

— Как я сейчас?

— Нет, не так. Твоя болезнь — следствие выпавших тебе ужасных испытаний, и он был их причиной.

— Причиной его болезни была смерть жены.

— И это тоже не твоя вина, поскольку одно-

временно она была и твоей матерью. Если он чувствовал, что не в силах перенести утрату, то должен был обратиться к врачу. Он не сделал этого. Он опустился ниже, чем навозная крыса, и умер как крыса.

— Я не думаю, что ему нужен был секс. Мне кажется, он хотел чего-то другого — утешения, возвращения матери, я не знаю. Он был моим отцом, и я действительно любила его.

— Его вина в том, что он пошел на это. На мой взгляд, он получил то, что заслужил. Не сомневаюсь, ты никогда со мной не согласишься, но меня трясет при мысли о нем. Я не называю его преступником, потому что, по твоим словам, он был душевно нездоров и не контролировал свои поступки, но он точно был свихнувшийся сукин сын.

— Истина, вероятно, лежит где-то посередине, — сказала она тихо.

Этой ночью они не занимались любовью, а сидели и разговаривали, большей частью о пожарах. Ванесса спросила Дейва, что заставило его встретиться с ней, ведь она была уверена, что он не собирался этого делать.

— Так оно и есть, — признался Дейв. — К тому же я все рассказал Дэнни. — Он почесал в затылке. — Не знаю. Мне нужно было с кем-то поговорить, но не с Дэнни, и я вспомнил о тебе.

— Это называется одиночеством, — сказала она, по-видимому совсем не раздосадованная его откровенностью.

— Догадываюсь. И мне нравится, что именно ты избавляешь меня от него.

— Ты не должен так говорить.

— Знаю, но почему-то говорю. Ты привлекаешь меня как женщина, и это странно, потому что ты — не мой тип.

— Ты придаешь слишком большое значение «типу».

— Может быть. Впрочем, мы сейчас здесь, и похоже, я позову тебя снова.

Они улыбнулись друг другу, еще не зная, о чем говорить дальше. Потом Дейв вспомнил поджигателя, которого видел в жилом районе, и стал рассказывать о нем Ванессе.

— За его приятной внешностью скрывается дьявол, — сказал Дейв.

— Белые пожары — его рук дело?

— Там действительно была белая вспышка, и только потом огонь охватил все здание. Она ослепила меня. Я никогда ничего подобного не видел, разве что в документальном фильме про атомный взрыв. Ядерная вспышка — вот на что это было похоже. Но, конечно, меньшего размера.

— Ты считаешь, кто-то создал атомную мини-бомбу?

— Нет, ничего подобного. Скорее, просто зажигательную бомбу, которая взрывается с белой вспышкой. Может быть, устройство на основе фосфора. Спрошу у экспертов, что они об этом думают. Хотел бы я поймать этого парня. Очень хотел бы...

От того, как Дейв произнес это, Ванессу прошиб озноб. Он несомненно обладал задатками убийцы. Она чувствовала это, когда он говорил о пожарах. Ей казалось, что она спит с человеком, который в любой момент может взорваться и разнести ее

на куски за то, что она — поджигатель. В конце концов именно поджигатель виновен в смерти его жены.

Ванесса не сомневалась, что Дейв горячо любил свою жену и теперь жаждал мести. Только надежда на возмездие, отвлекая от мыслей об утрате, помогла ему пережить самое страшное время в его жизни. Ванесса боялась представить, что произойдет, когда маньяк, устраивающий белые пожары, будет пойман.

К счастью, сейчас Дейва занимал только этот поджигатель, и Ванесса чувствовала себя относительно безопасно, но несколько часов назад, когда он с горящими глазами шагал по комнате, сжимая и разжимая кулаки, она не на шутку испугалась за свою жизнь. Высокий и худой, он тем не менее обладал большой физической силой, а чувство поправленной справедливости лишь умножало ее. Такого человека было бы очень трудно победить, особенно если он уверен, что правда на его стороне, подумала Ванесса. Он скорее погибнет, чем позволит врагу взять над собой верх. Ей казалось, что Дейв живет в своем особенном мире, где зло никогда не побеждает. Он казался ей современным Роем Роджерсом или, может быть, Суперменом. Нет, все-таки не Суперменом, тот был пришельцем с другой планеты, а Дейв Питерс — герой домогосподства, американский рыцарь. Скорее всего, что-то вроде Роя Роджерса.

— Ты в своей жизни совершал что-нибудь плохое?

Дейв мыл посуду. Он медленно обернулся и

внимательно посмотрел на Ванессу. Она стояла в двери, сложив руки на груди.

— Ну и глаза у тебя, — пробормотал он, глядя ей в лицо. — Да, было такое.

— Стадил леденец у школьного приятеля? — Ванесса подумала, что насмешка может вывести его из себя, но он просто отвел глаза.

— Нет, я убил человека.

От такого признания Ванесса похолодела. Она была права — у него душа убийцы. Она повернулась и уже решила уйти, когда Дейв, опершись о раковину и глядя на темное окно, спросил: — Ты не хочешь знать, как это произошло?

— Совсем нет, — быстро ответила она.

— Признание теперь само просится наружу.

Она остановилась и повернулась к нему.

— Ты хочешь мне все рассказать?

— Да, да, именно так. Я никогда не рассказывал об этом даже Челии, и не знаю, почему захотел рассказать тебе. Дэнни тоже ничего не известно. Ты одна будешь посвящена в мою тайну.

— Я очень польщена. Я приму ее, как священник исповедь, и никому не расскажу.

— Спасибо.

После этого Дейв надолго замолчал, и Ванесса засомневалась, не изменил ли он своего решения. Когда она уже собралась уходить, Дейв наконец стал выдавливать из себя слова.

— Тогда мне было семнадцать, и я состоял в уличной шайке...

— В уличной шайке? — У Ванессы глаза полезли на лоб. — А мне казалось, ты пел в церковном хоре.

— Не перебивай, — резко сказал Дейв.

— Извини.

— Наша компания не походила на ист-сайдскую банду — мы все были из хороших семей. Мы просто скучали, нам часто хотелось немного развлечься, и мы были уверены, что в состоянии сразиться с настоящей бандой: итальянской, пуэрториканской, негритянской или ирландской. Они уничтожили бы нас, но, по счастью, не забредали на нашу территорию, а мы — на их. Мне кажется, они вообще не знали о нашем существовании, иначе просто спустили бы нас в канализацию.

Главарем нашей шайки, которую мы называли «Пуритане» — как тебе такое название для компании порядочных мальчиков? — был парень по имени Уэксли Хантерман, мускулистый блондин с лицом наглеца и с широченными, как шестирядное шоссе, плечами. Он откровенно презирал почти всех нас, за исключением одного или двух, которых побаивался, а на меня смотрел как на червяка. Тогда я был тощим пареньком, немного бестолковым.

Он опять медленно принялся мыть посуду, уже чистую, но она не вмешивалась.

— Отец Хантермана был адвокатом, и Уэксли всегда нам затыкал этим глотку. Юристов он считал верховной кастой, а жестокостью этот адвокатский отпрыск мог сравниться разве что с палачом из гестапо. Любимым его развлечением было связывать более слабых членов шайки и засовывать им в ноздри куски бритвенных лезвий.

— Неужели и тебя резали? — спросил она, замирая.

— Конечно, но, если мы приходили домой с

кровоточащими носами, родители обычно говорили: «Так, так, опять была драка?» и дальше дело не шло. Он был умный ублюдок, этот Хантерман, он знал, что всегда сможет уйти от ответственности. В запасе у него был десяток пыток, как, например, с бритвенными лезвиями, некоторые предназначались для половых органов — не хочу углубляться в детали.

— Почему же ты не вышел из шайки?

— Я хотел, но «Пуритане», как большинство уличных банд, держались на страхе, и никому не позволялось выходить. В конце концов я подумал: «Что же они могут со мной сделать такого, чего не делали раньше?» И вот однажды я не пришел на обычное место сбора и в следующий раз — тоже. Тогда они сами встретили меня около школы.

Они затащили меня на неработавшую водонапорную башню на территории завода.

Дейв задумался, и Ванесса гадала, последует ли продолжение.

После длинной паузы, в течение которой она не издала ни звука, рассказ возобновился.

— Один парень зажег факел, и Хантерман ввел в пламя нож, пока тот не раскалился докрасна, а потом... он стал подносить кончик лезвия к моим глазам! Грозился, что выжжет их. Я сжал зубы. Я бы возненавидел себя на всю жизнь, если бы не сдержался и криком доставил Хантерману удовлетворение. Именно этого он и добивался. Хотел, чтобы я закричал. Ему был нужен мой страх. В конце концов он добился своего. Оттого, что я молчал, он ужасно разозлился. Они сняли с меня ботинки и носки, и Хантерман загнал раскаленный нож мне

под ноготь, и второй, и третий, пока я не закричал, как будто меня поджаривали в аду.

Ванесса побледнела, почувствовав головокружение и тошноту.

— Боже милосердный, — прошептала она.

Дейв мрачно усмехнулся.

— Да, я ужасно кричал. Я все еще помню запах горелого мяса. Моего. Я все еще ощущаю, как нож срезает мне ноготь с большого пальца ноги. Это была дьявольская пытка, уверяю тебя. Не мог потом ходить несколько недель. Хантерман тоже заорал, поцеловал меня и сказал: «Хочешь кричи, хочешь не кричи, детка. Папа больше не сердится».

Они затащили меня на верх башни, завязали глаза и скрутили руки за спиной. Потом обвязали веревкой лодыжки и перекинули за край башни. Они оставили меня висеть вниз головой в двадцати метрах от бетонной площадки.

— Боже милостивый...

— Это был кошмар. Когда стемнело, вернулся Хантерман с двумя друзьями, они вытащили меня и развязали. Сказали, что со мной пора кончать. Я так испугался, что замочил штаны. Потом парни решили, что Хантерман справится со мной один и нечего всем троим марать руки о такого дохляка. Они спустились вниз, оставив нас наедине.

Дейв перестал мыть посуду, но все еще стоял, опустив руки в раковину, наполненную мыльной водой.

— Я лежал на крыше башни, огромного стального круглого резервуара, а Хантерман стоял рядом, скрестив руки и глядя сверху вниз. Я

помню, как он сказал: «Поцелуй меня в задницу, и, может быть, я позволю тебе уйти».

Дейв помолчал, помешивая пальцами мыльную воду.

— Тогда я вскочил и обеими ногами ударил его в голени. — Теперь Дейв смотрел на нее широко открытыми глазами. — Хантерман перевалился через край, несколько раз перевернулся в воздухе и шлепнулся о бетон. — Дейв с размаху шлепнул мокрой рукой о стол, и Ванесса вздрогнула. — Я слышал вопль, потом звук удара, и все стихло. Все еще трясаясь от страха, я спустился вниз.

Я был очень испуган, но не испытывал раскаяния. Потом да, но не тогда. Наверно, был в состоянии шока и не мог вообще что-либо чувствовать. Тем двоим я проболтался, что случилось, но они не поверили мне. Они решили, что Хантерман поскользнулся, а я пытаюсь их запугать или, может быть, показать себя героем. Родителям и полицейским они сказали, что видели, как Хантерман начал спускаться с башни, но сорвался с лестницы. Кроме них я больше никому об этом не рассказывал. Слава Богу, что они мне не поверили. И я не проболтался, что они вытворяли со мной. Мы сказали, что забрались на башню посмотреть, что оттуда видно.

Мне кажется, я рассказал тебе все это из-за пыток, которые мне пришлось перенести, — добавил он после недолгого молчания. — Нам обоим в детстве выпало пройти через физическую боль. Конечно, тебе пришлось намного хуже, это сравнить нельзя, но я думал, тебе нужно было об этом узнать.

— Спасибо за доверие, — ответила Ванесса, сомневаясь, действительно ли она хотела все это услышать.

— Так вот, — сказал Дейв, вытирая руки полотенцем, — ты спрашивала меня, совершал ли я дурные поступки. Совершал, и не просто дурные, а самые тяжкие. Я убил человека.

— У тебя была причина.

— Причина не может служить оправданием. Я сознательно убил человека, и, что самое худшее, мне это сошло с рук. Возможно, то, что произошло с Челией и Джейми, — возмездие. Не знаю, так ли это, но если да, то у того, кто над нами, извращенное понятие о справедливости — они же ни в чем не виноваты.

— Бог никогда не наказал бы тебя таким образом. Бог не карает.

— Но ведь в Библии написано иначе.

— Только в Ветхом Завете. С тех пор мы изменились. Теперь Бог милосерден.

— Разве он меняется?

Она улыбнулась.

— Изменяется Вселенная, изменяются все вещи, даже Бог. Нет ничего постоянного. Ты читал Китса?

— Кого?

— Неважно. Главное — верь, что Джейми и Челия погибли по вине другого человека, а не по твоей.

— Буду, если ты так говоришь. — Дейв обнял ее и поцеловал. — Люблю интеллектуалов — они такие... интеллектуальные.

Ванесса засмеялась.

Глава 12

Сидя на кровати, Дэнни и Рита пили кофе. Их одежда была разбросана по всей комнате: валялась на полу, свисала со стульев, абажуров, спинки кровати. Ночью они пришли пьяные, и внезапно их охватила такая страсть, что Рита забыла, что она проститутка, и впервые за многие годы не упомянула о деньгах.

Теперь, прихлебывая кофе, Рита хмуро улыбнулась.

— Ты расскажешь на исповеди о сегодняшней ночи? — спросила она.

Дэнни надел очки (парни в участке не подозревали об их существовании) и взглянул на ее полноватое, но симпатичное лицо.

— Думаю, что да. Я не считаю, что эта ночь отличается от остальных. Это все же был грех. — Он помедлил, вспоминая их взаимное необузданное вожделение и те непристойности, которые оба они выкрикивали. Дэнни снова начал возбуждаться и предусмотрительно прикрылся одеялом. — Возможно, даже худший, чем все предыдущие.

— Я не хочу, чтобы ты на исповеди упоминал обо мне. Мне это неприятно. Думаю, неплохо бы учесть и мое мнение перед тем, как рассказывать Богу, чем мы сегодня занимались.

Поразмыслив, Дэнни признал, что Рита права.

— Если ты этого не хочешь, я не упомяну твоего имени, а только скажу, что спал с женщиной.

— Тебе не было приятно, Дэнни?

Прикрытый одеялом, он возбудился еще больше и был рад, что Рита ничего не заметила.

— Конечно, было, — смущенно ответил Дэнни.

— Так почему же ты хочешь обо мне кому-то рассказывать? Мы — двое молодых людей, любящие друг друга...

Он выпрямился.

— Мы кто?

— Ты сам сказал мне это ночью в момент откровения.

— А когда он был?

— Сам знаешь, Дэнни.

Он не помнил, чтобы говорил о любви, хотя вполне мог и сказать. В том состоянии, в каком Дэнни находился вчера, он мог наговорить все что угодно. Мог ли он обещать, что не расскажет о ней на исповеди? Ведь тогда он совершил бы большой грех, который ляжет еще одним пятном на его и так уже нечистую душу.

— Рита, — предложил он, — почему бы тебе не переехать ко мне? Нам пока необязательно жениться. Если переедешь, я смогу сказать священнику, что становлюсь добропорядочным человеком. Эта квартира невелика, но вдвоем в ней можно неплохо устроиться. Что скажешь?

Она обхватила его лицо руками и заглянула в глаза.

— Ты действительно хочешь, чтобы я у тебя поселилась?

— Да, да, конечно.

— И как я буду зарабатывать на жизнь?

— Ну, я ведь кое-что получаю. А чем ты занималась до того, как стала проституткой?

— Была официанткой, потом вела регистрацию имущества. Да, одно время я работала секретарем.

— Секретарем. Это хорошая работа. Со многими встречаешься, интересно проводишь время. Почему бы тебе снова не попробовать?

Рита устала в свою чашку.

— Наверно, я могла бы устроиться в какое-нибудь агентство.

Голос Риты от возбуждения дрожал. Дэнни понял, что задел ее за живое. Недавно она призналась, что устала от такой жизни. Сначала она пошла на улицу, чтобы заработать деньги и оплатить долги, потом это стало образом жизни. И наконец, она оказалась в ловушке — уже не могла заниматься ничем другим. К тому же сутенер забирал у нее большую часть выручки.

— А как же Спэн? — спросила Рита.

Дэнни знал ее сутенера — тот не входил ни в какую банду, работал в одиночку. Дэнни полагал, что справится с ним легко.

— Предоставь это мне. Я ему только скажу, что теперь ты со мной, и он сразу отстанет. Он просто в штаны наложит от страха. Он только над девчонками куражится, а я с ним живо разберусь.

— Крутой парень, — улыбнулась Рита.

— Конечно. — На лице Дэнни заиграла ответная улыбка.

Итак, решение было принято — Рита переедет к нему. Теперь идея казалась им превосходной — ведь им обоим будет лучше.

— Не довести ли нам до логического конца наше объединение? — спросил Дэнни.

— О чем ты?

— Знаешь о чем.

— Неужели после такой ночи ты на что-то способен?

В тот день Дэнни нарядился в темный костюм, одноцветный галстук и полосатую рубашку. Он надел почти такие же черные туфли, какие носил еще его отец. Когда Дэнни приглашал даму на ленч, он одевался официально — в этом он был консерватором. У него было свидание с Ванессой. Дейва не позвали, так как они собирались говорить именно о нем. У каждого были на то свои причины.

Дейв всю смену удивлялся щеголеватому наряду своего напарника, но Дэнни объяснил, что пригласил на ленч свою тетушку и хочет выглядеть прилично. Дейв сказал, что хотел бы встретиться с ним попозже в баре.

Дэнни пошел в маленькое бистро, открытое Фокси после ухода из полиции. Некоторые полицейские водили сюда своих жен или подружек, но бара здесь не было, поэтому страждущие полицейские не жаловали бистро. Таково было намерение Фокси. В отличие от многих других, сняв полицейскую форму, он не искал общения со старыми друзьями. Расставшись с пистолетом, он превратился в обычного гражданина с правом на защиту людьми в синей форме, но вовсе не был обязан поддерживать с ними приятельские отношения.

Кое-кого из своих старых приятелей он встречал с удовольствием, но не тех, с кем прежде напивался в баре Стоуки. Они бросались бы ему на грудь в два часа ночи, вспоминая старые времена и выпрашивая бесплатную выпивку, от-

пускали бы шуточки в адрес его жены на том универсальном языке пьяниц, который неизменен в его так называемом чувстве юмора, вызывающем такую же реакцию, как размокший окурок в писсуаре.

Из алкогольных напитков Фокси подавал только вино. Сменившиеся с дежурства полицейские предпочитали другие напитки.

Быстро называлось «Клементина» в честь его жены, и, похоже, их крабы из Мэриленда, рост-бифы с кровью и суп из устриц пользовались успехом. Фокси готовил, а Клементина и еще одна женщина работали в зале. Меню было написано мелом на черной доске. Зал украшали цветы и свечи в винных бутылках. Французский хлеб в корзинках был бесплатным, а клетчатые скатерти всегда были усеяны крошками, как будто здесь собирались подкармливать птиц. Как в тысячах других быстро, все это создавало непринужденную атмосферу, которая, по мнению Клементины, и нужна была публике.

Дэнни пришел сюда точно в час, через несколько минут появилась Ванесса.

— Привет, Дэнни, как поживаешь?

В свободном черном платье она казалась более яркой блондинкой, чем обычно. Кружевные перчатки и чулки тоже были черными, а глаза сильно крашены.

— У тебя траурный день? — усаживаясь, пошутил Дэнни.

Ванесса осмотрела свое платье, и уголки ее рта обиженно опустились. Дэнни тотчас пожалел о своих словах. Типичная ситуация в его общении

с женщинами. Всегда он говорил что-нибудь несуразное в самое неподходящее время. Дэнни попытался исправить положение.

— Я пошутил, ты выглядишь великолепно.

— Нет, я выгляжу неважно, но лучше чем иногда бывает, — ответила она. — В этом мне помогает Дейв. Он мне нравится, и я не нуждаюсь в твоём одобрении.

Дэнни не понял, что она имеет в виду: то, как она одета, или ее отношения с Дейвом.

— Послушай, Ванесса, я не хочу с тобой ссориться. Не скажу, что мне все безразлично, наверно оттого, что я завидую Дейву. Все-таки я первый тебя встретил. Я знаю, что это не имеет сейчас значения. Мы не на сезонной распродаже. Просто я не могу сдерживать свои чувства. Мне больно. Я предложил тебе свою дружбу, думал, что за этим последует нечто большее, и вот я слышу, что ты прыгнула в постель к моему товарищу.

— Это было не так.

— Судя по тому, как мне рассказали, это было именно так. Нельзя же все валить на спиртное, хотя оно тоже сыграло свою роль. Но ты зря думаешь, что я буду только улыбаться и уверять, что все в порядке.

Дэнни разломил булочку, и на белую скатерть посыпались крошки. Масло только что вынули из морозилки, и оно было твердым как камень. Он попытался намазать его на хлеб — из этого ничего не получилось. Тогда он решил резать по кусочку величиной с ноготь и поочередно класть их на хлеб.

— Итак, — сказала Ванесса, — что ты собираешься предпринять?

Дэнни пожал плечами.

— Ничего. Я лишь хотел, чтобы мы встретились и выяснили наши отношения. Дело в том, что я теперь живу с девушкой; ее зовут Рита.

— С девушкой, которую зовут Рита? Она что, несовершеннолетняя? Если это так, я тебе яйца разможжу.

Дэнни обиделся.

— Пожалуйста, не употребляй здесь таких выражений. Это приличный ресторан. Нет, она совершеннолетняя. В сущности, это не твое дело. Я только хотел сказать тебе, что мое сердце отнюдь не разбито. И если я хочу называть ее девушкой, а она меня парнем, то мы, черт возьми, будем делать это, не спрашивая ни у кого разрешения. Следи лучше за собой, а Рита сама может о себе позаботиться.

— Так ли?

— Ты что, хочешь опекать ее, как ребенка?

— Нет, не хочу, но это неважно. Расскажи мне лучше о Дейве. Он любил жену и ребенка?

Дэнни кивнул.

— Очень сильно любил. Жил ради них. Когда они погибли, он совсем голову потерял. Будь с ним потактичней, он очень ранимый человек. Снаружи крепкий, как панцирный краб, а внутри очень деликатный, мягкий и сентиментальный.

— Я не хочу ранить его. Во всяком случае, он меня не любит. Я ему нравлюсь, ему приятно быть со мной, но в нем нет страсти.

— Возможно, это защитная реакция. Второй

такой утраты он не перенес бы. Расскажи мне, как он себя ведет, когда вы остаетесь одни. Не смотри на меня так, я говорю не о сексе. Я хочу знать, спокоен ли он, не терзается ли, не... не плачет ли во сне? Он скорее откроется перед женщиной, с которой спит, а не перед мужчиной — неважно, что тот его лучший друг.

Принесли суп, и Ванесса принялась за еду. Дэнни сначала вытер свою ложку салфеткой, чем вызвал раздражение Клементины.

— Он не плачет во сне, он плачет у меня на плече, — ответила она, — и это вполне нормально. Его может расстроить музыка, эпизод из фильма или просто мимолетное воспоминание. Но это не значит, что он неуравновешен.

Она поднесла ложку ко рту, но Дэнни схватил ее за запястье.

— Что это?

Сжав губы, она попыталась вырваться.

— Шрам. Обожглась когда-то окурком.

— Чепуха, этот след явно не старый, — сказал он, показывая пальцем. — И этот тоже. Это свежие следы.

Ванесса наконец вырвала руку.

— В чем ты меня подозреваешь? Думаешь, я его постель поджигала?

Дэнни устался на нее. Он знал ее историю и догадывался о том, что случилось. Работа детективом не прошла для него даром. Он был на улице с двенадцати лет и знал, как выглядит темная сторона жизни.

— Ты прижигаешь себя, — сказал Дэнни, как бы констатируя факт.

— Да.

— Когда?

— Я не думаю... — Ванесса пыталась держаться вызывающе, но он осадил ее.

— Когда?

Ванесса склонилась над столом и, казалось, внутренне сломалась.

— После того как мы занимаемся любовью. Так обычно делал мой отец. Он наказывал меня таким образом после того, как занимался со мной сексом. Теперь я делаю это сама. Я не знаю почему.

Дэнни поморщился.

— Ты наказываешь себя за распущенность?

— Думаю, что да. Самое забавное: мне это необходимо, чтобы очистить душу.

— В этом нет необходимости, Ванесса. Ты не совершаешь ничего дурного.

Она взглянула на Дэнни и улыбнулась.

— И это говорит человек, который каждый раз после секса идет исповедоваться.

Дэнни старался говорить спокойно. .

— Это совсем другое дело. По крайней мере я себя не калечу. Если тебе действительно плохо, почему бы не пойти на исповедь вместе со мной?

— Для священника это был бы незабываемый день. Высыпавшая наши скабрёзности, бедняга метался бы от кабинки к кабинке и пытался бы скрыть возбуждение.

Шокированный Дэнни чуть не подавился супом.

— Нельзя так говорить о священниках.

— Не будь наивным, Дэнни, они ведь тоже мужчины, не так ли? Тем не менее я постараюсь

с этим покончить — ненавижу находиться в зависимости от чего бы то ни было. Но это будет непросто. Я не всегда могу контролировать свои действия. Пожалуйста, не говори ничего Дейву.

Дэнни подумал, что про подоженную кровать Дейв уже знает, а то, что она мазохистка, со временем сам обнаружит. Но Дейв точно не потерпит, если он начнет вмешиваться в его дела. И Дэнни решил ничего не говорить.

— Мой рот на замке.

Ванесса улыбнулась.

— Спасибо, Дэнни.

Они еще поговорили о Дейве, о себе и создавшемся положении и в конце концов пришли к выводу, что все сложилось как нельзя лучше. Суповые тарелки были убраны, и на столе появились вторые блюда. Дэнни занялся телятиной, не задумываясь о молочных телятах, из мяса которых было приготовлено его блюдо. Он не любил глубоко проникать в суть вещей. Ванесса ела форель, гадая, сколько времени прошло с тех пор, как эта рыба резвилась в чистых струях канадского ручья. Она была из тех женщин, которые всегда любят заглянуть за сцену.

— Ты католичка? — спросил Дэнни.

— Бывшая.

— Чур меня, адский пламень, — машинально пробормотал он и сразу же пожалел об этом. Снова, в который раз, он допустил оплошность и пытался исправить ситуацию. Дэнни был рад, когда пришло время попросить счет.

Они уже уходили, когда из кухни вышел Фокси и стал выговаривать Дэнни за то, что тот не зашел

к нему. Дэнни сказал, что думал, будто Фокси не нравится, когда полицейские посещают его заведение, на что Фокси возразил, что некоторых он всегда рад видеть, если, конечно, они называют его Рэем. Фокси повел их к Клементине, но та была очень занята и только бросила через плечо: «Заходите почаще, всегда рада вас видеть».

Фокси заставил их выпить с ним бренди, и они разошлись только через полчаса. Разговор с Фокси привел Дэнни в хорошее расположение духа. Совсем не важно, что некоторые полицейские, как Фокси, ненавидят свою профессию: оставив службу, они по ней скучают.

Люди, думал Дэнни, — самые противоречивые создания на Земле. Ты даешь им одно, а они хотят другого. Приезжают в Огайо и сразу же начинают думать о Калифорнии. Перебираются, наконец, в Калифорнию и постоянно вспоминают Огайо. Вы принимаете их в клуб, а они хотят попасть в другой. Когда вы их исключаете, они только и помышляют, как бы вернуться. Дэнни вспомнил слова знаменитого альпиниста: «Когда я, холодный и голодный, взбираюсь на гору, мне хочется быть дома с женой, рядом с пылающим камином. Когда же я дома, то тоскую по горам...»

Рост Спэна был шесть футов и два дюйма. Великолепное, развитое за годы тренировок туловище и неказистые тощие ноги со стопами, размеру которых позавидовали бы многие женщины. Беда в том, что упражнения для ног он находил слишком скучными и все внимание концентрировал на развитии рук и торса, и потому

стал похож на восклицательный знак. Когда его фотографировали, он требовал, чтобы ног не было видно.

Он пас семь девушек, одной из которых была Рита. Опекая их, он оставлял им не больше десяти процентов выручки. Следил за тем, чтобы к ним не приставали всякие уроды и извращенцы, хулиганы и бандиты. Он платил полицейским, патрулировавшим его участок, и много лет был осведомителем у лейтенанта, в свою очередь спасавшего его от внезапных облав. К тому же Спэну приходилось отстегивать часть денег местной мафии, гарантируя себе таким образом личную безопасность. С честными полицейскими он не мог договориться и только жаловался им, что подвергается расовой дискриминации из-за черного цвета кожи. В действительности африканских корней у него не было. Родители Спэна приехали с острова Святого Маврикия, но благодаря годам, проведенным под кварцевой лампой, он вполне сходил за черного. На вопрос о странном оттенке кожи он отвечал, что кто-то из его предков был белым.

Как и все сутенеры, Спэн больше всего заботился о своей репутации. Он изучал походку, одежду и манеры своих коллег с основательностью, которая, занимаясь он наукой, принесла бы ему славу. Все, что грозило испортить его репутацию, вызывало у него страх и ненависть.

Известие о том, что одна из девушек собирается оставить его, чтобы жить с полицейским, привело его в ярость. Он отдавал этим девкам лучшие годы жизни не затем, чтобы они уходили от него.

Спэн пытался подольститься к Рите, убеждал ее и, наконец, пообещал вырезать на ее лице свое имя. Это, казалось, подействовало.

Вечером он, как обычно, пришел в спортзал и с мрачным видом стал ворочать тяжести. Выше пояса он выглядел как Арнольд Шварценеггер, а ниже — как Стэн Лорел, что не мешало ему пользоваться уважением среди себе подобных — он считался человеком, с которым можно иметь дело. Чтобы поддержать свою репутацию среди мелких торговцев наркотиками, сутенеров, мошенников и прочих подонков, Спэн был готов страдать, даже умереть. Его репутация вместе с привычкой широко тратить деньги составляла смысл его жизни.

Закончив тренировку, Спэн принял душ и зашел в свой любимый туалет. Он мирно сидел, напевая песенки из мюзикла «Целуй меня, Кэт», когда от сильного удара дверь в кабинку слетела с петель.

— Какого черта?.. — заорал Спэн и потянулся рукой вниз, где в кармане спущенных штанов лежал нож.

— Не двигайся, Спэн.

Полицейский (Спэн узнал его, это был Брат Тук) стоял перед ним с пистолетом в одной руке и фотоаппаратом в другой.

— Застрелить меня собрался? — вскинулся Спэн.

— Нет, если будешь делать все, что я тебе скажу. Медленно подними руку и спусти воду.

Туалет был почти музейным экспонатом: с бачком, подвешенным над головой, и свисающей

цепочкой. Спэн попробовал встать, но Брат Тук махнул рукой.

— Сидя.

— Что, черт возьми, это значит?

— Делай, что говорят, иначе я пристрелю тебя и со спущенными штанами и грязной задницей выволоку в зал.

— Ты этого не сделаешь!

— А ты попробуй.

Спэн уставился на дуло пистолета — маленькую черную дырку, торчащую, казалось, в самом центре Вселенной. Он ненавидел этого полицейского, но умереть с голой задницей не хотел. С этими неподкупными полицейскими невозможно договориться, они сразу психуют и надевают на тебя наручники. Он поднял руку и взялся за цепочку.

— Тяни, — приказал Брат Тук.

— Слушай, если там бомба, мы оба взлетим на воздух...

— Делай, что тебе говорят.

Спэн вздохнул и дернул за цепочку. Раздался скрежет, проржавевшая опора сломалась, и тяжелый металлический бачок пошел вниз. Спэн с визгом бросился вперед, успев уклониться от бачка, который обрушился на фаянсовый унитаз. Падая, он успел заметить вспышки.

Когда пыль немного осела, он поднял глаза.

— Ты, ублюдок... — начала было Спэн, но Брат Тук ударом ноги заставил его замолчать.

— Слушай ты, урод, — сказал лысый полицейский, — я сфотографировал тебя, со штанами вокруг ножек-палочек, как ты позорно спасаешься

от падающего бачка. Когда я проявлю пленку, получится на удивление благородный портрет. Я напечатаю его в натуральную величину и оклею все стены в окрестности. Твоя репутация превратится в дерьмо, если только...

Спэн вздохнул.

— Если только я не отстану от Риты.

— Умный мальчик. Ну что, договорились?

— Я так понял, что у меня нет выбора.

— Я знал, что ты пойдешь мне навстречу. Я так и сказал моему напарнику Дейву: «Спэн — разумный человек. Он проявит понимание, когда я разъясню ему все преимущества нашей сделки».

— Забавные вы ребята.

— Вовсе нет. Просто у нас своя дорога. Я имею в виду, что мы — честные люди, а ты — подонок, так что в конечном счете мы всегда одерживаем верх. Но не переживай. И не надейся, что я за тебя заступлюсь, когда мафия до тебя доберется, а когда-нибудь это непременно произойдет.

— Буду помнить, что ты не на моей стороне.

— Хорошо. Не принимай это близко к сердцу, Спэн. Довольствуйся тем, что у тебя осталось.

Глава 13

Дейв и Дэнни ехали по одной из улиц в деловой части города. Каждый размышлял о своем. Вел машину Дэнни, а Дейв смотрел в окно на обгорелые остовы зданий, встречавшиеся здесь почти на каждом шагу. Кое-где печальные пепелища уже зарастали сорной травой. Обугленные балки и искореженное железо свидетельствовали о силе пожаров. Как сверхновые звезды, здания вспыхнули на мгновение и погасли.

Хотя они арестовали черт знает сколько поджигателей, получалось, что Рис был прав, каждый день требуя найти того, кто владел секретом белого огня. Он явно был лидером всех других поджигателей, примером для подражания.

Внезапно Дейв будто проснулся, оглянулся на людей на тротуаре и возбужденно крикнул:

— Дэнни, к тротуару!

Дэнни резко взял вправо, царапнул бордюр колпаком колеса, остановился и, оглядываясь через плечо, старался понять, что так взбудоражило Дейва.

— Что? Ограбление? — спросил он напарника.

— Нет, черт возьми, — прошипел Дейв. — Это он.

— Он?

— Поджигатель, создающий белый огонь. Он там, — показал Дейв, — шагает по тротуару как ни в чем не бывало.

— Тот красавчик?

— Тот самый сукин сын. Не оборачивайся, он

глядит в нашу сторону. Когда пройдет мимо, поедем за ним.

— Хочешь его взять?

— У нас нет улик. Надо бы посмотреть, где он живет, и послать туда экспертов... Черт, я бы разделался с ним прямо сейчас. — Дейв потянулся за пистолетом.

— Дейв! — предостерегающе крикнул Дэнни.

— Ладно, ладно. Смотри, он поворачивает за угол.

Детективы выскочили из машины как раз в тот момент, когда к ним подходил служащий дорожной полиции. Они показали свои полицейские значки, тот кивнул и отвернулся. Они добежали до угла и пристроились за подозреваемым. На улице, где все здания давно нужно было снести, парень вошел в обшарпанный ресторан. Дейв знал, что этого делать нельзя, но все же решил последовать за ним. Дэнни, охотно доверявший своему партнеру во всем, кроме того, что касалось его женщин, пошел за Дейвом.

Кроме красавчика и полицейских в углу зала пристроился только один посетитель — седобородый негр. Красавчик сидел в центре комнаты, лицом к стойке, за которой находилась кухня. Старый повар с развитыми, как у теннисиста, татуированными предплечьями и брюхом, наминавшим сумку кенгуру, подал ему кофе. Он выглядел как моряк, осевший на берегу.

— Два кофе, — произнес Дэнни. — Черных.

Старик критически оглядел вошедших слезящимися глазами.

— Это значит без молока, — уточнил Дейв. — Два.

Красавчик медленно помешивал кофе. Он даже не повернулся на звук голосов. Дейв принялся Пахло тем же одеколоном, что тогда на пожаре. Запах миндаля. Сердце его заколотилось. Это несомненно тот человек. Не сказав ни слова Дэнни, Дейв встал и подошел к столу, за которым сидел молодой человек.

— Привет, — сказал Дейв, не сводя взгляда с красавчика.

Тот кротно посмотрел на него ярко-голубыми глазами, ясными, как у ребенка. Несмотря на клокотавшую в груди ярость, Дейв похолодел. Эти глаза излучали какую-то бесчеловечную гипнотическую силу, а скорее нечеловеческую. Почему-то Дейв почувствовал себя маленькой беззащитной улиткой, которая вот-вот попадет под гигантский башмак. А ведь сидящий перед ним человек был изящен и хрупок — Дейв горой возвышался над ним.

— Не согласитесь ли побеседовать со мной? — обратился он к парню.

Не утерпев, Дэнни подошел и сел рядом. Дейв заметил, как стало не по себе его напарнику под пристальным взглядом кротких голубых глаз и как напряглось его тело.

— Вы вместе? — спросил красавчик.

Повар поставил перед ними кофе и произнес:

— Полицейские. У них на рожах написано.

— Отстань, — мгновенно отреагировал Дэнни, наконец-то встретив человека, с которым все было

просто и понятно, и, откинувшись на стуле, продолжил: — Убирайся на кухню, дурак.

— Это мое заведение, и здесь я говорю что хочу.

— Только не мне. Еще что-нибудь ляпнешь, и мы будем приезжать к тебе каждый день, пересчитывать твоих тараканов.

— Остроумный, пес, — пробормотал повар, вытирая руки о грязный передник и ретируясь.

— Итак, — обратился Дейв к молодому человеку, — у вас есть имя?

— У меня нет времени на глупые игры.

Его самоуверенность начинала раздражать.

— Зато полно времени, чтобы устраивать пожары? — взвился Дейв. Чего ему действительно хотелось, так это взять парня за шкуру и ткнуть мордой в грязный стол, но что-то подсказывало, что сделать это будет совсем не просто.

Улыбаясь и копируя позу Дэнни, парень откинулся на спинку стула. Его красивое, без единого изъяна лицо приводило в бешенство Дейва. Оно совершенно не вязалось с его гнусной душой, а Дейв был уверен, что душа у красавчика гнусная. Именно этот мерзавец убил его жену и ребенка, Дейв чувствовал это сердцем. Ему очень хотелось закатить в это лицо полную обойму из своего пистолета. Он все отдал бы за то, чтобы стереть эту проклятую улыбку и увидеть плоть и кости, изуродованные пулями. Чтобы не выхватить пистолет, ему пришлось напрячь все свои душевные силы.

— Как же все-таки вас зовут? — ровным голосом произнес Дейв.

— Если вам это необходимо, зовите меня Жофиэль.

— Жофиэль. Довольно милое имя. Итальянец? — Дэнни покачивался на стуле.

Жофиэль только вздохнул.

Дейв внимательно следил за ним, не решаясь, какую тактику выбрать. Либо парень уверен в том, что против него нет улик, и тогда к нему нужен один подход, либо догадывается, что его «вычислили», но не подает виду, и тогда с ним надо обращаться иначе. Жофиэль, если его действительно так зовут, ведет себя как человек, уверенный в своих силах. Казалось, он даже слишком спокоен, слишком хорошо владеет собой. Ситуация усложнялась.

— Ладно, Жофиэль, куда же мы отсюда пойдём?

— Это вы должны мне сказать, сержант Питерс. Кто мне навязал свое общество?

— Черт возьми, откуда вы узнали мое имя? — Дейв был застигнут врасплох.

— Вы такой... прозрачный, — улыбнулся Жофиэль. — Но не только. Вам не хватает знаний, вы ужасно невежественны. Вы считаете, что я убил вашу жену и сына Джейми. Возможно, вы и правы. Они мертвы, сержант. Они далеко отсюда. Забудьте о них.

Дейв потянулся за пистолетом, но Дэнни схватил его за руку.

— Брось, Дейв. Этот шутник от нас не уйдет. Откуда вы это узнали?

Дэнни все еще держал своего друга за руку, хотя чувствовал, что его хватка ослабла.

— Кто вы такой? Террорист?

— Вы ничего мне не сделаете. Никто на Земле не сможет меня пальцем тронуть. Я явился из мира, который за пределами вашего понимания. Я волей Господней послан сюда истреблять его врагов. — Он посмотрел в сторону подсобного помещения. — Один из них здесь. Притаился в кладовке за кухней. Дрожит от страха. Он знает, что я пришел, и знает, что я вижу его. Он в ловушке и ждет своей гибели.

— Что этот человек вам сделал? — спросил Дэнни.

— Человек? Он не человек. У него человеческое тело, подобное моему, но не дух. Вы назвали бы его демоном.

Дэнни покачал головой. Бред безумца вызывал у него отвращение.

— Охотник за демонами. Вы случайно не из библейских мест? Что-то у вас не слышно южного акцента.

— Вы словно маленькие дети, создающие в своих головах образы, которые ничего общего не имеют с реальностью. Образы крылатых созданий с молитвенно сложенными руками и нимбами над головой. Образы рыжебородых тварей с хвостами, рогами и копытами.

Кровь отхлынула от лица Дейва, но он не хотел перебивать говорящего. Он страстно желал разобратся, что же в собеседнике его так пугает.

— Если парни, которых вы преследуете, демоны, то кто же тогда вы?

— Я из тех, кого вы называете ангелами. Но это слово из вашего лексикона, мы зовем себя по-другому.

— А как же с «не убий»? — торжествующе спросил Дэнни.

В пронзительном взгляде голубых глаз вспыхнуло нетерпение.

— Вы приравниваете меня к смертным. Но заповедь «не убий», как вы, вероятно, знаете, относится к людям, а не к нам. Десять заповедей были даны вам. Вы попусту тратите время — свое и мое. Я здесь, чтобы охотиться, и если при этом умирают люди, меня это не волнует, — они все равно умрут когда-нибудь. Смерть — их естественный конец, — мягко поучал ангел. — Смерть, принятая от моих рук, не является несчастьем. У нас особая мораль, она отличается от вашей. Мы выше мирских желаний и освобождены от смертных грехов. Иначе говоря, мы божественны.

— Ну что ж, — подытожил Дейв, с трудом сдерживая гнев. — Мы достаточно наслушались этой чепухи.

Жофизль быстро встал и оказался у двери прежде, чем детективы успели вскочить на ноги. Он остановился, пристально посмотрел в глубь ресторана и произнес:

— Я думаю, вы назовете это «священным огнем».

Тотчас же послышался приглушенный треск, сопровождавший воспламенение горючих материалов, потом вспыхнуло пламя. Послышался одинокий жалобный крик, похожий на предсмертный писк кошки, и через щели в деревянной перегородке прорвалось белое пламя, которое почти мгновенно пожрало тонкую дверь в кладовку, перегородку и перекинулось на стойку бара. Дейв

уже мчался к выходу, чувствуя, как начинают дымиться волосы на затылке. Дэнни бежал за ним. Навстречу им дул сильный ветер — это воздух хлынул в ресторан, в котором уже выгорел весь кислород. Наконец, им удалось выбраться на улицу. Из ресторана доносились резкие хлопки: это на пластиковом покрытии стойки появлялись, росли и лопались пузыри.

Детективы сидели спиной к кухне, поэтому вспышка их не ослепила, но мощный тепловой удар отнял у них почти все силы. У Дэнни на спине тлела куртка. Он сорвал ее и начал бить себя по брюкам. Его шея была опалена сзади.

Из ресторана неслись вопли гибнущих людей. Дейв оглянулся и увидел повара. На том горели одежда, кожа и волосы, он тщетно пытался перелезть через оплавившуюся стойку. Рядом с ним стояла кастрюля с маслом, из которой вырывались огненные струи, словно лава из маленького вулкана. Объятый пламенем старик-негр, упав на стол, корчился в конвульсиях. Из ресторана шел тошнотворный запах горящей плоти.

Дейв хотел было вернуться в ресторан, но в этот момент вспыхнули запасы кулинарных жиров, и их горящие капли разлетались по комнате, как напалм. Тотчас вспыхнули пропитанные застарелым жиром обои. Пластиковая обивка столов отслаивалась, вспучивалась и воспламенялась. Алюминий начал плавиться и ручейками стекать на стойку. Дейв был вынужден отступить на улицу. Минутой позже взорвалась витрина, осыпав собравшуюся толпу

осколками стекла. Люди закричали и бросились наутек.

Ядовитый дым горящих синтетических материалов повалил из пылающего ресторана. Он разъедал глаза и нос — в толпе кашляли, а тех, кто стоял ближе к огню, вырвало.

Потом стали загораться соседние магазинчики. Кирпич крошился и рассыпался в порошок, а когда огню удалось протянуть свои алчущие пальцы сквозь потолок ресторана, дерево и пластмасса вспыхнули еще ярче.

Дейв потащил друга прочь от гигантского костра. Они забежали в подъезд какого-то дома. Клубы плотного черного дыма потянулись вверх по стенам соседних небоскребов, к их окнам прильнули служащие контор.

Внутри ресторана слышались взрывы: это вскипали жидкости в банках, превращая их в маленькие бомбы. Треск лопающихся бутылок был похож на пистолетные выстрелы. Тлеющие частицы сажи наполнили воздух, рядом с рестораном стала плавиться электропроводка. На середине улицы из-под земли, словно язык дракона, вырывалось бледно-голубое пламя — это загорелся газ, вырывавшийся из расплавленного газопровода.

В воздухе завывали сирены.

Еще один взрыв осыпал улицу дождем осколков. Повернувшись, Дейв увидел в переулке напротив человека. Это был Жофиэль, тот самый, который устроил весь этот ад и теперь наблюдал с безопасного расстояния.

Дейв выхватил пистолет, оставил Дэнни и побежал через улицу, чуть не попав под пожарную

машину. Жофиэль быстро шагал по темному переулку, приближаясь к освещенной улице. Дейв опустился на колени и прицелился. Из разделяло примерно тридцать метров. Дейв знал, что его выгонят с работы за стрельбу в безоружного человека, но не мог удержаться — огонь мщения горел у него в груди. Этот поденок уничтожил его семью, ради его смерти можно перенести любое наказание.

Последний шанс.

— Стой, гад!

Жофиэль повернулся и беззлобно улыбнулся.

Гнев и отчаяние душили Дейва, он не смог еще раз выкрикнуть предупреждение. Жофиэль уже поворачивал на оживленную улицу, и Дейв нажал на курок. Он всадил пять пуль ему в спину. Радость от свершившегося мщения подействовала успокаивающе, но тут же сменилась разочарованием. Он видел, как дергалась ткань куртки Жофиэля там, где ударили пули, но на него это не произвело никакого эффекта. Мертвец уходил, как будто свинцовые пули были мелкими мошками.

Он в бронежилете, подумал Дейв.

Жофиэль даже не замедлил шага. В конце переулка он повернулся и посмотрел на полицейского. В отчаянии Дейв тщательно прицелился и нажал на курок. Он попал Жофиэлю прямо в лоб. Презрительно махнув своей бледной, словно восковой, рукой, ангел удалился.

Шесть пуль, все попали в цель — и никакого результата.

Дейв опустился на колени, как будто для

молитвы. Его тошнило. Теперь он знал, что столкнулся с чем-то абсолютно ему неподвластным. Он жаждал мести, но как быть, если убийца не хочет падать и умирать?

— О Господи, Челия, — прошептал он. — Прости меня.

Глава 14

— Кто, черт возьми, поджег мой журнал? — закричал дежурный сержант Бронски.

Поджигатели, вплотную сидевшие на скамейках, одобрительно загудели. Одному из них удалось незаметно подкрасться к столу, облить журнал бензином и бросить спичку.

Полицейский громко хлопнул по столу дубинкой, грозя остудить некоторые горячие головы, а раздосадованный Бронски брызгал водой из стакана на тлеющие страницы своего бесценного фолианта. Было ясно, что теперь у его коллег день пойдет наперекосяк — когда Бронски бывал не в своей тарелке, он портил настроение и всем окружающим. Услышав шум, капитан Рис захлопнул дверь своего кабинета. Бесполезный жест. Стекланные стены кабинета пропускали любой звук. Единственное, чего добивался Рис, — это поставить на место Бронски. Сержант служил в полиции вдвое дольше, чем Рис, и не понимал, почему старший офицер не должен терпеть те же неудобства, в том числе и шум, что и он, старый заслуженный полицейский. Это было частью работы. И если вы хотите отгородиться от мирской суеты подушками, устраивайтесь менеджером в магазин мягкой мебели с выложенным толстыми коврами тихим кабинетом и говорящей шепотом секретаршей.

У стола Риса сидели Дэнни и Дейв. Плечи и руки Дэнни были обмотаны бинтами. У Дейва все еще болела обожженная шея, а обгоревшие во

время пожара в ресторане волосы были коротко острижены.

— Объясните еще раз. — Рис обогнул стол и уселся на свое место. — Объясните подробнее. Значит, вы были с этим парнем в ресторане. Вы знали, что белый огонь — его рук дело, но не могли его арестовать, потому что у вас не было улик. Потом в кладовке взрывается бомба, установленная этим парнем, и вы позволяете ему уйти.

— Нам известно, как он выглядит. Нам известно, что он сумасшедший. Мы знаем район, где он живет. Мы поймаем его.

— Вы стреляли в него? — повернулся Рис к Дейву.

— Да, сэр, сделал пару выстрелов, — соврал тот, — но там было как в аду. Я обжег руки и ничего не видел от дыма. Я был не в состоянии как следует прицелиться, и я был один. Все напрасно — оба раза я промахнулся.

— Оба раза. А мог попасть в другого человека. Вы сказали, что преступник не был вооружен?

— Мне кажется, в последний момент я увидел что-то, и поблизости никого не было, так что попасть в другого я не мог. Только я и он, на другом оконце переулка.

— Что вы видели?

— У него в руках что-то блеснуло. Капитан, я вам еще раз говорю, я наполовину ослеп от дыма. Там был крошечный ад. Случалось вам находиться в комнате, где разорвалась зажигательная бомба? Вы не смогли бы отличить свою голову от задницы. Вспышка такая, что можно остаться без глаз.

Рис немного успокоился, хотя и был раздосадован. Упущен верный шанс поймать преступника. В таких ситуациях Рис привык отыгрываться на подчиненных, чем сейчас и занимался. И полицейские, занятые бумажной работой, и оперативники всегда склонны обвинять противную сторону в отсутствии рвения и профессионализма.

— Черт возьми, Дейв, — сказал Рис, удивив подчиненного тем, что назвал его по имени. — Вы уже второй раз сталкиваетесь с ним.

— Да, сэр. Но неужели вы думаете, что я не хочу его поймать? — Дейв скрипнул зубами. — Я так хочу его схватить, что готов за это отдать полжизни.

Кашлянув, Дэнни тоже решил принять участие в разговоре.

— Возможно, это не обычный человек, капитан.

Дейв беспокоился. Он догадался, о чем собирается рассказать Дэнни, и намерение друга не приводило его в восторг. Дэнни знал о шести выстрелах. Дейв говорил ему, что все шесть пуль попали в преступника, а он даже не дрогнул. Теперь оба полицейских поняли, что столкнулись либо с сумасшедшим, потерявшим чувствительность к боли, либо вообще с чем-то выходящим за рамки обычных представлений. Возможно, первые пять пуль действительно угодили в бронежилет, но ведь последняя попала в лицо, чуть выше левого глаза, а преступник остался жив и невредим. Дэнни в тот момент уже прибежал и сам видел шестой выстрел. Дэнни чувствовал, что это существо будет являться ему в ночных кошмарах.

— Что вы имеете в виду? — спросил Рис.

— Этот парень, возможно, отличается от всех остальных.

— Вы думаете, у него связи? С кем?

— С чем, — поправил его Дэнни, вероятно, машинально.

У капитана был такой вид, как будто он вот-вот взорвется.

— О чем, черт возьми, вы говорите, Спитц? — произнес он раздельно.

— Он сказал, что его зовут Жофиэль.

— Ну и что?

Дэнни выглядел крайне растерянным, но Дейв видел, что он собрался выложить капитану все; он всегда не любил недоговаривать.

— А то, — сказал Дэнни, — что Жофиэль — это имя ангела.

Рис казался озадаченным, но Дейв чувствовал, что тот размышляет, не пропустил ли чего-нибудь. Несомненно, Рис прокручивал в голове уличный лексикон, вспоминая, что в нем обозначает слово «ангел».

— Что за ангел? — вымолвил он наконец.

— Небесный ангел, Божий посланец. Вы наверняка слышали о них, капитан.

— Этот парень сказал, что он ангел Господень? — глаза Риса вылезли из орбит.

— Это следовало из его слов. Я посмотрел в книгах, кто такой Жофиэль, когда вернулся домой. Оказывается, Жофиэль — младший архангел. Пусть Дейв говорит, что он просто сумасшедший, и, возможно, Дейв прав, но... но я почувствовал кое-что, когда он взглянул на меня.

Казалось, Дэнни вот-вот заплачет, как малень-

кий ребенок, который отчаялся убедить взрослого в том, в чем сам твердо уверен, и чувствовал, что этот взрослый сейчас безжалостно разрушит созданную им сказку.

— Посмотрите на меня, Спитц, — сказал Рис. — Посмотрите мне в глаза. Вы знаете, как меня зовут, а? Майкл. Мое имя — Майкл. Майкл Джон Рис. Вы знаете, откуда произошло это имя?

— Это один из архангелов. — Дэнни чувствовал себя несчастным.

— Правильно, — кивнул Рис, ноздри которого раздувались от злости, — один из архангелов. По-вашему, я похож на щучьего архангела? — Рис всегда произносил слово «сучий», как «щучий». Как и некоторые другие, он таким образом дурачил сам себя, полагая, что в его словаре отсутствуют грубые ругательства. — Так как же, похож? Ну ладно, катитесь отсюда. Этого парня нужно во что бы то ни стало арестовать. Я хочу, чтобы он был распят, как Христос, вам ясно?

— Мы сделаем все, что в наших силах, капитан, — поспешил заверить его Дейв.

— Этого мало. Вы должны совершить невозможное. Я хочу, чтобы его шкура висела у меня на стене. Его ищут на семи континентах. Он, как фантом, появляется то там то здесь — везде. Утром по факсу я получил словесный портрет поджигателя из Франции. Он тоже устраивал пожары с белым огнем. — Он взял бумагу и протянул ее Дейву. — Читайте.

Дейв прочитал и кивнул. Описание соответствовало внешности Жофизля.

— Это он.

— Как же ему удалось перебраться в другую часть света так быстро?

— На «Конкорде»? — предположил Дейв.

Рис кивнул.

— Ладно, мы перекроем аэропорты. Идите и притащите мне этого супермена, и чтобы на нем было побольше кровоподтеков. А вы, Спитц, становитесь религиозным фанатиком. Не хотите обратиться к нашему психоаналитику?

— Нет, капитан.

— Так идите и делайте что-нибудь.

— Есть, капитан, — быстро ответил Дейв, подталкивая напарника к двери.

Они вышли из кабинета и прошли через шумную дежурку, на ходу обменявшись взглядами.

— Какого черта ты завел этот разговор? — сердито спросил Дейв, когда они уселись в машину.

Дэнни грустно пожал плечами.

— Не знаю. Я запутался. Ты же сам сказал, что он ушел после шести прямых попаданий. Может быть, не стоит это скрывать?

— Дэнни, послушай меня. Никаких дьяволов не существует.

— Мы говорим не о дьяволах, а об ангелах. Ангелы существуют.

— Только не для меня.

— Проклятый язычник.

— Не переходи на личности.

— Ты что, всерьез относишься к этой чепухе? — спросил Дейв после некоторой паузы.

— Нет, совсем нет, но мы должны отбросить все предубеждения и не верить слепо в догмы.

— И что же мы будем делать дальше?

Дэнни откинулся на спинку сиденья, закурил и потом заговорил.

— Похоже, он лишь усилием воли вызывает пламя горячее, чем в доменной печи. Если мы не можем пристрелить его и не можем арестовать, что же тогда, черт возьми, нам делать? Как его поймать?

— Может быть, он устанавливает бомбы заранее?

— Тогда зачем он вернулся туда за мгновение до взрыва? К тому же эксперты говорят, что не нашли осколков бомбы, как и в других случаях с белым огнем. Огонь вспыхнул в теле человека, которого Жофизль называл демоном и которого хотел убить. Судя по описаниям, другие пожары начинались точно так же. Как ты это объяснишь, Дейв? Внезапное самовозгорание людей, да? Эпидемия перегрева внутренних органов? Брось, Дейв. Я хотел бы думать, что явление имеет земную причину, а не сверхъестественную, но выходит, что оно точно связано с чем-то необычным.

Он пристально смотрел на приборную панель автомобиля, будто пытаясь найти там ответы на мучающие их вопросы.

— Должно быть, на нем был бронежилет, — наконец произнес Дейв.

— Ты ведь сказал, что он даже не вздрогнул, а при попадании пули тридцать восьмого калибра в бронежилет испытываешь дьявольский удар. Я видел, как ты последний раз попал ему в голову. Его мозги должны были превратиться в кашу. Что ты на это скажешь?

— Пока ничего не скажу, — сжав руль, раздраженно проговорил Дейв. — Возможно, я схожу с ума. Смерть Челии и Джейми тяжело отразилась на мне и, возможно, задела рассудок. Откуда, черт возьми, я знаю, что происходит? Но я точно знаю, что пока никто не останавливал пулю тридцать восьмого калибра своим лбом. Значит, я промахнулся или пуля прошла сквозь щеку. Очевидно, я ошибался.

— Во всем?

— Во всем.

— Слушай, Дейв, я видел сумасшедших. Ты на них не похож, — убеждал друга Дэнни.

— Каждый сходит с ума по-своему.

— Нет, так просто тебе не отделаться. Ты знаешь, что мы столкнулись с необычным явлением. Я очень хорошо тебя понимаю. Ты просто не хочешь ломать голову над этой проблемой, а следовало бы получше в нее вникнуть. Ты должен заняться своей обычно работой — расследованием, а не отворачиваться от нее.

— Ты хочешь, чтобы я признал, что этот парень — сверхъестественное существо?

— А почему бы и нет? — Дэнни почти кричал. — Ты все на свете знаешь? Ты — ходячая энциклопедия? Эксперт по парапсихологии?

Дейв видел, что история с белым огнем странно повлияла на Дэнни. Если кто и сходил с ума, так это его напарник. Впрочем, и он сам тоже.

— Я поговорю с Ванессой. Она специалист по религиозным вопросам. Ты доволен?

— Хорошая мысль. — В голосе Дэнни слышалось облегчение оттого, что теперь проблему

можно было на какое-то время отложить, а, может быть, даже свалить на другого. — Узнай, что она думает.

Вечером Дейв позвонил Ванессе и встретился с ней в австрийском ресторане «Шуле». Позже они собирались зайти в «Клементину», но Ванесса сказала, что не хочет обедать там каждый раз, когда ей назначают свидания. И Дэнни, и Дейв уже водили ее туда. Никто из друзей Дейва не подозревал, что он — совладелец этого бистро. Дейв не считал нужным рассказывать им об этом. Фокси расстроится, если он зайдет только выпить кофе, подумал Дейв. Ну и черт с ним. Не могут же они всю жизнь провести в этом бистро.

Дейв оделся так, чтобы произвести впечатление на Ванессу. Темно-синий костюм, галстук, несколько менее яркий, чем те, что нравились Челии, и неброская рубашка. Ванесса не любила ничего кричащего, тогда как Челию приводило в восторг стеганое пончо с колокольчиками по краям. Сам же Дейв был равнодушен к нарядам. Он одевался, чтобы нравиться другим, а не себе.

На Ванессе были черное платье и нитка речного жемчуга. Ее волосы были скручены в пучок на затылке. Она выглядела просто царственной и даже довольно красивой, но строгой, как королева, собравшаяся вынести смертный приговор.

— Привет, — окликнула она Дейва, появившись почти сразу же после него. — Как дела?

— Отлично, — ответил он, пытаясь встать ей навстречу. Столы стояли слишком близко, и он

смог лишь немного приподняться. Взмахом руки она усадила его обратно.

— Спасибо, не стоит двигать мебель, чтобы поздороваться со мной, — сказала она, усаживаясь за стол. — Я оценила твои усилия. Скажи, я слышала, Дэнни живет с женщиной? С какой-то Ритой?

— Да, они давно знают друг друга.

— Старые школьные приятели?

— Да нет. — Он не видел смысла скрывать от нее правду. — Похоже, у них все в порядке. Она устроилась на работу в супермаркете. Надеюсь, втянется и не будет скучать. — Дейв помедлил. — Ты знаешь, зачем я тебя пригласил?

Уголки ее рта опустились, и Дейв понял, что совершил ошибку.

— Да, у меня есть причина, но, кроме того, я действительно рад тебя видеть. Ты выглядишь просто потрясающе. Чутьочку похожа на сестру Дракулы, но великолепно.

Это ее рассмешило.

— Хорошо, что не на его мать.

— Seriously, я ждал нашей встречи и только искал предлог, чтобы тебе позвонить. Ты должна понять, потребуется время, чтобы Челия и Джейми ушли из моего сердца. И я не хочу, чтобы это случилось слишком быстро. Я все еще люблю ее и не вижу необходимости бороться с этим чувством. Ты мне очень нравишься. Думаю, что и я тебе нравлюсь. Но я все еще живу как во сне. Иногда, глядя на часы, я ловлю себя на мысли, что хочу поскорее вернуться домой, пока Челия не уложила спать Джейми, но потом быстро

спохватываюсь. Нет, я не забываю о том, что они мертвы. Я знаю, что их нет, но от некоторых привычек очень трудно избавиться. Похоже на раздвоение личности, да?

— Точно, — улыбнулась Ванесса. — Я как-то слышала историю о фермере, который в течение восьмидесяти лет вставал в половине шестого утра. Эта привычка была настолько сильна, что, когда он умер, труп в обычное время встал, напугав до смерти половину жителей поселка. А если серьезно, я довольна, что события развиваются медленно, и даже если мы ни к чему не придем, сможем сказать, что все-таки пытались что-то сделать.

Дейв почувствовал облегчение и успокоился. Он перегнулся через стол и коснулся ее руки.

— У тебя прекрасный характер, Ванесса.

— Совсем нет. — Она взглянула на свои шрамы.

— Это не ты, а кто-то другой, но мы изгоним его из тебя.

Они заказали напитки и поболтали о разных мелочах.

— Ты ведь пригласил меня сюда не только затем, чтобы побыть в блестящем обществе? — спросила наконец Ванесса.

— В то, что я расскажу, трудно поверить. Должно быть, через пару минут ты встанешь и убежишь от меня как от сумасшедшего.

— Это зависит от нас обоих.

— Знаешь, происходит что-то невероятное. Иногда мне кажется, что я теряю рассудок.

— Хорошо, расскажи все по порядку.

— Речь пойдет о поджигателе, создающем

белый огонь. Мы столкнулись с ним вчера. Я запомнил его после пожара в доме с сомнительной репутаций — помнишь, я рассказывал тебе, как он швырнул меня через улицу. Та же внешность, тот же запах миндаля. Итак, мы с Дэнни вошли вслед за ним в ресторан на Беллам-стрит, а когда приперли его к стенке, он сказал... он сказал, что он ангел, и назвал себя чем-то вроде божественного воина. Он говорил другими словами, но сказал, что охотится за демонами, и еще нес разную чепуху. — Дейв смутился, замолчал и стал тереть салфетку.

— Ты говорил про ангела. — Ванесса посмотрела Дейву в глаза. — Продолжай, расскажи мне все, я хочу составить собственное мнение.

Дейв понял, что уже долго задерживает дыхание, и глубоко вздохнул.

— Он совершил такое, Ванесса, чего мы с Дэнни никак не можем объяснить. Он взорвал кухню такого ресторана, как этот, не пользуясь каким-либо взрывным устройством. Во-первых, у него не было времени, а во-вторых, эксперты не обнаружили никаких следов. Только он нам сказал, что сделает это, как ухнул взрыв. Погибли старый негр и хозяин ресторана. Они сгорели заживо. Мы с Дэнни выскочили, но он обгорел. Он еще в бинтах. Меня тоже слегка обожгло. Поджигатель сказал, что его зовут Жофиэль. Дэнни говорит, что это имя одного из архангелов.

— Дэнни говорит правильно, хотя по поводу имен архангелов существуют разные точки зрения.

— Я, конечно, над ним посмеялся. Но, преследуя ублюдка, я шесть раз выстрелил в него из

пистолета, а он повернулся ко мне и усмехнулся. Одна пуля попала ему в голову, но она просто прошла насквозь, не оставив следов. Попробуй-ка подставить голову мчащемуся на тебя кусочку свинца, а потом улыбнуться.

— Зачем ангел Жофиэль спустился сюда? — спросила Ванесса.

Дейв внимательно посмотрел на нее, боясь увидеть насмешку, ничего похожего не обнаружил и продолжал:

— Он сказал, что прибыл сюда за демонами, сбежавшими после какой-то битвы. Дэнни полагает, Армагеддона или какой-то еще. Я не силен в религии. Не был в церкви с детства.

— Армагеддон — последняя битва Бога с силами зла.

— Точно. Во всяком случае, эти демоны, или падшие ангелы, сбежали на Землю и пытаются здесь скрыться. Жофиэль последовал за ними, чтобы выслеживать и уничтожать священным огнем. Ему совершенно безразлично, знаем мы о нем что-нибудь или нет. Он сознался в поджоге того супермаркета, где погибли Челия и Джейми. Он знал, кто я такой, знал наши имена, мое и Дэнни. Несмотря на то что мы встретились с ним совершенно случайно, казалось, он был подготовлен к встрече. И еще, способен ли человек остановить шесть кусков свинца, даже не вздрогнув? Наконец, есть показания полицейского по прозвищу Фокси. Три месяца назад он видел, как Жофиэль устроил один из своих пожаров. В момент взрыва Жофиэль находился внутри здания, и Фокси видел, что тот вышел из здания

невредимым, в то время как все остальные сгорели заживо. Я схожу с ума, Ванесса. Мне нужна помощь.

— Переведи дух, — посоветовала Ванесса, — и успокойся. А теперь слушай. Учитывал ли ты тот факт, что не хочешь верить в сверхъестественность этого субъекта? Ведь если это так, то мщение, о котором ты страстно мечтаешь, может оказаться неосуществимым. Ты скорее признаешь себя сумасшедшим, верно? Предположим сначала, что он не тот, за кого себя выдает. Тогда он — обыкновенный человек. С другой стороны, ты совсем не похож на сумасшедшего. К тому же свидетелем происшествия был и Дэнни, который, если я правильно тебя поняла, испытывает те же трудности с оценкой ситуации.

Дейв кивнул.

— Истина может находиться где-то посередине. Жофиэль заставил тебя почувствовать себя безумцем. Возможно, он обладает необычной способностью убеждать людей в том, что слышимое и видимое ими происходят в действительности. Существуют же люди, способные манипулировать сознанием, способные так тебя загипнотизировать, что ты согласишься во все что угодно. Возможно, Жофиэль — всего лишь хороший гипнотизер.

Дейв подумал, что в ее словах есть смысл. Он вспомнил действие, которое оказали на них его странные глаза и гипнотический голос. Еще он вспомнил, как присутствовал на сеансе гипноза и как сидевшая рядом с ним молодая и застенчивая Челия внезапно вскочила на ноги и с криком «Пойдем потанцуем!» выбежала в проход вместе

с десятком других зрителей. Когда ей приказали проснуться, она ничего не могла вспомнить и все спрашивала Дейва, как оказалась в проходе.

— Возможно, ты и права, — произнес он наконец. — Дэнни сказал, что мы должны отбросить все предубеждения. Да, кажется, он именно так выразился. Как это называется? Широкое мышление?

— Я склонна согласиться с Дэнни. Отбрось все предубеждения и не принимай мое объяснение как окончательное, так как можно придумать полдесятка других, но не отрицай полностью и сверхъестественные силы. — Ее слова удивили Дейва. — Ты должен допускать все, пока не доберешься до истины. Если начнешь отбрасывать версии до того, как найдешь правильный ответ, то в конце концов окажешься в тупике.

— Мне кажется, ты знаешь о чем говоришь. Ванесса покачала головой.

— Я говорю так, потому что у меня есть подруга. Она — медиум. Она рассказывала, что некоторые ее коллеги — ясновидящие — стали ощущать вибрации психического поля, по интенсивности почти такие же, как метафизические толчки. Как и в мире материальных предметов, в мире духовных явлений должно существовать равновесие. Это равновесие недавно было нарушено каким-то космическим источником. Окружающая нас духовная среда внезапно изменилась — стала нестабильной. Об этом много писали в газетах и журналах, о теории явления рассказывали в телепередачах. Ты, наверное, ничего об этом не слышал.

Дейв кашлянул.

— Обычно я не читаю о таких вещах, они меня не интересуют.

Ванесса укоризненно покачала головой.

— Моя подруга говорит, что в духовном мире происходят какие-то грандиозные события, влияющие на мир материальный. Я понимаю, ты — полицейский и прагматик, тебе трудно переварить все это, но не будь фанатиком. Не отбрасывай идеи только потому, что они не согласуются с твоими представлениями о мире. Я, например, очень чувствительна к психическим явлениям. Мы живем с вами в одном мире, но воспринимаем вещи не так, как вы, прагматики. Ты понимаешь, о чем я говорю.

— Да, ты говоришь, что я — узколобый дурак. — Дейв откинулся на спинку стула.

— И притом очень симпатичный, — улыбнулась Ванесса.

— Сдаюсь. Это мне за шутку насчет Дракулы.

Они заказали второе и с удовольствием переключились на другие темы. После кофе разговор вернулся к ангелам.

— Я запутался, — признался Дейв. — Давай действительно смотреть на вещи без предубеждения. Предположим, что Жофиэль — ангел. В детстве я слышал, что ангелы — добрые, приносящие радость создания, а не поджигатели, убивающие людей. Разве это не зло?

— Зло бывает разным.

— Что это значит?

— Понимаешь, то, что мы с тобой называем злом, вовсе не является таковым, скажем, для

какого-нибудь потрясающего Библией алабамского расиста.

— Если я слышу, что человек совершает насилие, убийство или что-то в этом роде, то по мне он — злодей. Гитлер был злодеем. Пол Пот — тоже. Этот Жофиэль — злодей, потому что убивает невинных людей.

— Видишь ли, для тебя зло означает злодеяние, тогда как для других зло — это психическая энергия. Они считают, что есть люди, которые находятся под влиянием злых духов. Они могут ничего не совершать, но их будут считать носителями зла, потому что они отвергают Бога, богохульствуют или просто внешне кажутся воплощением зла. Именно это витающее в воздухе зло вторгается в человеческие тела и заставляет людей совершать преступления. Вот что они называют ЗЛОМ. То, что невидимо, но всегда готово нанести удар.

Дейв фыркнул. Он ненавидел эти надуманные теории, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, но которые подпитывают фанатизм фундаменталистских священников и обеспечивают им власть над паствой.

— Еще Жофиэль сказал, что десять заповедей не относятся к ангелам, а предназначены только для людей, что, преследуя демонов, ангелы могут убить столько людей, сколько им вздумается, а Бог погладит их по головке и скажет, что они хорошо справляются со своими обязанностями.

Принесли счет, Дейв расплатился и неожиданно для самого себя спросил, не проведет ли Ванесса ночь у него.

Та чуть заметно улыбнулась и ответила «да».

В постели Дейв снова заговорил об ангелах. Он стремился выведать у Ванессы как можно больше сведений, почерпнутых из множества источников, из которых Библия была самым скромным. Ученые, поэты и писатели как бы создали пеструю толпу мистических существ, описанных противоречиво и нечетко.

— А что ты думаешь о нашем ангеле? — спросил Дейв. — Насколько я знаю, ангелы бывают разные?

В этом вопросе Ванесса ориентировалась как рыба в воде.

— Предполагают, что существуют три триады ангелов: Высшая, Средняя и Низшая. Высшая триада состоит из серафимов, херувимов и престолов. Средняя включает ангелов власти, силы и господства. В низшей — принципалы, архангелы и просто ангелы. Все вместе они называются ангелами — родовой термин.

— Я думал, архангелы — высший ранг.

— Нет, они вторые по чину в низшей триаде, но степень власти членов этой иерархии не согласуется с их положением в ней, в том числе и для архангелов. В исламе только четыре архангела, а в христианстве семь. В любом случае в центре Вселенной стоит Бог, его свет абсолютен, а триады расположены вокруг него, ближе всех — серафимы и так далее.

Дейв подвинулся ближе.

— Серафимы и херувимы? Они ведь просто

младенцы с крылышками, по крайней мере на тех картинках, что я видел.

Ванесса улыбнулась.

— Да, они стали такими со временем, но на самом деле они замышлялись как чудовища. В некоторых источниках описывается, что у них были миллионы глаз, тысячи крыльев и страшных когтей. Херувимы охраняли Рай на востоке и владели Непобедимым Мечом. Серафимы же были наделены «Огнем Любви» — не знаю, что это такое, но думаю, что-то недоброе.

— Может, наш ангел один из них?

— Да, возможно, но огонь — принадлежность многих ангелов. Казмаль, один из духов господства, назывался «Ангел, Говорящий Огнем», но интересно, что белый огонь считается принадлежностью престолов. Ангел Смерти предположительно был одним из них.

— Ангел Смерти, — пробормотал Дейв, — первый наемный убийца.

— Не слишком ли резко сказано? В конце концов, древние египтяне угнетали целый еврейский народ.

— Я полицейский. — Он улыбнулся. — Я имею дело с законом, а не со справедливостью.

— Как правило, — усмехнулась Ванесса.

На этом они оставили вопрос об ангелах.

Когда Дейв заснул и его дыхание стало глубоким и ровным, Ванесса задумалась. Она лежала так близко к Дейву, что, казалось, могла угадывать мысли, пронесившиеся в его голове, когда он дергался и ворочался, сражаясь во сне с фантомами. Ванесса знала, что Дейв никогда не будет

принадлежать ей так же полно и безраздельно, как он принадлежал Челии. Даже если они с Дейвом останутся вместе на всю жизнь, призрак Челии всегда будет между ними. С этим надо смириться, ведь многим мужчинам и женщинам удается быть счастливыми в таких обстоятельствах, так почему бы не попробовать и ей.

Было два часа ночи, когда Манович выехал на своем «БМВ» на улицу Пратт, проходившую за рестораном «Клементина». В багажнике его модного европейского автомобиля, который он любил больше дочери и, уж конечно, больше жены, лежала канистра с бензином. Манович намеревался поджечь новое бистро. Подобно другим полицейским из их участка, он бывал здесь, надолго задерживался в ожидании момента, когда Фокси достанет свой коньяк, и основательно напивался с бывшим коллегой. Клементина при этом также присутствовала, но никогда не возражала против того, что ее муж пьет «дома». Ей не нравилось, когда он просиживал ночи напролет в других барах.

Однажды после изрядной порции спиртного Фокси признался, что у него есть компаньон, не принимающий активного участия в деле, и что зовут его Дейв Питерс. Манович сидел и слушал, как ему перечисляли все добродетели Матери Терезы, пока его чуть не вырвало от отвращения. Тогда и пришла ему в голову блестящая идея поджечь бистро. С Братом Туком он может разделаться в любое время и сделает это в ближайшие дни, но Мать Терезу он ненавидел; с этого самоуверенного болвана давно надо было

сбить спесь. Оба полицейских встретились с ним после истории с этой сукой Вангелен, но Питерс, с его нравоучительным тоном и угрозами, разыгрывал перед ним роль прямо-таки карающего ангела.

Манович выключил фары и медленно поехал вдоль края тротуара, пока не остановился в нескольких метрах от задней стены быстро. Он долго сидел в автомобиле, прислушиваясь, не остался ли кто-нибудь в здании. Не обнаружив никаких признаков жизни, он вытащил ключи из замка зажигания и только собрался открыть дверь, как на него упала чья-то тень.

— В чем дело, Манович?

Манович затравленно поднял голову и увидел Мать Терезу, который уставился на него, как ястреб на жертву. Манович быстро защелкнул замок двери и поднял стекло, оставив щель сантиметра в два.

— Чего тебе надо, Питерс?

— Выходи из машины, — ответил сыщик.

— Не выйду.

— Почему?

— Потому что останусь здесь. Чего ты, черт тебя возьми, добиваешься? Почему человек не может спокойно поехать, если у него бессонница?

Выражение лица Матери Терезы оставалось таким же беспощадным.

— Пусть ездят все, но только не ты, Манович. Выходи, я хочу кое о чем с тобой поговорить.

— О чем?

— О том, как ты обращаешься со своими подопечными.

— Это не твое дело и касается только меня и

их. Какого черта ты сюда приперся? Ты здесь не случайно.

— Конечно, нет. Я следил за тобой и буду следить, пока ты не станешь относиться к известной особе с большим уважением.

— К этой суке?

Питерс сделал резкое движение. Манович завопил и закрыл руками лицо, потому что под ударом килограммового молотка ветровое стекло вдребезги разбилось, осыпав его градом осколков. Манович почувствовал, как его схватили за волосы и протащили над рулем так, что горло повисло над зазубренным краем разбитого стекла. От ужаса он стал судорожно глотать воздух.

— Теперь слушай меня, жирная свинья, — прорычал Питерс. — Если ты еще раз посмеешь хотя бы выдохнуть ей в лицо сигарный дым, я сам оторву тебе голову.

— Моя машина, — простонал Манович.

Питерс повернул его голову лицом вверх, заглянул Мановичу в глаза, а потом сильно ударил молотком по капоту, оставив большую вмятину на блестящей поверхности.

— Ты понял меня? Это последнее предупреждение. Ты должен помогать этим людям, а не использовать их в своих целях. Они отданы под твоё покровительство. Ты когда-нибудь слышал это слово? Покровительство? Вот что, мерзавец, скоро я найду человека, который даст показания против тебя в суде, и ты сядешь за решетку. — Он больно дернул Мановича за волосы. — Слышишь? У меня мелькнула хорошая мысль пере-

резать тебе глотку об это стекло. Было бы очень похоже на дорожное происшествие.

— Не делай этого, — прохрипел Манович. Руль больно врезался ему в грудь. — Пожалуйста, не делай этого.

Страх прыгал у него в горле, как рыбацкий поплавок на тихой поверхности пруда.

— Отвечай, какого черта тебе здесь надо, у ресторана Фокси, так поздно?

Манович едва дышал от страха. Если Питерс заглянет в багажник и найдет бензин, то сразу его вычислит. Конечно, у полицейского не будет никаких доказательств, но он узнает о его намерениях. Манович понимал, что тогда Питерс не позволит ему уехать безнаказанно, а возможно, даже убьет.

Высокого худого сыщика все знали как справедливого человека, но недавно в его глазах появилось новое выражение, которое говорило, что он будет оставаться спокойным и рассудительным не при любых обстоятельствах. Возможно, существовала грань, которую он способен легко и быстро перейти. После смерти жены Питерс стал другим человеком. Говорили, он ищет крови, крови поджигателя, но способен разделаться и с другим человеком, если потеряет контроль над собой. Питерс был скрытым маньяком, который только ждал подходящего момента, чтобы проявить свои качества.

— Прощу прощения, — прокаркал Манович, — я теперь буду хорошо обращаться с ней. Обещаю.

— Я задал тебе вопрос. Что ты здесь делаешь? Ты здесь не случайно.

— Я приехал, чтобы... спросить Фокси, не хочет ли он пойти куда-нибудь выпить. У меня бессонница, раньше мы с Фокси часто заглядывали в бар Фрэнка. Я только посмотрел, не горит ли у него свет.

— Почему ты не заехал спереди?

— Я специально подъехал сзади. Фокси иногда играет в покер в задней комнате, и отсюда виден свет.

Мать Тереза смотрел ему прямо в глаза, и Манович видел, что тот постепенно успокаивается. Он решил разыграть возмущение, зная, что на детектива этот прием иногда действует.

— Слушай, ты не имеешь права так поступать со мной. Я официальное лицо. Сначала ты привязался ко мне, теперь подозреваешь в чем-то. Отпусти мои волосы.

Пальцы, сжимавшие волосы, немного ослабли.

— Обращайся с людьми по-людски, Манович. Еще одна жалоба от любого из них, и я разделаюсь с тобой так, что от тебя только мокрое место останется. Понял?

— Понял.

Питерс отпустил его, но пока Манович возился с зажиганием, молоток ритмично колотил по капоту. Наконец машина завелась, и Манович поспешил убраться. Ледяной ветер бил ему в глаза, бросал осколки стекла в лицо, заставляя щуриться. Даже погода, казалось, обернулась против него: не успел он проехать и двух кварталов, как начался сильный дождь. Струи воды стекали по его лицу, по дорогой обивке сидений.

— Я убью этого сукиного сына, — всхлипывал

Манович, всматриваясь в шрамы на его любимом «БМВ», четко выделявшиеся в свете уличных фонарей. — Я убью его.

Ветер и дождь заставляли Мановича глотать собственные угрозы.

Глава 15

Дэнни начал с того, что сегодня ему нужна не исповедь, а нечто иное.

— Что же? — осторожно спросил священник.

— Ничего страшного, — ответил Дэнни, — просто хочется поговорить. Нужно обсудить кое-что: один случай. Я не могу объяснить его и нуждаюсь в вашем совете.

Священник, отец Файфер, пригласил его в комнатку, где им никто не мог помешать.

— Что случилось? Вы попали в беду? — начал он.

Дэнни не знал, как себя вести, но в конце концов решил показать, что не придает большого значения тому, что с ним произошло.

— Нет, ничего страшного. Неужели должна произойти беда, чтобы я к вам обратился?

— Необязательно, но обычно люди приходят ко мне только в горести. Если бы они сначала советовались со мной, возможно, им удалось бы избежать многих неприятностей.

— У меня другое дело. Теперь меня беспокоит душа, а не жизнь. Я хочу вас кое о чем спросить. Отец, не сердитесь на меня за глупый вопрос, но все-таки: может ли ангел быть злодеем?

Видя, что Дэнни страдает, священник положил его перевязанную руку в свою.

— Почему вы задали такой вопрос, сын мой?

Дэнни чувствовал себя неловко, но не убирал руку.

— Есть человек, — приступил он к объяснению, — правда, он не человек, а кто-то другой,

который называет себя ангелом. Он считает себя воином Господа, посланным на Землю для уничтожения демонов, избежавших Армагеддона. Я и мой напарник пытались его арестовать, но он поджег нас обоих и убил двух других человек. Дейв, мой напарник, стрелял в него шесть раз, а он ушел как ни в чем не бывало. Я сам видел, отец. Он только улыбнулся и ушел.

— Вы думаете, он — сверхъестественное существо?

— Да... нет, не знаю. Я чувствую что-то вот здесь. — Он похлопал себя по груди. — Я боюсь. Не знаю что и думать.

Кто-то вошел в церковь, прошел к алтарю и воткнул свечу рядом с другими уже горевшими поминальными свечами. Это была пожилая женщина. Она нашла себе место и преклонила колени. Дэнни слышал, как она невнятно бормотала молитву.

Отец Файфер успокаивающе пожал руку Дэнни, но тот почувствовал только боль. Священник сказал:

— Может ли ангел, посланный Богом, прийти на Землю, чтобы уничтожать жизнь? Конечно, существуют плохие ангелы, ад полон падшими ангелами, включая Люцифера — Сатану. Но если они сойдут на Землю, то примут вид дьяволов и демонов, сын мой, а не ангелов. Должно быть, вас обманули, показали какой-то фокус. Меня призывали изгонять духов из домов, устанавливать подлинность медиумов, и всегда обнаруживался обман. Мир полон шарлатанов, мой мальчик.

Рассердившись, Дэнни убрал руку.

— Да, знаю, но существование тысячи шарлатанов не означает отсутствие подлинно мистического.

— Я только хочу сказать, что надо быть очень осторожным с подобными заявлениями. Мы читаем и верим, что посланцы Бога сходят с небес в виде ангелов, но это скорее метафора... В Библии много символических образов...

— Вы не верите в ангелов? — Глаза у Дэнни расширились.

Священник тоже стал выходить из себя — в его голосе появились визгливые нотки.

— Да, да, конечно, я верю в концепцию ангелов, но у меня есть собственное мнение по этому вопросу. Оно заключается в том, что мистические существа присутствуют только в сознании, они не могут принять материальную форму и бродить по улицам, сея смерть и разрушение.

— Вы не верите в ангелов, — резюмировал Дэнни. — Священник, которому я доверился, не верит в то, что проповедует во всеуслышание. К кому же мне идти, если я перестал вам верить?

— Я хочу помочь вам.

— Да, но сначала поверьте в то, что я говорю. Вы считаете, что я лгу?

— Нет, не лжете. — Священник покачал головой. — Но вы, должно быть, внушили себе, что с вами случилось что-то особенное. Возможно, вам нужно больше внимания, чем я могу уделить? Может быть, вам стоит поговорить с одним моим другом.

— С психоаналитиком? — язвительно улыбнулся Дэнни.

— Со знающим человеком, Дэнни, который выслушает вас и попробует разобраться в том, что вас беспокоит.

— Я знаю, что меня мучает. Я видел парня, который только рассмеялся, когда шесть кусочков свинца прошли его тело! — воскликнул Дэнни. — Вот что меня мучает. Я видел парня, который разжег огонь одним усилием воли. Вот о чем я думаю.

— Умерьте тон, — резко прервал его отец Файфер, потому что пожилая женщина прервала молитву и стала всматриваться в темноту. — Мы знаем, что мучает вас, теперь нам нужно найти причину ваших страданий.

— Господи Боже, — простонал Дэнни.

— Не поминай всуе имени Господа своего.

— Я не богохульствую, просто прошу помощи! — закричал Дэнни. — Если вы не можете мне ее дать, я найду ее у другого.

— Попросите помощи у Бога. Молитесь усерднее.

Дэнни стало ясно, что здесь он ничего не добьется. Перестав обращать внимание на отца Файфера, он опустился на колени и некоторое время стоял с закрытыми глазами, стараясь настроиться на общение с Богом, но из этого тоже ничего не получилось. Когда он открыл глаза, рядом с ним никого не было: священник ушел к алтарю.

Побыв в церкви еще минут десять, Дэнни вышел на улицу. Несмотря на сильный ливень, где-то бушевал пожар, выли сирены пожарных машин, а небо над городом освещало зарево.

Дэнни брел по лужам, его плащ быстро промок, вода проникала через куртку и рубашку. Его мысли были в беспорядке, он вновь и вновь возвращался к событиям вчерашнего дня, оценивая мельчайшие детали и стараясь понять, как Жофизель смог их одурачить. Он не мог понять. Он просто не способен был понять. Потом Дэнни вспомнил, как в детстве на его восьмилетие к ним пришел иллюзионист и показал такие удивительные фокусы, что Дэнни потом несколько дней обсуждал их с друзьями и не спал ночами, пытаясь разгадать секрет. Тогда ему тоже не удалось понять трюки.

Может быть, священник прав, и поджигатель — своего рода иллюзионист. Все видели, как эти люди висят в воздухе и их обводят обручем: невозможное совершается на ваших глазах. Но на самом деле ничего такого нет, это всего лишь трюк.

Но как же с моими ощущениями, думал Дэнни. Вот что больше всего его волновало. Он чувствовал присутствие кого-то могущественного, наделенного огромной духовной энергией. Можно с уверенностью сказать, что у него было такое ощущение. Конечно, он не расскажет Дейву о том, что его беспокоит, иначе тот станет сомневаться в надежности напарника. Ясно, что сам Дейв ничего подобного не испытывает. Что касается Дейва, то ему проще было видеть и слышать, чем чувствовать.

А может быть, его ощущения и Жофизель никак не связаны. Может, Дэнни пересекся с какой-то сверхъестественной силой, но она не имела никакого отношения к тому, что произошло в ресторане. Если так, то все было простым совпадением:

какой-то тип объявил себя небесным охотником, а в это время разум Дэнни постепенно затуманивался.

По пути домой Дэнни миновал стену, оклеенную рекламными плакатами о предстоящем поп-концерте. В соответствии с веяниями времени группа называлась «Огненный шторм». Дэнни подумал, что общество очень легко примирилось с мыслью о неизбежности пожаров. Сначала о них говорили с интересом, потом, когда число пожаров стало возрастать, — с возмущением, а еще позже — как об обычном явлении. Шаг от возмущения к примирению оказался для человечества очень коротким. Тема пожаров стала навязчивой. Если говорили, что кто-то «погорел», то это могло означать разное: от жестокого проигрыша в спорте или покере до насильственной смерти. Он погорел. И наконец, недавно придуманная фраза, вопрос к партнеру относительно того, насколько честны его деловые намерения: «Не собираешься ли ты меня поджечь?»

Человек легко приспосабливается. Сначала это было его достоинством. Но постепенно проявилась и отрицательная сторона. Когда были построены огромные города, их центры превратились в настоящие джунгли, и люди быстро привыкли к мысли, что время от времени они и их собственность неизбежно будут подвергаться нападению. Вскоре они примирились с тем, что убийство — обычное преступление и на городских улицах погибает больше людей, чем в войнах.

И вот теперь они привыкли к тому, что в их городе каждый день случается как минимум один

крупный пожар. Год назад это было немыслимо: ответственным лицам пришлось бы уйти в отставку. А сегодня известия о пожарах встречаются, пожимая плечами. Еще один? Семнадцать смертей? Что еще новенького?

Когда Дэнни вошел в квартиру, свет был выключен. Рита теперь приходила домой усталая, и если он не являлся до десяти часов, ложилась спать одна. Раньше он думал, что проститутки привыкли не спать по ночам, но с тех пор, как Рита поселилась у него, он понял, что по крайней мере одна из них — закоренелая домоседка. Ему это нравилось — он так хотел, чтобы дома царили спокойствие и уют. На улицах полно гадости и насилия, так пусть же хоть его квартира будет островком мира.

Он тихо прошел в спальню и с удовлетворением отметил, что его кровать не пуста.

— Это ты, Дэнни? — спросил сонный голос.

— Да, я.

Ему нравилось, как они говорили друг другу очевидные вещи.

Он снял ботинки, бесшумно поставил их у стула, потом разделся, лег рядом с мягким и теплым телом, обнял его и прижал к себе.

— Мне так нравится, когда ты меня обнимаешь, — прошептала она. — Как я обходилась без этого раньше?

— У меня есть кое-какие намерения, — сказал Дэнни, положив руку ей на грудь.

— Я не возражаю. — Она повернулась к нему. — Я ждала, но тебя долго не было, и я легла спать. Минут пять назад.

Он чувствовал лицом ее дыхание.

— Да, извини, я был в церкви. Хотел кое о чем спросить отца Файфера, но он, как я и ожидал, не смог мне помочь. — Он ненадолго задумался и добавил: — Это не связано с тобой. Это другое.

— Не связано, вот как, — донесся голос из темноты.

Ему захотелось заглянуть ей в глаза, и он включил лампу. Когда Дэнни обернулся, он похолодел от страха и с воплем скатился с кровати. Сердце бешено колотилось, в висках стучало. На шее у Риты была собачья шерсть, из открытой пасти с желтыми клыками свешивался длинный язык. Голова угрожающе рычала.

Собачья голова.

— Исчезни! — завопил он срывающимся от ужаса голосом.

— Что случилось? — завизжала женщина, испуганная не меньше его.

Он моргнул, и собачья голова пропала.

— Что... как ты это сделала? — крикнул он.

— Что я сделала? — истошно заорала Рита, желая понять, что с ней могло произойти.

— Я... прости меня. Мне показалось, я что-то видел.

Она оглянулась и вскрикнула: «Паук?», пытаясь найти причину собственного страха.

— Нет, нет, не паук. Мне показалось, что у тебя... было другое лицо. Теперь все в порядке. Не беспокойся и прости меня, я, кажется, просто переработал.

Однако некоторое время он все еще не мог заставить себя придвинуться ближе к ней и изредка

косился, нет ли новых изменений. Была ли это галлюцинация? В детстве его покусала немецкая овчарка, и с тех пор он боялся собак. Знакомые говорили ему, что у него развилась «фобия», и когда он посмотрел это слово в словаре, то обнаружил, что у него «безотчетная боязнь чего-либо». А он, увидев собачью пасть с угрожающим оскалом, чувствовал страх вполне осмысленно и оправданно, а вовсе не безотчетно.

Сварив кофе, он присел на край кровати и принялся утешать подругу. Рита спросила, не пошутил ли он, и ему пришлось уверять ее, что он точно что-то видел, даже если это и был лишь плод его воображения. Его нервы были напряжены, и он старался унять дрожь в руках, чтобы не вызвать у нее еще большую тревогу. Что же, черт побери, это было? Откуда взялась собачья голова? Может быть, сдали нервы? Ведь в последнее время он постоянно испытывал стресс.

Потом он почувствовал себя лучше и лег в кровать рядом с Ритой. Теперь никто из них не хотел заниматься любовью. Они заняли прежнее положение: она легла к нему спиной, а он обхватил ее рукой — две ложки, сложенные вместе.

Ночью он внезапно покрылся испариной, почувствовав волосы на своем лице, но они оказались человеческими, а не собачьими, и он опять погрузился в беспокойный сон.

Глава 16

После работы Дейв отвез Ванессу домой. По дороге он спросил, удастся ли ей держать Мановича на расстоянии. Ванесса ответила, что человек он, конечно, мерзкий, но в последнее время по крайней мере к ней не пристаёт.

— Я обязана время от времени приходить к нему. Тогда он все еще пытается меня запугать, пускает сигарный дым в лицо и использует другие детские трюки, но уже не лазит под юбку.

— Лучше бы он этого не делал, — разозлился Дейв. — Я ему ноги переломаяю.

— Мы вдвоем могли бы много чего сделать, но ты его лучше не трогай. Позволь мне самой разобраться с ним. Я знаю, как за себя постоять.

Дейв оставил неприятную тему и не стал рассказывать, как встретился с Мановичем возле ресторана Фокси. Сейчас ему больше всего хотелось заехать к Мановичу домой и опустить его отвратительную рожу в унитаз. Этот человек позорит свою профессию. Дейв поклялся, что, когда Ванесса выйдет из-под надзора, он окончательно расправится с Мановичем. Но пока, как сказала Ванесса, с ним лучше не связываться.

Когда они приехали к Ванессе домой, она приготовила напитки, и разговор был продолжен.

Ванессе хотелось больше слушать Дейва, и он предпочел рассказать ей о своем детстве, а не возвращаться к тому, что они обсуждали в ресторане. Дейв признался, что в детстве регулярно ходил в церковь.

— А я думала, ты был атеистом.

— Наверно, сейчас так оно и есть, но когда-то был верующим.

Они говорили, пока у них не стали слипаться глаза, потом отправились в спальню.

Дейв не любил засыпать обнявшись, так как ему хотелось полностью расслабиться. Но сейчас он не выпускал Ванессу — она могла выскользнуть из кровати и снова отправиться прижигать себя. Поэтому Дейв крепко обнял ее, и та нежно прижалась к нему.

Однако к утру их разделяло расстояние в полметра. Дейв проснулся первым, тихо встал и отправился в ванную, чтобы принять душ раньше, чем проснется Ванесса. Потом он приготовил кофе; он всегда любил пить что-нибудь, одеваясь. Это помогало ему подумать о предстоящем дне и спланировать его по часам.

С двумя чашками кофе Дейв вернулся в спальню. Одну чашку он поставил на столик рядом с кроватью. Ванесса еще спала, укрывшись с головой. Дейв сдернул с нее одеяло и начал было говорить:

— Просыпайся, соня, пора сказать привет...

Но так и не закончил фразу. Его горло сдавил спазм, он в ужасе отступил к окну. На кровати лежал труп, поедаемый червями. Дейв пытался восстановить дыхание, когда Ванесса села и взглянула на него тем, что осталось от ее глаз. Дейва едва не вырвало.

— Дейв, что случилось?

Кожа на ее лице была частично выедена и облеплена червями. Личинки мясных мух кишели в больших язвах на груди и с легкими шлепками

падали на постель. Когда Ванесса открыла рот, они посыпались и оттуда.

Дейв уже собрался бежать, когда наваждение исчезло. Тело, еще мгновение назад кишевшее червями, теперь стало безупречно чистым.

— Дейв, — повторила Ванесса, — ты меня напугал.

Дейву потребовалось не меньше минуты, чтобы перевести дух. Он наконец произнес:

— Мне нехорошо. Кажется, я заболел.

— Ты белый, как привидение. Почему ты так на меня смотришь? Я что-нибудь не так сделала?

— Нет, нет. Ничего. Я... смотрел не на тебя. Я смотрел... в пространство. У меня в животе были спазмы, как будто я съел какую-то гадость. Уже все прошло. Теперь все нормально.

Не желая расстраивать Ванессу, Дейв решил не говорить о том, что видел. Наверно, все это ему привиделось, ведь с ней явно ничего не произошло. От этой мысли у него закружилась голова. Что, черт побери, с ним случилось? Наверняка заболел, хотя температуры, кажется, нет.

— Не принесешь ли что-нибудь попить? — попросил он, сидя на краю кровати.

Обеспокоенная, Ванесса пошла на кухню. Ожидая новых превращений, Дейв следил за ней, однако ничего не произошло. Выпив воды, Дейв оделся, Ванесса накинула халат. Выпив еще чашку кофе, Дейв вышел из дома.

По пути он заехал за Дэнни. Тот уселся в машину серьезный и задумчивый, потом очнулся и повернулся к напарнику.

— Мать Тереза, ты плоховато выглядишь.

— Ты тоже, Брат Тук.

Изредка, особенно в плохом настроении, они позволяли себе обращаться друг к другу по прозвищам. Любой другой полицейский за это получил бы по зубам.

— Со мной произошло что-то кошмарное, — сказал Дэнни.

— Со мной тоже, — отозвался Дейв.

— Но не такое ужасное, как со мной.

— Хуже. Как тебе понравится: просыпаюсь в одной постели с женщиной, а в ней копошатся черви.

Дэнни содрогнулся.

— Ванесса? На Ванессе были черви?

— Нет, так мне показалось. Стянул с нее утром одеяло, а под ним корчится вурдалак, покрытый... червями, как в фильмах ужасов. Больше всего на свете ненавижу червей.

— Ты ненавидешь червей? — Глаза у Дэнни расширились. — У тебя к червякам неприязнь, да? Наверно, что-то случилось в детстве, было какое-то потрясение? — он вопросительно поглядел на напарника.

— Да. Нет, не потрясение, но что-то в этом роде. Просто мой старик каждое воскресенье отправлялся на рыбалку. И брал меня с собой. Любой другой ребенок пришел бы в восторг, но я ненавидел эти рыбалки. Я ненавидел их потому, что отец заставлял меня насаживать на крючок червей, этих отвратительных личинок мясных мух. Он держал их в оловянной коробке из-под табака. Бывало, откроет коробку, поднесет ее ко мне и скажет: «Возьми червячка, Дэвид, и насади на

крючок. Сегодня, мальчик, будет хороший улов, вот увидишь», а в нескольких сантиметрах от моего лица кишела эта отвратительная масса. Скажу тебе, Дэнни, я тогда в штаны наложил, но не осмелился ничего сказать отцу, иначе он, наверно, отлупил бы меня. Он говорил, что привычка подавляет боязнь и если я буду совать руку в коробку с паразитами и держать ее там, то перестану их бояться.

Дэнни слушал так напряженно, что Дейв даже испугался.

— Что такое? — спросил он.

— Мы влипли, — ответил напарник. — У тебя страх к червям, а я до смерти боюсь собак.

— И что?

— А то, что ночью я включил свет, а у Риты была собачья голова. Я обезумел от страха, завопил и напугал ее. В конце концов все свалил на усталость, сказал, что переработал. Но вот сегодня ты явился со своими червями. Это похоже на мой случай.

Они уставились в ветровое стекло.

— Жофизель, — произнес Дейв.

— Почему? Каким образом?

— Все понятно. Он пытается нас запугать. Жофизель закодировал нас, когда мы сидели и смотрели в его детские голубые глаза. Своего рода предупреждение. Отвяжитесь. Он ввел программу, и она сработала, когда мы были с нашими женщинами.

— А что, если бы с нами не было женщин?

— Я не во всем разобрался, — ответил Дейв. — Похоже, Жофизель все про нас знает, помнишь,

как он назвал меня по имени? Этот парень пытается нас запугать, чтобы мы отстали. Но он ошибается, если думает, что от нас можно так просто отделаться. Я поймаю ублюдка, чего бы это мне ни стоило.

— Не говори так, — отозвался Дэнни. — Значит, ты считаешь, что превращения людей — Риты и Ванессы — происходили лишь в нашем воображении. Он закодировал нас на будущее, когда его не будет рядом и когда мы будем меньше всего ожидать подвоха.

— Да, именно так.

— Слушай, мы ведь оба сомневаемся в сверхъестественном, верно? Ты даже больше, чем я. Мы полицейские, не так ли? И нам хочется, чтобы мир был простым и понятным. Но внутренний голос говорит нам, что на самом деле здесь не все просто и понятно.

— Да, — согласился Дейв, — бывает, я начинаю верить во всяких чертей, но потом убеждаю себя, что все это — чепуха. Я постоянно меняю свои суждения. Я снова и снова рассуждаю об этих событиях, и теперь в моей голове сплошная неразбериха.

— Верно, у меня тоже. Итак, мы должны что-то предпринять. У меня есть идея. Возможно, нам удастся заманить эту сволочь.

— Как же?

— Ангела надо искать там, где есть демоны. Получилось так, что я тебя опередил, Дейв, встретившись с двумя-тремя черными магами.

— С кем?

— С черными магами. Они попадают к нам

время от времени по обвинению в развращении малолетних или за нарушение общественного порядка. Они служат свои черные мессы в заброшенных церквях. Представляю, что ты подумал, но мы должны их использовать. Они знают, где нужно искать демонов.

— А зачем нам нужны демоны?

— Они дадут нам информацию. Дейв, мы должны узнать об ангеле все что можно, и именно демоны нам о нем расскажут. Если мы сможем поймать хотя бы одного демона, то узнаем, что за чертовщина здесь творится, — прошу прощения за каламбур. Если мы его не найдем, значит, будем блуждать в потемках.

— Так что же нам делать? Сидеть и ждать, когда один из твоих друзей, черных магов, организует деловую встречу?

— Точно, — ответил Дэнни.

Дейв уставился на напарника, пытаясь понять, насколько серьезно он относится к своему безумному плану. По глазам было видно: совершенно серьезно.

— А если у тебя ничего не получится, ты вымажешь лицо сажей и пропоешь «Оле ман ривер», стоя на одной ноге перед штаб-квартирой Национальной армии арийцев?

— Этих сукиных сынов?

— Да, это уговор. Ты должен быть вполне уверен в своем плане, ведь если мы его примем, то в случае провала мне придется разделить с тобой ответственность. А что касается тебя, то если наши национал-патриоты что-нибудь с тобой сделают, например линчуют, мы по крайней мере

сможем закрыть их лавочку. Лучшего предлога у нас не будет.

— Ты надо мной издеваешься.

— Да, я над тобой издеваюсь.

— Верь мне, Дейв, я найду выход.

— А что мы скажем Рису?

Дэнни испуганно взглянул на напарника.

— Ты серьезно?

— Капитан по воскресеньям вместе с семьей ходит в церковь, я сам видел. Как верующий человек, он заинтересуется, чем ты собираешься заниматься.

— Не смейся надо мной, Дейв, тебе это не идет. Рис ходит в церковь, чтобы произвести хорошее впечатление на начальство. Он добивается повышения.

— Мы это знаем, но знают ли демоны?

— Иди ты к черту, — хлопнув напарника по голове записной книжкой, сказал Дэнни как раз в тот момент, когда Рита выходила из подъезда. Она с удивлением посмотрела на сидевших в машине полицейских и покачала головой.

— Я всегда подозревала, что легавые — большие бездельники. Так и будете целый день здесь сидеть?

— Нет, мы сейчас едем завтракать, — ответил Дэнни и взглянул на часы. — Через час будем у Марио.

— Я так и думала.

— Рита, мы уже работаем, — запротестовал Дейв, — здесь, в машине. Это единственное спокойное место. В участке все только и держат ручки наготове, ожидая нашего прибытия. Входим, а все

кричат: «Вот здорово! Это же знаменитая пара, команда «Д и Д», вот бы заполучить у них автограф!»

Рита улыбнулась и на шаг отступила от машины.

— На самом деле они скажут: «Вот идут эти сопляки, Брат Тук и Мать Тереза. Интересно, что они натворят сегодня?»

Она повернулась и быстро пошла, помахивая сумочкой. Полицейским ничего не оставалось, как стиснуть зубы; искать остроумный ответ было уже поздно.

Глава 17

Дейв раздвинул занавески. Наступил новый день. На улице моросил холодный дождь. Капли дождя липли к оконному стеклу, как капли масла с дорожного покрытия к ветровому стеклу автомобиля. Грязные капли из пропитанных смогом облаков цеплялись за грязное стекло. Жителю деревни картина за окном показалась бы унылой, но Дейв к ней привык и удивился бы, окажись она иной.

Конечно, он не любил дождь. Осадки затрудняют работу полиции.

Раздался телефонный звонок. Это был Дэнни.

— У нас кое-что есть, Дейв.

— Что?

— Ответ от одного черного мага.

— Помнится, недавно у нас была целая дюжина ответов, но все бредовые.

— На этот раз ответ серьезный.

— Ладно, если ты так хочешь. Хорошо, буду у тебя через полчаса.

Дейв принял душ, побрился, надел рубашку с галстуком, брюки и туфли. Сам он предпочитал одеваться небрежнее, но Рис любил, когда его подчиненные выглядят прилично, даже если это мешало выполнению оперативной работы. Казалось, он скорее отпустит преступника, чем допустит к работе неопрятного полицейского. Конечно, были в участке, по выражению капитана Риса, и «бородатые извращенцы», но они выходили в ночную смену и редко попадались на глаза.

Итак, Дейв облачился в костюм. Дэнни нра-

вилась одежда, которую им предписывалось носить, а что касается его собственного вкуса, то он предпочел бы носить костюм всегда. Дэнни любил строгий стиль. Два года, проведенные в армии, как ни странно, не вызвали у него отвращения к форме, а наоборот, заставили ее полюбить. Возможно, частично из-за формы он пошел в полицию. К сожалению, здесь ему очень быстро пришлось вернуться к гражданской одежде, но строгий костюм казался ему очень близким к военной форме.

Заехав за Дэнни, Дейв уступил ему место за рулем, и машина покатила в сторону Макларен-парка. Они остановились посреди грязноватой лужайки, похожей на выгон для скота. О том, что они затеяли, не знал никто в участке. Сказать Рису о том, что они запланировали встречу с демоном, казалось им совершенно невозможным.

— Итак, рассказывай, — сказал Дейв.

— Есть человек, который зовет себя «Великим инквизитором». Он позвонил мне сегодня утром и сообщил, что назначил встречу с демоном в этом месте. Он, то есть демон, будет здесь в девять.

— Вот как, — саркастически улыбнулся Дейв. — Вы хотите встретиться с демоном, мистер Питерс, отлично, тогда к девяти часам пожалуйста в парк. Он будет сидеть на третьей скамейке от старого дуба. О да, вы его легко узнаете: у него на черепе маленькие рожки и длинный красный хвост с кисточкой на конце.

— Все не так просто, — парировал Дэнни. — Этот парень выглядит, как ты или я. Или, точнее говоря, он похож на ангела.

— А почему?

— Потому что он и есть ангел, баранья твоя башка. Только падший ангел. Ну что, встречаемся мы с ним или нет?

— У нас есть выбор? — проворчал Дейв. — Но почему в парке?

— Это я предложил. Он хотел встретиться в какой-нибудь трущобе на окраине.

— Ладно, давай подождем.

Полицейские читали газеты, когда парень уселся на условленную скамейку. Они видели, как он достал сигарету, закурил и сразу же загасил ее ботинком.

— Это сигнал, — произнес Дэнни. — Пошли.

Под моросящим дождем они пересекли лужайку и направились к парню, намереваясь сесть по обе стороны от него. Дейв понял, что ему придется переоценить многие свои принципы.

Парень вполне мог сойти за младшего брата Жофизля. Стройный и смуглый, очень красивый, он походил на молодого латиноамериканца. От подобной внешности у многих женщин начинают дрожать колени. Именно ради таких мужчин они бросают своих самоуверенных и атлетически сложенных мужей, оставляя их в полном недоумении. Сколько грации было в его движениях, когда он зажигал вторую сигарету! В иных обстоятельствах Дейв принял бы его за танцора или циркового артиста. Возможно, кто-то стал бы насмехаться над его изнеженностью, но под внешней элегантностью опытный взгляд Дейва разглядел твердость и силу.

— Итак, — сказал Дейв, усевшись рядом с

демоном. — Мы те парни, которые обратились к тебе за помощью.

— Назовите себя, — потребовал молодой человек.

— Сначала ты.

— Именно вы искали встречи со мной.

— Но и мы тебе нужны, иначе бы ты не пришел.

Будто утомившись от игры, человек вздохнул.

— Ладно, меня зовут Малох. Кое-кто меня преследует, чтобы... убить. Мне бы хотелось, чтобы его остановили. — Он стряхнул пепел с сигареты. — Честно говоря, я в отчаянии и хватаюсь за соломинку. Итак, что вы можете мне предложить?

— Мы полицейские и ищем того парня, что охотится за тобой.

Малох кивнул.

— Нам нужен этот парень, — сказал Дейв. — Нужен позарез. Может быть, нам пока нечего предложить друг другу, но мы могли бы объединить наши усилия. Так вот, этот поджигатель, который называет себя Жофиэлем, утверждает, что он — своего рода чудо природы, — осторожно намекнул Дейв.

Малох улыбнулся и сделал затяжку.

— Вы хотите сказать, что он называет себя ангелом?

— Да, — ответил Дейв. — Именно так.

— Хорошо. Сейчас я вам все объясню.

— Да? — выжидательно произнес Дейв.

— Он совершенно прав. Там, откуда я явился, не употребляют слово «ангел», но поскольку сейчас мы на Земле, то вынуждены пользоваться вашими

словами. Вы могли бы называть меня... — он ненадолго задумался, — демоном. Мне это слово нравится. Оно достаточно выразительно. Я не люблю выражения «падший ангел». Оно имеет отрицательный оттенок, будто перечеркнутое слово «ангел». Слово «демон» несет только положительный смысл.

— Можешь доказать, что ты — демон? — перебил его Дейв.

— Я не хочу это доказывать, потому что верите вы мне или нет — это совершенно неважно. В данный момент я не желаю быть демоном, так как за мной охотится ангел-мститель, готовый при встрече превратить меня в прах.

— А ты наделен какой-нибудь особой силой? — с надеждой спросил Дэнни.

— Такой, что могла бы спасти от уничтожения моим врагом, нет. Физически я раз в десять сильнее любого смертного, меня можно уничтожить только с помощью средства, разрушающего мое тело, например пламенем или кислотой. Здесь, на Земле, мы лишены нашей духовной мощи. В этом смысле я подобен метеориту, вошедшему в земную атмосферу: вначале — гигантская глыба, а на Земле — дымящийся камень не больше кирпича.

— Так, — сказал Дэнни, — значит, мы не можем убить тебя и таких, как ты?

— Нас можно разорвать на части, искалечить или изуродовать, но все равно мы будем жить. Огонь же уничтожает нас полностью.

— Почему же тогда Жофиэль обладает сверхсилой? — спросил Дейв.

— Я не хотел бы, чтобы вы так называли это создание. Оно не имеет имени. Жофиэль — имя архангела.

— Но он необыкновенно силен, — возразил Дэнни.

— Только по сравнению со смертными, которые так слабы, что самому последнему демону уничтожить вас не труднее, чем задуть свечу. На Земле это создание сохранило свою силу, потому что принадлежит Божьему воинству

— Ты постоянно называешь ангела «оно», — заметил Дейв.

Малох кивнул.

— Ангелы бесполоы, они не относятся ни к мужчинам, ни к женщинам.

— А демоны?

— Мы есть то, чем кажемся, — улыбнулся Малох.

На несколько минут установилось молчание, потом заговорил Дейв.

— Позволь мне объяснить кое-что. Я такой человек, что мне нужны доказательства существования всех этих ангелов и демонов. Мой друг уже верит. Убеди меня, что я не зря мокну под дождем.

— Я же сказал, мне незачем доказывать, кто я такой.

— Ну ради спортивного интереса... — поддразнил его Дейв.

Малох пожал плечами, потом стремительным движением разоружил Дейва. Прежде чем Дэнни успел пошевелиться, Малох приставил себе к животу дуло табельного «тридцать восьмого» и

спустил курок. На мгновение боль исказила его лицо — но только на мгновение.

После этого оружие было возвращено ошеломленному Дейву.

— Господи Иисусе, — прошептал Дэнни. — Он выстрелил в себя.

— Ты просил доказать, что я не лгу, — сказал Малох. — Я хотел было продемонстрировать силу, но ты мог бы решить, что я просто очень силен. Тогда я остановился на выстреле. Я никогда прежде этого не делал и не знал, насколько это болезненно. Боль адская, но, к счастью, непродолжительная. Пуля застряла у меня в животе, но рана уже зажила.

Дейв положил пистолет в кобуру.

— Покажи, куда она попала, — попросил он Малоха.

Демон расстегнул рубашку и показал полицейским, куда вошла пуля. На теле не было видно крови — лишь шрам, какой бывает через несколько лет после ранения.

— Теперь, — сказал Малох, — давайте перейдем к делу. Вы позвали меня не без причины, а я боюсь долго оставаться в одном месте. Оно уже приближалось ко мне однажды.

— Рана и впрямь зажила, — признал Дейв. — Не понимаю. Я был уверен, что ты обычный человек, но теперь я ни черта не понимаю. Согласен, я слишком недоверчив. Однако если этот ангел действительно такой, как ты говоришь, а Дэнни в этом уверен, то как нам от него избавиться?

— Можно попробовать молитвы, но вряд ли

они помогут. Вам нечего рассчитывать на помощь Всевышнего. Он не будет вмешиваться, по крайней мере сейчас. Вы свободны в выборе решений, вы должны сами заниматься своими проблемами, решать свою судьбу. Если бы помощь Бога снизошла на мир хоть один раз, то почему бы ей не снизойти миллиарды раз и не разрешить все ваши проблемы. Вы стали бы рабами этого милостивого вмешательства: все ваши действия лишились бы всякого смысла, потому что все ваши ошибки тотчас бы исправлялись.

Следовательно, Бог поможет вам не больше, чем помогает нам. Этот ангел явился сюда самовольно. Единственный возможный путь остановить это создание — обратиться к тем, кому оно непосредственно подчинено. Как это сделать, понятия не имею.

— А что же делаете вы? — Дейв не мог заставить себя называть собеседника демоном. — Вы объединяетесь?

— Время для этого уже прошло. Мы были вместе на поле брани, но нас победили и мы бежали. Мы отступаем, а преследуемая армия не может объединиться, повернуть назад и снова пойти в бой. Мы спасаемся поодиночке. До сих пор мне удавалось скрываться, надеюсь, удастся и в дальнейшем. Не думаю, что вы можете мне помочь. Вам самим едва ли удастся спастись. Я думал, что так и будет, но все же решил попытаться.

— Объединитесь, — сказал Дэнни. — Вместе вы найдете способ защиты от этого божественного маньяка.

— Да, — кивнул Дейв.

— Никак не пойму, — сказал Дэнни, — почему демонов считают злодеями? Я хотел бы знать, чем вы навредили людям? Вы убиваете их?

— Нет, — сказал Малох. — Иногда приходится, но только в целях самозащиты. Мы никогда не убиваем ради наживы или просто так.

— Вы грабите, воруете?

— Нет.

— Вы насилуете женщин или мужчин? Совершаете преступления на сексуальной почве?

Малох добродушно расхохотался.

— Неужели мне с моей внешностью нужно кого-то принуждать? Во всяком случае, демоны стараются не привлекать к себе внимания. Мы часто посещаем злые места, но это необходимо для маскировки.

— Именно так я и думал. Вы не злодеи.

— Вы путаете мораль и уголовный кодекс. Нас считают носителями зла, потому что мы — последователи Люцифера.

— И что же он совершил? Восстал против Бога?

— Да.

— Я знаю людей, которые игнорируют Бога каждый день, но никто не считает их носителями зла. Никто не охотится за ними днем и ночью, никто не загоняет в ад. Что-то здесь не так.

Малох оставил их и быстрыми шагами направился в глубину парка.

— Давай выбираться отсюда, — сказал промокший до нитки Дэнни. — Я ничего не понимаю. Оказывается, плохие парни — отличные ребята, а

хороший парень — дерьмо. Ты не находишь это странным? Ангел уничтожает людей, следовательно, для нас он — злодей номер один. С другой стороны, демоны, например Малох, которые вышли из легионов Дьявола, — гонимые и беспомощные существа. Они не несут зла, потому что подчиняются законам. Они на нашей стороне. Значит, наши представления о добре и зле неверны.

Дейв не ответил. Он думал о том, что Малох силен — очень, очень силен. Сверхъестественно силен. Дейв не встречал людей с такой силой. Даже если эти существа — не ангелы и демоны, они наверняка пришельцы из иного мира. А раз так, то почему бы им не быть теми, за кого они себя выдают.

Ангел, убивший его жену и сына, продолжает жечь людей только для того, чтобы отомстить нескольким сбежавшим демонам. Его нужно остановить. Другого пути у них нет.

Но как же, черт возьми, это сделать?

Глава 18

Ангел неустанно передвигался по городу, ибо не нуждался в отдыхе. Он неумоимо выслеживал своих врагов и уничтожал их. В отличие от смертных ангел быстро преодолевал большие расстояния. Этот его визит на Землю был не первым. На этот раз он последовал сюда за демонами без ведома и разрешения своих повелителей.

Да, он уже бывал здесь в качестве посланца смерти, Ангела Смерти. Люди до сих пор вспоминают силуэт его темных крыльев. В те времена ангел пресытился смертью. Он перелетал из дома в дом, оставляя забрызганные кровью двери и окна. Он выискивал младенцев и умерщвлял их, высасывая кровь; крохотные тела становились сначала синими, потом серыми. Он оставлял скрюченные тела жертв с выпученными от ужаса глазами. Постель за постелью, жизнь за жизнью. Кричащие матери, причитающие отцы, царство безумия. Миссия требовала огромной темной энергии, была задачей с несколькими решениями. Ангел неохотно оставлял окровавленные жилища, потому что чувствовал себя там, как лиса в курятнике. После множества убийств обязанность превратилась в страсть. Работа предназначалась для многих ангелов, но другие были заняты, и он управлялся один.

После ночи убийств у него появилось влечение к смерти, потребность в новых и новых смертях. Жаждающий смерти ангел вернулся на поле битвы.

Вкус десяти тысяч смертей с новой яростью увлек его в бой.

Его энергия была безгранична. Ангел был переполнен мощью Господа. Он был способен зажечь мириады солнц, которые пылали бы вечно. Здесь, на Земле, он был непобедим. Тогда он не был Жофизлем. У него вообще не было имени. В духовном мире он был едва замечен, но на Земле только безумец мог игнорировать его присутствие.

Ангел считал, что на Земле скрывается несколько сотен падших ангелов. Они могли прятаться где угодно, но вероятнее всего, в городах. И, конечно, они постоянно прибывали, оставляя поле боя, где силы величайшего Бога громили их легионы.

Демоны выбирали города, а не пустыни и джунгли, потому что на Земле они были столь же уязвимы, как смертные. После путешествия из мира духовного в мир материальный из всех способностей у них сохранилась только необыкновенная физическая сила. Их духовная мощь, магическая сила, умение изменять внешность, неуязвимость, — все это исчезло во время ужасного полета сквозь миры света и тьмы, улетучилось, как энергия из погасшей звезды. Когда они достигли материального мира, у них не осталось ничего, кроме слабой искорки жизни, которая теплится во всех смертных.

Существовали пути, по которым демоны могли без потерь спуститься на Землю. Но выйти на них можно было, только получив приглашение земных колдунов и сатанистов. Демоны не могли

воспользоваться ими самостоятельно. Люди, знакомые с черной магией, должны были впустить их в материальный мир.

Итак, подобно всем смертным, они страдали от превратностей погоды. Они нуждались в пище и воде, чтобы питать свою телесную оболочку. Они должны были оберегать свою слабую плоть, в которой скрывался их дух, от огня и разъедающих веществ. В пустыне или джунглях они стали бы легкой добычей для ангела. Там было мало зла, за которым они могли бы спрятать собственную суть. В отличие от человеческой их плоть обладала способностью к самовосстановлению, но в некоторых отношениях демоны были даже слабее людей.

Поэтому они бежали в города, эти джунгли грехов и преступлений, за которыми они могли спрятать собственную несправедность. Они искали пристанища зла и порока и чувствовали себя там как дома, ибо зло и порок оберегали их от ангела.

В аду их не меньше, чем тараканов в канализации, но ад — не самое приятное место даже для падших ангелов. Ад — метафизический эквивалент переполненной вонючей ямы, где демоны вынуждены сражаться за место, в котором нашли бы успокоение их падшие души.

И ад в конце концов будет уничтожен.

Падшие ангелы бежали на Землю, чтобы избежать гибели, превращения в ничто. Но и здесь они находили смерть от руки ангела, который легко достигал любой точки планеты.

Если бы о присутствии ангела на Земле узнали

его повелители, то несомненно его бы отозвали и потребовали ответа за содеянное. В отличие от Создателя, которому они служили и который не вмешивался в дела своих созданий, наделенных свободной волей, эти повелители не были всеведущими.

Ангел неся по улицам преследуемый собственной тенью, так как человеческая оболочка была неизбежным бременем в этом материальном мире. Уже несколько часов он гнался за демоном Хедрагом. Его след зла, подобный серебристой спирали, петлял в районе публичных домов Амстердама.

Наконец ангел вошел в ярко освещенный погребок в Теггене и сел за стол. Он внимательно осмотрел зал и нашел свою жертву. Хедраг стоял спиной к бару в толпе юных гуляк.

Человеческая улыбка тронула губы ангела.

Он встал. Демон повернулся, и ужас застыл на его посеребренном лице. Как утопающий хватается за соломинку, так и Хедраг прижал к себе женщину, показал на ангела и завопил:

— Он хочет убить меня!

Ангел сосредоточился, и его жертва вспыхнула белым пламенем, охватившим не только демона, но и женщину. Раздались отчаянные крики других обожженных белым пламенем. Этот божественный огонь был столь горяч, что мгновенно превращал в золу все, что могло гореть, и сильно повреждал даже самые огнестойкие материалы.

Женщина в полыхающем платье с пронзи-

тельным криком побежала к выходу. Она споткнулась, упала на стол, за которым сидели ослепленные люди; со стола упали стаканы, бутылки, тарелки. От огромного белого языка пламени, вспыхнувшего возле бара, шел такой жар, что температура предметов в комнате быстро повышалась; теперь было достаточно мгновенного прикосновения крохотной искры, чтобы загорелись и они. Почти все прикрыли глаза, защищаясь от ослепительного света, который исходил от горящего демона.

Сам Хедраг превратился в огромный факел, а выгорающий дух демона придавал пламени свой оттенок. Белизна пламени вызывалась не только его чистотой, но и исключительно высокой температурой. Лежавший в метре от Хедрага стальной портсигар расплавился.

Вскоре загорелись столы и стулья, потом огонь перекинулся на бар, и лицо буфетчика вмиг стало черным как уголь, словно по нему мазнули кистью со смолой. Уже мертвый, он рухнул на полку с плавающими стаканами и бутылками, из которых с шипением вырывалась мгновенно испарявшаяся жидкость. Расплавилась цепь люстры, висевшей над баром; та с грохотом упала и разлетелась на тысячи осколков.

Зал заполнял запах горячей человеческой плоти. Люди в панике метались, пытаясь найти немногие пожарные выходы. Ослепшие, они сталкивались друг с другом, спотыкались, падали, на них наступали другие. В ядовитом дыму люди задыхались, хватались за грудь и извивались, словно раненые крысы.

Безучастно перешагивая через тела, ангел вышел из сотворенного им ада. На улице он остановился. Теперь ему нужно в Лондон. Один из врагов там, в Сохо.

Потом надо возвращаться в Америку, в город, где двое глупцов полицейских вздумали преследовать его. Ангел старался забыть о них, но не мог. Они раздражали его. Ему пришлось тратить время и силы на гипнотические предупреждения. Преследуя ангела, они все же причиняли ему какое-то беспокойство — как комары человеку, пытающемуся заснуть.

Если они будут слишком упорны, то ради собственного спокойствия ангелу придется их уничтожить. Они заставили его усомниться в своей правоте, что для ангела опасно. Если он не будет верить в свою правоту, то падет под испытующим взглядом своих повелителей. Они постоянно следят за душами подчиненных и искры душевного сомнения заметят обязательно. Его повелители могут не интересоваться тем, в какой точке пространства находятся ангелы, но о состоянии их духа беспокоятся всегда.

Двое смертных заставили задуматься ангела о последствиях его рвения. Но с какой стати ему считаться с жизнями нескольких людей, которые все равно умрут в следующее мгновение? Продолжительность жизни людей — лишь как бы узелок на жизненной линии ангела, вплетенной бесконечной шелковой нитью в мировую ткань событий. Так стоит ли задумываться, стоит ли беспокоиться? Год, десятилетие, век — это только мгновения в вечном ходе времени.

Тогда, в ресторане, в душе одного из смертных ангелу открылось горе — смерть жены и сына. Это задело ангела больше, чем он хотел бы. Он никогда не испытывал таких простых эмоций — тогда он будто увидел кровоточащую рану на сердце родственного духа. Он мгновенно справился с потрясением, но неприятный осадок остался. Он не желал знать и понимать неописываемые душевные переживания человека, потерявшего своих близких.

Если эти двое станут и дальше беспокоить его, у ангела не будет иного выбора, как только избавиться от них. Вмешиваясь в священные обязанности солдата Господа, они мешают ему вершить суд над неправыми.

Ангел не представлял себе, как найдет двух полицейских, потому что его могущество было не такого рода, чтобы обнаружить их среди миллионов смертных, проникнув в их умы. Они должны быть на близком расстоянии и открыты ему. Ангел не был знаком с привычками людей, а также с их средствами связи и транспорта. Он знал лишь несколько вещей в том мире, куда ему пришлось спуститься. Например, бензин и его свойства, потому что какой-то демон безуспешно пытался использовать горючее против ангела.

Он просто чуял зло, исходившее от его врагов, находил их по отвратительному чадущему и уничтожал. У ангела был свой способ передвижения, усовершенствованный в ту ночь, когда он перемещался от дома к дому, убивая младенцев. Этот способ не требовал материальных предметов, а речью

ангел пользовался лишь при крайней необходимости.

Ангел знал о своих недостатках, но они казались ему второстепенными, пока не пришло время почувствовать их неудобства и подумать, не стоит ли кое-что перенять у людей.

Глава 19

Дейв провел этот вечер в баре; не отрываясь от рюмки, он невидящим взглядом смотрел перед собой. Ему нелегко было смириться с тем, что из этого дурацкого положения нельзя выйти ни законным путем, ни с помощью оружия. Неважно, верит ли он в Бога, ангелов, демонов и во всю эту чепуху. То, с чем он столкнулся, было за пределами его понимания: чем-то паранормальным или сверхъестественным. Он никогда не имел дела с мистическими явлениями и не знал, с чего начать. У него возникла была смутная мысль привлечь на помощь священника, но тому нужно было объяснять все с самого начала.

Дэнни уже пытался прощупать одного из своих священников, но безрезультатно. Дэнни и Дейв, обычные полицейские, сознавали, что соприкоснулись со сверхъестественным миром. А священник, который вроде бы постоянно находится в контакте с духовным миром, отверг всякую мысль о существовании паранормальных явлений. Само по себе это казалось бессмысленным.

Естественно, идти к Рису они тоже не собирались — тот только рассвирепееет. Итак, им троим, а если считать Риту, то четверым, придется решать мировую проблему пожаров. Если удастся избавиться от ангела, его подражатели постепенно исчезнут сами собой. Ангел разжигал их воображение. Оставшись без лидера, ненормальные придумают какую-нибудь новую безумную игру, менее разрушительную.

Малох сказал, что единственный способ изба-

виться от ангела — войти в контакт с его повелителями. Кто они? По-видимому, архангелы. И как же с ними связаться? Дэнни сказал, что попробует молиться, но потом заметил, что молиться архангелам нельзя — только Богу, Его Сыну и Святому Духу, то есть любому члену Пресвятой Троицы, но не ниже. Однако Бог не станет ничего делать. Дейв это понимал.

Итак, как же обратиться к архангелам?

— Хочешь еще? — прервал бармен размышления полицейского.

— Нет, спасибо. Пожалуй, пойду, Эл, — сказал Дейв, расплатился и вышел на улицу.

Дождя не было, но мрачные облака по-прежнему затягивали вечернее небо. Он взял такси и поехал к Ванессе.

Ее не было дома. Дейв открыл дверь своим ключом, прошел на крошечную кухню, которая была всего лишь частью гостиной, и в ожидании хозяйки сварил кофе.

Наконец Ванесса пришла. Увидев сидящего в полутьме человека, она вздрогнула от страха.

— Черт, как ты меня напугал, — сказала она. — Почему не включил свет?

— Извини, не догадался. Задумался и не заметил, как стемнело.

Ванесса сняла плащ, включила свет и занялась какими-то бумагами.

— Ты голодна? Хочешь, я что-нибудь приготовлю? — предложил Дейв. — Только скажи, где что лежит. Может, сделать омлет?

— Я поела в колледже. Садись. Ты меня здорово напугал, и мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Я как-то не привыкла к тому, чтобы люди приходили ко мне, заранее не позвонив.

— Понимаю. В следующий раз обязательно позвоню.

Она быстро смягчилась.

— Так в чем же дело?

— Помнишь, той ночью в «Клементине» я сказал, что не верю в сверхъестественное? Так вот, за это время произошло такое, что заставило меня поверить. Я думаю, что парень, с которым мы столкнулись, — действительно ангел, и хочу, чтобы его отозвали туда, откуда он явился. Из рая? Из ада? Кто знает. Сегодня я встретил парня, который назвался демоном, и если это не всемирный заговор против глупого Дейва Питерса, мне придется ему поверить. Он многое знает и о многом рассказал. Но не только это, Ванесса. Я чувствую, что это правда. Я чувствую это здесь. — Он показал на сердце. — И здесь. — Дейв прикоснулся к голове. — Иногда приходится доверять своим инстинктам, чувствам и эмоциям. Этот парень, он называет себя Малох, сказал, что ангел охотится за ним.

— Жофизель?

— Да, но Малох сказал, что этот ангел — не Жофизель. Он — младший ангел, который выдает себя за архангела. У него нет имени, и он — никто. Возможно, бесчинствуя здесь, он надеется заработать себе имя. Там, откуда он пришел, он — мелкая сошка, а здесь — как целая армия. Он разрушает наш мир, Ванесса. Малох считает, что мы сами ничего не можем с ним сделать. Единственный способ избавиться от этого чудо-

вища — привлечь к нему внимание архангелов, потому что он прибыл сюда без их повеления.

И теперь я хотел бы знать, Ванесса, как нам это сделать? Дэнни сейчас молится не желающему его слушать Богу, который не хочет вмешиваться в наши дела. Мы должны сами придумать, как избавиться от этого ублюдка, как отослать его обратно. Лично я предпочел бы, чтобы он сгорел так же, как моя семья, но если это невозможно, я согласен, чтобы он просто исчез.

— Послушай, — сказала Ванесса, повернувшись к окну.

Дейв прислушался.

Снизу доносился обычный раздражающий шум уличного движения, а в соседней квартире разгорался очередной скандал. На эти два основных источника шума накладывалось множество более слабых шумов. Если к ним прислушиваться, они были способны вывести из себя. Город — это теснота, скученность и стресс, но в деревне может жить только тот, кто там родился и знает, как там выжить. Человек должен жить там, где может заработать на жизнь, а скопление множества людей всегда создает напряженную обстановку.

В окно Дейв видел ночные огни города, который, казалось, никогда не спал. Как и в других городах, на улицах было беспокойно, в переулках таилась опасность.

— Так в чем дело? — нетерпеливо спросил Дейв.

— Жизнь чудесна, не так ли? И это хороший мир? Тебя огорчило бы его исчезновение?

— Конечно, у жизни много неприятных сторон, но я, как и любой другой, не хочу умирать.

— Тебе жалко потерять все это или ты просто боишься смерти?

Дейв на мгновение задумался.

— Пожалуй, и то и другое, — ответил он наконец.

— А что перевешивает? Какова доля страха смерти? Ты беспокоишься о том, что лежит по другую сторону? Или тебе страшно исчезнуть навсегда, без следа превратившись в ничто?

Дейв не понимал, к чему она клонит.

— Это что, викторина? Это не для меня. У меня хватает забот.

— Я хочу сказать, — продолжала Ванесса, — что не все рассуждают так же, как ты. Я не боюсь смерти и не думаю о ней. Она волнует меня не так сильно, как тебя и подобных тебе. Ад есть и на Земле, и многие из нас в нем живут. Однажды я даже пыталась совершить самоубийство, хотя я католичка. Ты читал Сильвию Плат?

— Кто это? — Дейву очень не понравился весь этот разговор.

— Поэтесса, тебе стоит ее почитать. Она писала о самоубийстве и в конце концов покончила с собой. Это было ее победой.

— Откуда ты знаешь? Она ведь не вернулась с того света, не так ли? Откуда тебе знать, что в последний момент она не сожалела? Хватит, Ванесса, прекрати подгонять факты под свою теорию. Чего ты добиваешься? Хочешь совершить самоубийство, потому что у тебя тяжелый период

в жизни, потому что ты страдала? Я знаю, ты многое пережила...

— Не совершить самоубийство, — прервала она его. — Это противоречит моим религиозным убеждениям. Но умереть. Иногда это слово звучит для меня синонимом прекрасной возможности исчезнуть. У нас должна быть свобода выбора.

Дейв почувствовал раздражение. Он ненавидел разговоры про эйтаназию и прочие штучки. Когда женщины уделяли слишком много внимания сексуальным проблемам или начинали говорить о смерти, о чудовищных преступлениях, совершаемых мужчинами, например изнасилованиях, или даже просто о недостатках мужчин либо о страданиях женщин в период невзгод, он чувствовал себя неуютно и не знал, что сказать. Он понимал, что они могут испытывать желания, ярость, обиду, боль, страх, ревность, отвращение, вожделение и любовь, но не мог с ними сопереживать, потому что по их словам эти чувства имели совсем не то содержание, какое вкладывал в них он.

В такие моменты женщины походили на бушующие, невообразимо глубокие океаны с неизвестными впадинами и течениями, которые грозили поглотить его. В такие моменты Дейв боялся женщин, боялся того безбрежного моря чувств, о котором мог только догадываться, боялся мрака. Он знал, что ему нужно держаться подальше от этих водоворотов, способных затянуть в непроглядную пучину женских эмоций.

— Ты думаешь, что говоришь, Ванесса? — спросил он умоляюще. — Не играй со мной в такие игры.

Она наклонилась и заглянула ему в глаза.

— Я хочу сказать, что если нам надо доставить послание, то необходим посланец в лучшие миры.

Когда до Дейва дошло, что она говорит о смерти одного из них, он ужаснулся.

— Боже мой, о чем ты говоришь?

— Ты знаешь, о чем.

— Кажется, догадываюсь, но я потрясен. Это безумие.

— Так ли?

— Ты полагаешь, что один из нас должен умереть, чтобы доставить послание архангелам?

— Убедена в этом. Более того, умереть должна я, потому что ты не можешь быть нашим посланцем.

— Интересно, почему?

— Потому что считаешь себя убийцей.

Он хотел возразить, но вдруг вспомнил, что сам рассказал Ванессе историю, случившуюся с ним в юности. Он никогда не думал о себе как об убийце, но она права, он им был.

— Ты ведь тоже убийца, — парировал он.

— Я не собиралась убивать отца, а ты сказал, что намеренно убил того парня, хотя сомневаюсь, что так оно и было. Мне кажется, те два парня были правы, когда утверждали, что Хантерман сорвался. Но ты тем не менее берешь ответственность на себя, потому что хотел бы быть виновником его смерти, чтобы отомстить за издевательства. Иногда мы представляем случившееся так, как желали бы, Дейв, независимо от того, что произошло на самом деле.

— Я действительно виновен...

— Обстоятельства дела спорны, но факт оста-

ется фактом, ты убежден, что виновен, и замыслил убийство, когда свешивался с башни вниз головой.

Дейв колебался между верой и неверием в Бога и загробную жизнь. С некоторых пор он допускал, что среди людей появилось сверхъестественное существо, а если к ним спустился ангел, то где-то есть и Высшее Существо. Но если есть Бог, то должна существовать и загробная жизнь.

Но этой логической цепочке противостояло твердое убеждение Дейва, что смерть подобна выключению света. Ты уходишь — и все. Ничего больше. Зачем обманывать себя? Почему не признать тот факт, что смерть есть небытие; ведь человека не существует до зачатия в материнской утробе? Только трусы цепляются за мысль, что после смерти попадут в иной мир.

А ангел? Конечно, теперь его существование стало фактом, но кто знает, откуда он пришел, зачем и кто его послал? Возможно, и есть иной мир, где обитают существа, подобные ангелу, но это вовсе не значит, что туда попадают и люди или что это место успокоения, прибежище после смерти. Может, это всего лишь жизнь на другой планете, которая не имеет никакого отношения к бессмертию души.

Дейв балансировал на грани между верой и безверием. Хотя он не хотел присоединиться к тем, кто верит в жизнь после смерти, он отчаянно хотел надеяться, что снова встретит свою жену и сына.

Можно ли одновременно верить и не верить в загробную жизнь?

Он пожал плечами, как будто хотел сбросить с них груз своих забот.

— Это только теория, — сказал он Ванессе. — Никто из нас не собирается себя убивать. Ты сама сказала, что самоубийство исключено. Так на небо не попадешь. Посланец не встретится с адресатом.

— Да, но совсем другое дело, если ты убьешь меня.

Ему потребовалось время, чтобы осознать смысл слов Ванессы, хотя он был достаточно прозрачен. Дейв вышел из себя.

— Что ты сказала? Надо прекращать этот разговор. Это опасно. Человек вбивает себе в голову такие мысли, а потом не может от них избавиться. Я не желаю слушать подобной чепухи.

— Хорошо, — спокойно ответила Ванесса, — давай отдохнем и посмотрим телевизор.

Она включила телевизор. Дейв чувствовал себя, как выжатая губка. Сначала он ничего не видел и не слышал, но постепенно голоса и изображение на экране приобрели смысл, и он наконец пришел в себя.

Молодой пуэрториканец Джой Кабеза презирал уличные банды и предпочитал чувствовать себя одиноким тигром в бетонных джунглях. В такой позиции были свои достоинства и свои недостатки.

Достоинства заключались в том, что он не участвовал в бессмысленных жестоких драках между бандами, что его не так часто, как парней в куртках с символом банды, задерживали полицейские, что не надо было повиноваться часто идиотским приказам главаря, что он мог сам

выбирать, бежать ему или стоять, драться или нет, что он был избавлен от дурацких советов, как себя вести после очередного налета.

Главным недостатком было то, что при случайном столкновении у него практически не было никакой защиты от численно превосходящих сил даже самой слабой банды. Столкнуться же с бандой было очень легко, для этого достаточно было просто оказаться на ее территории.

Джой поступил так, как делают все, влезшие в шкуру одинокого тигра: он зарекомендовал себя жестоким парнем, который не стоит ни на чьей стороне. У него была репутация абсолютно независимого человека; он ни на кого не доносил и никогда не вмешивался в действия банд. Однако, когда мешали ему, он без колебаний применял оружие.

Важной частью образа одинокого тигра была вера окружающих в его связь с мафией. На самом деле местный синдикат даже не подозревал о его существовании, но Джой прилагал все усилия и время от времени действительно появлялся на людях с кем-нибудь из младших членов мафиозной иерархии. Так он вводил в заблуждение возможных врагов. Джой мог остановить Фредди Пинеллу возле парикмахерской и с заговорщицким видом спросить его, что он думает об исходе предстоящего поединка тяжеловесов. Фредди всегда льстило, когда интересовались его, как правило ошибочным, мнением, и он уделял Джою несколько минут своего драгоценного времени. Выслушав Фредди, Джой быстро уходил, словно получил важное задание от мафии, оставляя уличных

бандитов в твердом убеждении, что Джой — подручный мафиози и с ним лучше не связываться.

Улица, на которой жила Ванесса, входила в территорию Джоя, и иногда они встречались мимоходом на тротуаре. Джой был дамским угодником, он не пропускал ни одну девушку, не кивнув или не улыбнувшись ей, даже если она, как та яркая блондинка, была ростом с пожарную лестницу. Что ж, придется карабкаться по ногам; Джой ничего не имел против, если его усилия будут вознаграждены. Для Джоя не имело значения, были ли они длинные, низкорослые, тощие или толстые, лишь бы не квадратные. Как-то, проходя мимо, он слегка распахнул куртку, чтобы она увидела заткнутый за пояс револьвер. Он знал, что женщины возбуждаются, когда видят на парне оружие. Черт побери, он сам возбудился, думая о ней, а так как на нем были джинсы в обтяжку, она могла это заметить.

Ее имя — Ванесса Вангелен — Джой узнал, покопавшись в ее почтовом ящике. Он любил быть в курсе всего, что творится на его улицах. Шикарное имя. Он был слегка удивлен, когда она однажды остановила его на улице и спросила, не сделает ли он для нее кое-что в ее квартире. Очевидно, она была из тех, которым нравились молодые стройные латиноамериканцы, такие, как он, с крепкими телами, полными энергии. Он знал, что среди опытных женщин пользуется репутацией парня, который может «работать» дольше любого другого. Ведь женщины обычно рассказывают друг другу о таких вещах. Они откровеннее, чем мужчины, когда

собираются в своем кругу без мужей и приятелей. Джой мог заставлять этих сучек взывать к Господу несколько раз подряд и все еще оставаться полным сил. Они любили его маленькие упругие ягодички и гладкую безволосую грудь. Они сами говорили ему об этом.

— Конечно, — ответил он, ухмыляясь. — Сколько вы платите?

— Потом договоримся, — ответила она.

Глава 20

В то утро сержант Бронски был дежурным. Чрезмерно растолстевший полицейский был гораздо ближе к инфаркту, чем к пенсии, хотя в молодости боксировал за команду городской полиции против других организаций, даже против заключенных, когда тюрьма выставляла свою сборную.

Это было давно, задолго до того, как Сан-Франциско заполонили поджигатели, среди которых не было приличных боксеров. Как только дело доходило до кулаков, поджигатель визжал и давал деру. Их длинные тонкие пальцы годились только на то, чтобы чиркать спичками. В старые добрые времена за решеткой сидели в основном убийцы и грабители, многие из них неплохо работали кулаками, и Бронски немилосердно колотил их, пока те не падали на пол. Он говорил, что уже получил свою долю синяков и шишек, когда арестовывал их.

Сержант Бронски сидел за столом, когда вошел странный молодой человек и спросил, не здесь ли детективы Питерс и Спитц. Бронски по натуре был задирист и считал, что сначала нужно проявлять агрессивность, а если потребуется, то потом можно быть и повежливее. К тому же день у него пока складывался неважно: его укусила за руку проститутка, и он беспокоился, не заразила ли она его одной из тех болезней, о которых он и думать боялся.

— А кому это нужно знать?

— Это нужно знать мне, — ответил незнакомец.

— Возможно, они на дежурстве, но прежде я хотел бы узнать, кто вы такой?

Бронски знал, что сегодня у «Д и Д» свободный день, но не собирался сообщать что бы то ни было первому встречному.

От молодого прощелыги несло каким-то странным кремом после бритья, и этот запах щипал ноздри Бронски. Сержант считал, что мужчины не должны пользоваться парфюмерией. Он раскрыл регистрационный журнал и стал в нем что-то записывать: верный способ разозлить человека, который ждет ответа на вопрос.

Сутенер — а, по мнению Бронски, посетитель был сутенером — облокотился о стойку.

— Мне нужно знать немедленно.

Бронски любил, когда они злились. Это давало ему повод всласть поругаться.

— Иди ты к черту, — проговорил он сквозь зубы, не поднимая глаз от журнала. — Нет имени, не будет и разговора.

Мужчина резко бросил руку вперед, схватил полицейского за галстук и вытянул его из-за стола на стойку. Форменная фуражка покатилась под ноги сутенерам и проституткам, сидевшим на скамейках. Двое других полицейских в оцепенении застыли, не зная, что предпринять.

Бронски сделал то, что обычно делал в таких ситуациях. Со всего размаху он залепил противнику кулаком по лицу.

К сожалению, результат оказался неожиданным. По кисти, локтю и плечу прокатилась волна острой боли. Сержант был потрясен: у него создалось впечатление, будто он ударил медную статую. В

ту же секунду противник схватил кулак полицейского и сдвинул его так, что захрустели кости. Из разорванных суставов закапала кровь, сержант закричал от боли и ярости.

Левой рукой он попытался дотянуться до оружия, но сутенер перехватил руку и сломал ее в предплечьи с такой легкостью, словно это была гнилая ветка. Сержант снова завопил, потом почувствовал, как его оторвали от пола и швырнули к дверям. Он тяжело упал на лодыжку, вывихнул ее, и на него накатилась новая волна боли. Бронски знал, что такое поражение; парень был во много раз сильнее его, хотя и казался хлюпиком.

Двое других полицейских наконец-то пришли в себя. Выхватив пистолеты, они выкрикивали: «Стой, не двигайся, не пытайся бежать!» — и другие столь же оригинальные фразы, на которые мужчина не обратил никакого внимания.

Теперь Бронски хотел только одного: убраться подальше от этого парня. Ясно, что он маньяк, а каждый знает, что психопат справится с десятком здоровых мужчин. Он и убить может, глазом не моргнув. Бронски поспорил бы на двадцать долларов, что у парня под курткой обреза. Через два года Бронски рассчитывал выйти на пенсию — если раньше его не хватит удар — и не хотел погибать под пулями.

Сержант выполз на улицу. По обе стороны от дверей стояли два тяжелых керамических горшка для растений, слишком большие, чтобы местные жители могли их стащить без крана и грузовика. Растения давно сгнили, а почву покрывал толстый

слой окурков. Бронски укрылся за огромным горшком, что стоял слева от дверей.

Из участка послышались выстрелы, Бронски мог теперь только ругаться: «Арестовать ублюдка! Я бы ему всю рожу растоптал! Он сломал мне руку, ногу, плечо. Я бы ему кишки выпустил!»

В помещении что-то негромко ухнуло, потом раздались пронзительные вопли проституток. Кто-то в полыхающей одежде выбежал из дверей, упал и скатился по ступенькам на улицу. Проезжавший грузовик, не успев объехать горящего человека, бросил его на припаркованный автомобиль.

Несколькими секундами позже на пороге появился смазливый сутенер. Он остановился, повернулся и, казалось, на мгновение задумался. Вслед за тем из различных уголков здания донеслись приглушенные звуки взрывов, словно кто-то разом привел в действие несколько взрывных устройств. Изуродованной рукой Бронски потянулся к пистолету, но со сломанными пальцами не постреляешь. Другая рука безжизненно свисала со сломанного плеча.

Посмотрев сверху вниз на Бронски и слегка улыбнувшись, сутенер спустился на улицу. Он даже не взглянул на толпу, которая собралась вокруг горящего человека, сбитого грузовиком.

Остановившийся грузовик создал уличную пробку. Гудели клаксоны. Движение замерло. Водители автомобилей, стоявших ближе к грузовику, понимая, что случилось что-то серьезное, вышли из машин и присоединились к тем, кто стоял вокруг горящего человека. Из соседнего магазинчика выбе-

жал его хозяин и выплеснул на тело кастрюлю воды. Не погасив пламени, вода быстро испарилась.

Водитель грузовика сбивчиво рассказывал толпе о происшествии: «У меня не было никакой возможности затормозить, он выскочил на улицу прямо передо мной, весь в огне, как же я мог остановиться?...»

Теперь внимание тех, кто стоял дальше от тела, переключилось на звуки взрывов, доносившиеся из полицейского участка. Люди показывали на окна здания, некоторые перешли на противоположную сторону улицы. Пламя уже проникало сквозь щели под толстыми стеклянными дверьми и лизало ноги Бронски.

Бронски чувствовал жар, исходивший от стен здания; тем временем пламя с ревом вырывалось и из соседнего водостока. Спасаясь от огня, Бронски пополз вниз по ступенькам — туда, где, словно испуганное стадо, метались люди. Его нога онемела, боль в раздробленной кисти была нестерпимой. Он взглянул на руку и увидел осколок кости, пробивший кожу. Ему стало плохо.

Молодой полицейский выбежал из застрявшей в пробке черно-белой патрульной машины.

Оглянувшись, Бронски увидел, что уже все здание полицейского участка охвачено огнем. Пламя вырывалось из каждого окна. Стеклянные двери открывались вовнутрь, и перед ними плотно набились люди, отчаянно пытавшиеся вырваться на улицу. На тех, кто стоял у дверей, сзади напирали обезумевшие от страха мужчины и женщины; не было ни малейшего зазора, чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть двери. Один из тех,

кто стоял впереди, тщетно пытался разбить кулаком толстое стекло; у другого лицо было придавлено к стеклу и сплюснуто, а от ужаса глаза выкатились из орбит.

Молодой полицейский накинуд на голову куртку, взбежал по ступенькам и ударил по стеклу рукояткой пистолета. После третьего удара ему наконец удалось разбить стекло, и он поспешно сбежал вниз, спасаясь от жара. Какая-то женщина первой пролезла в дыру, сильно порезавшись об острые осколки. Она сползла по ступенькам на тротуар; ее подхватили и потащили дальше от огня, а за ней тянулся кровавый след, как за раненой черепахой.

На другой стороне улицы Бронски, стоя на одной ноге и опираясь о чью-то машину, кричал продавцу, чтобы тот позвонил пожарным. Не отрывая глаз от пожарища, продавец ответил, что уже давно позвонили.

Кто-то выпрыгнул из окна шестого этажа. Тело глухо ударилось о тротуар и застыло. Его ноги согнулись под неестественными углами. В окнах постоянно мелькали чьи-то лица.

Бронски видел, как люди пытаются открыть окна, чтобы дотянуться до пожарных лестниц, но большинство окон было закрыто наглухо десятками слоев краски, которую каждый год мазали рабочие, беспокоившиеся только о том, как бы побыстрее отделаться от работы. Благодаря кондиционерам летом не было необходимости проветривать помещение, а зимой никто не хотел впускать в помещение холодный воздух. Одному полицейскому удалось высадить окно на втором

этаже, но в ту же секунду ревущий огненный столб, вырвавшийся из-за его спины, поглотил беднягу. Выбив окно, полицейский открыл доступ кислорода к пламени, и в знак благодарности оно пожрало его.

— Господи, — прошептал Бронски. — Сделай что-нибудь. Ведь там столько людей. Сделай же что-нибудь.

Это была катастрофа, ад, распространившийся по всем шести этажам за время, которое занимает у человека спуск на один пролет лестницы. Огонь был неестественно мощным, слишком яростным, стремительным и белым, совсем белым. В считанные секунды он пожирал все, к чему прикасался. Оконные стекла лопались или плавились. Когда воздух поддерживал его ненасытный аппетит, огонь усиливался, а мощь его казалась беспредельной. Люди отошли дальше от участка.

Потом начали взрываться стоявшие неподалеку автомобили, осыпая окрестности огненными осколками. К тому времени, когда пожарные машины пробились к зданию, тушить было практически нечего. Пожарные поливали водой два соседних здания, чтобы огонь не перекинулся на них. От участка остались пустая оболочка и пылающий горн внутри нее. Те, кто прежде желал, чтобы здание полиции сгорело, теперь содрогались, глядя на ужасное зрелище. Сгорели заживо не только полицейские, но и десятки жителей района, пришедшие на прием, и сидевшие в камерах задержанные. Это было стихийное бедствие, трагедия, охватившая целый район.

Только двоим удалось вырваться из этого ада:

Бронски и чернокожей женщине, выползшей через разбитую дверь. Она не переставая бормотала о каком-то человеке, в которого несколько раз стреляли, а он ушел неведимым.

— Он стоял как ни в чем не бывало, — бормотала она, — стоял и поджигал людей.

Бронски плакал, когда ее увозила скорая помощь, не по ней, конечно, а по всем своим друзьям, которые теперь были просто обугленными головешками среди дымящихся руин.

— Что за дрянь, — всхлипывал он. — Какого черта?

Среди первых посетителей Бронски была команда «Д и Д»: Мать Тереза и Брат Тук.

— Что там случилось? — сразу же спросил Дейв.

Бронски чувствовал себя отвратительно, но с этими двумя парнями он хотел поговорить.

— Этот ублюдок пришел и спросил о вас. Я пытался отделаться от него. Я чувствовал, что он принесет беду, сами знаете, как это бывает: смотришь ему в глаза и видишь, что в голове у него полно дерьма. Потом он разозлился. Переломал мне кости и устроил пожар. Не спрашивайте, как он это сделал. Я не видел ни канистры с бензином, ни чего-то другого. Все просто вспыхнуло, как от невидимой бомбы.

— Это он тебя покалечил? — спросил Дэнни. Бронски в смущении отвернулся.

— Да, этот сутенер силен, как сто чертей.

— Почему ты думаешь, что он сутенер?

Бронски покачал головой.

— У него на роже написано. Либо сводник, либо голубой. Смазливая физиономия, пожалуй, испанского типа, а глаза голубые и ясные, как у ребенка. От него несло чем-то. Меня чуть не стошнило.

— Миндаль? — спросил Дейв. — Это был запах миндаля?

— Не знаю. Похоже на миндаль.

Потом на лице бывшего боксера, не боявшегося ничьих кулаков, появились слезы; он попытался встать с кровати, но «Д и Д» уложили его в постель.

— Он всех убил, — плакал Бронски, — он всех сжег. Это ужасно, Дейв, я никогда не видел ничего подобного. Люди сгорали заживо прямо на моих глазах. Мои друзья. Я видел, как пламя пожирало моих приятелей, я слышал, как они кричали: «Боже, Боже, помоги мне!» Помнишь машинистку, маленькую девушку с шестого этажа? Она выпрыгнула из окна и шлепнулась о тротуар, как кусок мяса, Дейв. А когда этот ублюдок уходил, он улыбнулся мне. Он улыбнулся, этот сукин сын улыбнулся! — Голос Бронски изменился и теперь дрожал от ярости, а слезы высохли. — Попадись мне этот ублюдок, я ему руки повырываю, честное слово, Дэнни, я ему перелломаю все кости.

— Конечно, Брон, конечно. Но сейчас тебе лучше отдохнуть, а мы с Дейвом будем действовать. Мы знаем, кто этот парень: белый огонь — его рук дело. Будь спокоен, мы до него доберемся.

— Он спрашивал о вас, ребята, — повторил Бронски. — Он хотел вас видеть. Думаю, он собирался вас прикончить. Мне кажется, он поджег здание, взбесившись, что вас там нет.

Дейв покачал головой.

— Нет, Брон. Он запалил участок, потому что решил, что мы там. Он хотел нас убить.

Бронски приподнялся, опершись на здоровую руку.

— Ты считаешь, что он сжег всех этих людей, капитана Риса, маленькую машинистку, всех наших парней, только для того, чтобы убить вас?

— Мы так думаем, — кивнул Дэнни.

Бронски откинулся на подушку.

— Наверно, вы здорово ему насолили?

Дэнни покачал головой.

— Нет, скорее всего, он просто проходил мимо и подумал: «Зайду-ка я сюда и прикончу тех двух полицейских, что беспокоят меня каждый день». Этот парень — поденок из поденок, Бронски. Ему не было нужды нас убивать, потому что он знает, что мы не справимся с ним, но мы раздражаем его, как мухи раздражают человека. У него просто не было времени, чтобы выследить нас. Все это абсолютно бессмысленно — в поджоге не было никакой необходимости.

Когда они вышли из госпиталя, Дейв спросил Дэнни:

— Ты действительно думаешь, что он поэтому поджег участок? Потому что решил, что мы там?

— Ты слышал, что сказал Бронски? Он спрашивал нас.

— А тебе не кажется, что там мог находиться демон, например в камере?

Дэнни покачал головой.

— Он пришел за нами. Если бы он охотился

за кем-нибудь другим, то назвал бы имя этого парня. Уверяю тебя, Дейв, он так же самонадеян, как небрежен. Полагаю, у него тоже бывают промахи. Он, наверно, так не думает, а я думаю. Только кажется, что не существует никаких правил, а на самом деле они есть, черт побери. Все во Вселенной подчиняется правилам, законы управляют даже сверхъестественными явлениями. Все движется по кругу, все находится в равновесии. Если ты нарушаешь равновесие, то неприятности обрушиваются на твою же голову.

Дейв открыл ключом дверь машины, выпустил Дэнни, и тот шлепнулся на сиденье пассажира.

— Не понимаю, Дэнни, — покачал головой Дейв. — Этому ангелу, кем бы он ни был, все сходит с рук, даже убийство. Я не знаю, как его остановить.

Глава 21

Когда во второй половине дня Дейв и Дэнни расстались, Дейв все еще был в шоке. Ему трудно было примириться с мыслью, что большинства его приятелей полицейских уже нет в живых. Он чувствовал себя неприкаянным без здания участка, да и без Риса тоже. Он недолюбливал Риса, но этого от него никто и не требовал. Важно, что он всегда мог рассчитывать на поддержку начальника, а Рис, если дела шли плохо, никогда не боялся принимать решения, даже угрожающие его карьере. Хуже всего, когда начальник ненадежен, наделен комплексом неполноценности. Такие начальники часто принимают непродуманные решения, делают неправильные выводы и тем ставят под удар подчиненных. Рис никогда не проявлял неуверенности. За глаза его ругали, потому что он орал на подчиненных, а не потому что был слаб.

Теперь Дейву некуда было идти. Пока не подыщут временное помещение, он мог делать все что заблагорассудится. Старое здание еще долго будет в ремонте, а когда его приведут в порядок, то скорее всего отдадут другому учреждению.

Бродя по улочкам, он наткнулся на небольшую протестантскую церковь. В отличие от католиков Дэнни и Ванессы Дейв воспитывался как кальвинист в пресвитерианской церкви. Будь он сколько-нибудь верующим, он предпочел бы строгость вероисповедания родителей пышным ритуалам католической церкви. Он вошел в храм и сел на одну из задних скамеек.

В глубине церкви под стрельчатым окном стоял

простой алтарь с латунным распятием. Само окно представляло собой витраж со свинцовыми перемычками, изображавший пастуха и стадо овец. Интерьер церкви подействовал на Дейва успокаивающе, помог унять разброд в мыслях и начать рассуждать трезво.

Ангел — негодяй. Вот кем он был — негодяем, самозванцем. Может, Дэнни прав? Может быть, ангел перешел границу дозволенного? До сих пор он уничтожал демонов, а смертные страдали случайно. Однако пожар в полицейском участке он устроил специально для того, чтобы избавиться от надоедливых комаров — Питерса и Спитца. Даже если десять заповедей неприменимы к ангелам, уничтожение невинных людей не может пройти незамеченным. Одно дело, когда люди случайно погибают в пожарах, направленных на уничтожение врагов небесного воинства, и совсем другое, когда объектом охоты становятся не демоны, а люди.

Ангел воевал, выискивая врагов на чужой для него Земле. Если люди гибнут оттого, что среди них скрываются демоны, то это — неизбежное следствие условий военного времени. Вина тогда ложится скорее на условия войны, чем на самого ангела.

Если же солдаты начинают резать людей, потому что они им мешают, то в таком случае изменяется характер войны: из справедливой она превращается в жестокую и смертоносную.

Ангел в самом деле стал жестоким агрессором. Его высокомерие затмило чувство справедливости.

Дейв стал обдумывать их разговор с ангелом

и последовавшую за ним беседу с Дэнни. Армагеддон. Что если эта война между Добром и Злом — этот сверхъестественный конфликт, как его назвала Ванесса, — длится уже столетия? Возможно, подумал Дейв, демоны находятся среди нас уже долго, может быть, в течение всей нашей истории. Вера и молитва могут защитить нас от демонов, но защиты от ангелов не существует.

Дейв посмотрел на витраж: пастух пас свое стадо, оберегая его от волков. Наверно, у этого пастуха были помощники — псы, хотя и не изображенные на витраже. А если один из псов взбесится и станет грызть овец?

Господи, подумал он, ты — наш пастух. Пожалуйста, Господи, сделай что-нибудь с этим бешеным псом, который появился среди нас.

За этой просьбой стояли вера Дэнни, убеждения Ванессы и ярость Дейва.

Дейв вышел из церкви. Ему было необходимо поговорить с Ванессой. Из них троих она одна читала Мильтона, Данте и других сочинителей, кто мог знать обстоятельства сражений между ангелами и демонами. Конечно, они были поэтами, но сверхъестественные явления тоже лежат за пределами реальных событий.

По пути к Ванессе он зашел в библиотеку, надеясь что-нибудь узнать до разговора с ней. Дейв стыдился собственного невежества. Он взял Библейский словарь и нашел слово «ангел». Из статьи он узнал, что это слово происходит от греческого «angelos», означающего «вестник». Далее было написано, что ангелы — проводники воли Божьей и выполняют три основные функции:

во-первых, передают Его указы («почтальоны», проворчал Дейв); во-вторых, присматривают за Его людьми («пастухи»); в-третьих, несут возмездие Его врагам. Это самое главное. Божественное возмездие — Его врагам, Сатане и демонам. Дейв вернулся к началу описания деяний ангелов и перечитал его. Основные обязанности ангелов — восхвалять Бога, надзирать за Его людьми и быть проводниками Божьей воли. Но означает ли это, что Бог согласился бы на уничтожение человечества при осуществлении возмездия?

Перед уходом Дейв просмотрел несколько художественных альбомов и сравнил варианты представления ангелов художниками, в том числе на картинах Леонардо да Винчи «Благовещение» и «Мадонна в скалах». На обеих картинах ангелы изображены в виде прекрасных созданий с крыльями, причем на второй немного менее мужественными, чем на первой. Как выражается Фокси, похожими на «мэри». Рафаэлевские ангелы оказались слишком нежными. Однако у ангела на картине Верроккьо «Крещение Христа», написанного рукой Леонардо да Винчи, не было крыльев, и он легко мог сойти за мужчину. Без нимба он был бы очень похож на врага Дейва и Дэнни. Возможно, этому тщеславному ангелу удалось внедрить свой образ в подсознание Леонардо? А может быть, все ангелы выглядят так? На эти вопросы, к сожалению, можно было ответить только новыми вопросами.

Когда Дейв подошел к дому Ванессы, было уже поздно. Из дома не доносилось ни звука. Пока он разбирался с ключами, которые дала ему Ванесса,

в вестибюль вышел управляющий — один из тех людей, которые убеждены, что их постоянно бьет жизнь, хотя они заслуживают лучшего, и которые в силу этого ненавидят все человечество. Любой другой, чья жизнь была устроена намного лучше, чем у него, по его мнению, добился этого лишь потому, что топтал себе подобных. И он, когда только мог, старался вредить счастливым. Это было единственное занятие, которое доставляло ему удовлетворение. Он очень любил вызывать раздоры.

— Вы в двадцать седьмую? — спросил он Дейва.

— Может быть. А вам какое дело.

Управляющий усмехнулся.

— Никакого. Только вам, должно быть, будет интересно узнать, что у нее уже кто-то есть. Молодой парень. Моложе, чем вы.

Управляющий снова усмехнулся и шаркающей походкой направился к себе, зная, что сделал свое дело — доставил кому-то неприятность.

Дейв провожал старика взглядом и гадал, разыграл ли тот его или у Ванессы действительно кто-то есть. Разумеется, у нее было полное право поступать как заблагорассудится, но его удивил укол ревности, который он почему-то вдруг ощутил. Конечно, управляющий присочинил. Молодой человек. Моложе тебя. Может быть, он вошел к ней против ее воли?

Тебе так хочется, подумал Дейв, и повернулся, собираясь уйти, но, не дойдя до двери, вновь направился к квартире Ванессы. Он посмотрел, закрыты ли соседние двери, потом приложил ухо

к стене. Он различил два голоса, один из них был мужской. С каждой секундой Дейв распалялся все больше и больше.

Он осторожно вставил ключ в замок, повернул его и тихо открыл дверь.

В квартире был полумрак. Голоса доносились из спальни, дверь в которую была приоткрыта. Представляя себе, что он сейчас увидит, и стыдясь самого себя, Дейв подкрался к двери и заглянул в узкую щель, потихоньку растворив дверь пошире.

Ванесса сидела на кровати полностью одетая, а рядом с ней стоял молодой человек лет семнадцати. Парень был худ и смугл, с длинными, до плеч, волосами. На нем были бордовая куртка с изображением тигра на спине, джинсы и грязные кроссовки. Парень что-то держал в руке, и хотя сцена оказалась не такой, какую ожидал увидеть Дейв, дело принимало серьезный оборот.

В руке у парня был пистолет, дуло которого он приставил к виску Ванессы. Рука мальчишки сильно дрожала.

Дейв на мгновение застыл, не зная, что предпринять. Если парень сейчас повернется, Дейв окажется совершенно беззащитным. Он стал лихорадочно искать выход.

Постепенно его мысли пришли в порядок, оцепенение прошло. Он вспомнил десяток способов выхода из таких ситуаций — частью проверенных на собственном опыте, а частью известных из рассказов коллег. Любое действие таило в себе опасность, в таких случаях важно знать характер преступника, но именно этого Дейв не знал. Он видел парня впервые. Дейв решил дать понять

мальчишке, что если тот выстрелит, то в ту же секунду умрет сам. Если только парень не законченный психопат и заботится о собственной жизни, этот прием должен сработать.

Дейв достал из кобуры пистолет, мысленно умолая: «Не стреляй пока, детка. Подожди. Подожди».

— Только попробуй нажать на курок, парень, и я размажу твои мозги по стенке, — негромко сказал он, широко распахивая дверь.

Парень подскочил сантиметров на двадцать, а Ванесса испуганно вскрикнула. К несчастью, пистолет все еще был нацелен на Ванессу, хотя ствол опустился. Если парень выстрелит, то пуля попадет ей в грудь. Только сейчас Дейв понял, что парень от неожиданности вполне мог нажать на курок в момент его вторжения.

— Опусти пистолет, медленно и спокойно, — сказал Дейв. — Дернешься — и тебя нет.

Дейву казалось, что прошла вечность, прежде чем его слова дошли до парня. Опыт подсказывал Дейву, что у парня в крови столько адреналина или еще какой-то гадости, что он соображает только наполовину. Руки у парня дрожали, по лицу струился пот, зрачки были расширены. Каждое сухожилие, каждый мускул были напряжены, нацелены на действие. Одна ошибка, одна случайная помеха, вроде сирены с улицы, телефонного звонка, стука в дверь или даже крика из соседней квартиры, могла привести к выстрелу. Все нужно было делать с величайшей осторожностью, как если бы ты срывал цветок или ловил руками бабочку.

— Где ты, мальчик? Вернись к нам. Спокойно, спокойно. Расслабься. Опустит пистолет, брось его.

Однако тонкие пальцы юноши все еще крепко сжимали рукоятку пистолета. Дейв тихо выругался, не сомневаясь, что имеет дело с наркоманом. Некоторых из них удастся запугать, головы у них словно засорившаяся канализация, ожидающая прихода водопроводчика. Но это был особенно тяжелый случай.

— Полегче, мальчик, полегче, — протяжно приговаривал Дейв, — не волнуйся. Осторожно положи пистолет. Ничего не случится, если ты сделаешь все как надо. Давай.

Парень с шумом выдохнул и вздрогнул, испугавшись звука собственного дыхания. Дейв понял, что парень не дышал с того момента, как он вошел.

— Не стреляй, — сказал мальчик.

Это был хороший знак. По крайней мере парень осознал, что его жизнь в опасности. Дейв не знал, как парень собирается выпутываться из этой ситуации, но умирать он явно не хотел. Внезапно пистолет в руке молодого человека дрогнул и слегка повернулся. Теперь оружие было направлено на туалетный столик, и Дейву представилась возможность выстрелить в парня, прежде чем тот повернется и спустит курок. Другой полицейский непременно так бы поступил и был бы оправдан судом, но Дейва не зря прозвали Матерью Терезой.

— Опустит пистолет, сынок. Сейчас же.

Юноша наконец послушался Дейва.

Дейв сделал шаг вперед и ногой отбросил оружие. Маленький итальянский пистолет ударил-

ся о стенку и негромко выстрелил. Пуля попала в штукатурку. Дейв понял, что этот пистолет мог выстрелить при самом слабом нажиме на курок.

— Господи, — прошептал он.

Юноша искоса взглянул на Дейва и, увидев на его лице ярость, съежился от страха, очевидно ожидая немедленного наказания, как ребенок, случайно опрокинувший на стол чашку кофе. Он ойкнул и закрыл лицо руками.

Дейв обливался потом, его руки стали липкими, но постепенно он почувствовал облегчение. Ему удалось не убить, тем более такого юнца. По понятиям Дейва, не было худшего преступления, чем убийство ребенка.

— К стене, — рявкнул он.

— Она заставила меня, — закричал парень. — Она сама заставила меня!

— К стене!

На этот раз парень послушался, повернулся лицом к стене и заплакал. Ванесса пришла ему на помощь; слова так и лились из нее:

— Он прав, Дейв, я просила его мне помочь. Ты помнишь, мы говорили об этом, и ты не захотел мне помочь, поэтому я решила попросить другого.

— О чем ты? — резко спросил Дейв.

— Мы же говорили об этом, Дейв. Один из нас должен умереть, чтобы попасть к повелителям ангела, и это должна быть я. Иначе ангела не остановить.

Мальчишка обернулся и посмотрел на них. По его лицу текли слезы.

— Вы психи, — закричал он, — оба. Сумасшедшие ублюдки! Что вы со мной сделаете?

Дейв слегка толкнул его в спину.

— Убирайся. Увижу тебя еще раз — ноги переломаю. Ты понял?

Парень вопросительно взглянул на Ванессу, очевидно не веря, что его отпускают.

— Иди, Джой, — сказала она.

Джою не нужно было повторять в третий раз, он выскочил из спальни, словно кролик, за которым гонятся собаки. Потом хлопнула дверь; судя по звукам шагов, парень бежал через три ступеньки.

В комнате воцарилось молчание. Потом Дейв убрал свой пистолет и покачал головой. Он сердился на Ванессу не только потому, что она пыталась покончить с собой, но и потому, что хотела использовать для этого мальчишку. Сейчас не время ее ругать. Она устала и измучилась. Неотвратимость смерти ушла, но возвращение к жизни было мучительным: замедленное сердцебиение сменило бешеной болезненной пульсацией, голова горела.

— Ванесса, — вздохнул Дейв, — почему ты хотела себя убить?

— Потому что...

— Нет, почему именно? Почему на самом деле?

Она упала на кровать, уставилась в потолок и бессвязно забормотала.

— Я не знаю, да, я знаю, я была с тобой счастлива, но это не может долго продолжаться, так не бывает, это всегда проходит, смотри, — она

обнажила локоть, — я даже перестала себя прижигать, ты меня излечил, я больше не поджигаю кровати, даже не гашу о себя окурки, ты единственный, с кем я могу заниматься любовью, не наказывая себя, и это странно, потому что ты во многом похож на моего отца, но не думай, что это было поводом к сближению, что все напоминающее о нем делает меня еще хуже, это не так, может быть, потому, что он уже умер, сгорел заживо, а такого ведь ни с кем не бывает дважды, я не знаю, я только знаю, что счастлива сейчас, и что именно сейчас лучшее время уйти, когда ты на вершине, а не тогда, когда в отчаянии и ненавидишь весь мир...

Дейв прикоснулся к щеке Ванессы.

— Ванесса, я чуть не убил мальчика. Я чуть не пристрелил его.

Она посмотрела ему в глаза.

— Нет, ты не сделал бы этого. Ты на такое не способен, Мать Тереза.

Дейв нахмурился.

— От кого ты слышала это прозвище?

— От Мановича, — улыбнулась Ванесса.

— Значит, от него, — кивнул Дейв. — Может быть, ты и права, но мы отклоняемся от темы. Сейчас главное, что ты собиралась покончить с собой. Сама или с чьей-либо помощью — не имеет значения. Никто не говорит, что мы будем вместе всегда, но прошу тебя, не рви наших отношений. Я получаю от них радость.

— Я действительно... тебе нужна?

— Ты нужна мне больше, чем кто-либо другой на этом свете. Когда управляющий сказал, что у

тебя в комнате кто-то есть, я понял, что очень хочу, чтобы ты была со мной — была моей. Ты не представляешь, какие муки ревности я испытал. Я испугался. Я не думал, что отношусь к тем людям, которые могут так ревновать. Мне хотелось убить парня раньше, чем я увидел в его руке пистолет. Когда я все понял, мне стало даже легче. Как в старом анекдоте, я ожидал увидеть нечто худшее, чем сама смерть. Я думал, что вы... в общем, это неважно.

Она слабо улыбнулась и взяла его за руку.

— Можешь не говорить. Я понимаю.

Воображаемая картина возбудила Дейва. Он смутился и хрипло спросил ее, нет ли у нее желания заняться любовью. Она сказала «да», разделась, они нежно и страстно обнимали друг друга, а потом она заплакала. Он понимал, что лучше не спрашивать ее о причине слез, потому что по опыту знал: она сама этого не знает. Дейв просто прижимал ее к себе, пока она не успокоилась. Он давно осознал, что не на все вопросы о человеческих эмоциях существуют ответы. Они лежали в темноте и разговаривали.

— Сегодня сгорел наш участок, — сказал он.

— Знаю, я слышала в новостях.

— Так много наших ребят...

— Знаю, знаю.

— Он совершил ошибку, Ванесса, я чувствую это. Дэнни догадался первый, но я сразу с ним согласился. Ангел переступил границу дозволенного. В здании не было демонов; он спалил его просто для того, чтобы убить меня и Дэнни.

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Я надеюсь, это к чему-то приведет... не знаю, может, на него обратят внимание наверху.

— А как же твоя месть? — спросила Ванесса.

— Черт с ней, с местью. Я только хочу, чтобы он убрался отсюда. Пусть его накажут, как у них принято. Надо немедленно прекратить это безумие. Нужно восстановить разрушенное, успокоить людей и начать вылавливать поджигателей, когда уйдет их учитель.

— А как поведут себя демоны? Они будут по-прежнему буйствовать?

— Они уже много лет среди нас, из них только один-два изредка вредят нам. Не забывай, что сейчас они скрываются и стараются не высовываться. Они вроде нацистских преступников, прячущихся в Южной Америке. Они должны хорошо себя вести независимо от того, какими порочными и жестокими были в родных краях. Демоны скрываются не только от ангела, но и от небесного ока.

— Когда ты все это обдумал?

— Сегодня вечером, в церкви. Может быть, кто-то подумал за меня и вложил это мне в голову. Понимаешь?

— Если у тебя еще будет разговор с Иисусом, обязательно Расскажи мне о нем.

Он не ответил, потому что не знал, что сказать.

Манович был в хорошем расположении духа. Он ехал на своем автомобиле вдоль набережной и остановился посмотреть на бухту. Вдали виднелись огни местной достопримечательности — тюрьмы Алькатрац, где голос Леона Томсона, по прозвищу

Блондинчик, некогда отбывавшего долгий срок заключения, теперь рассказывал туристам об ужасном и позорном прошлом островной тюрьмы. Блондинчик был известен во всем мире. Японцы и китайцы, европейцы и австралийцы, новозеландцы и жители Раратонги, Таити, Мальдивских островов, Африки и Южной Америки жадно прислушивались к записанному на магнитофонную пленку голосу Блондинчика.

Значит, подумал Манни, никогда нельзя знать, как все обернется в будущем. Вчера Томсон был дешевым плутом, его все презирали, а сегодня его голос звучит наравне с голосами тюремной охраны. Стало быть, история есть история, и вчерашний хулиган сегодня может стать героем. Если сегодня ты совершил какую-нибудь пакость, то завтра за это тебя могут прославить. Сегодня никто не задумывается о том, что Блондинчик был преступником. Люди считают его жертвой несправедливости.

Поверни Манни голову налево, он увидел бы огни моста через пролив Золотые Ворота. Посредине моста горела машина, ставшая для кого-то погребальным костром. Манни только что слышал по радио, что внезапно взорвалась и загорелась машина, за рулем которой сидела женщина. Огонь осветил конструкции моста и стальные тросы. В пожарах было что-то прекрасное, что-то почти волшебное.

Манни чувствовал себя легко и спокойно.

Он слышал, что сгорело здание полиции, и был рад, что этих двух сукиных сынов, Питерса и Спитца, там не было. Значит, они еще живы.

Манни не хотел, чтобы двое полицейских погибли в пожаре, устроенном не им. Он мечтал расправиться с ними сам, своим способом.

— Ублюдки, — пробурчал Манни. — Я разделюсь с ними поодиночке. Стало быть, получу двойное удовольствие.

После неудачной попытки поджечь быстро Фокси он уже придумал другой план. Эти кретины так просто от него не отделаются. Однако торопиться не надо. Если убить их слишком быстро, он не успеет насладиться. Мертвец есть мертвец, тогда все удовольствие кончится.

Внезапно Манни стало жаль себя за те обиды, которые ему нанесли. Люди часто обходятся с ним несправедливо, унижают его. Особенно женщины. Эта сука Вангелен умрет в муках, медленно. Ей он вырвет глаза, рассечет горло и будет смотреть, как она истекает кровью. Никакой быстрой смерти для Вангелен. Кровь будет медленно вытекать из нее, пусть она видит это, пусть попробует тогда что-нибудь сказать.

— Я им покажу, — всхлипнул Манни. — Я им всем покажу.

Глава 22

Людям неведомы жизнь ангелов и способы их общения. Проявление ощущений ангелов может быть таким же громким, как звук трубы. В глубине души ангел понимал необходимость вернуться домой, однако старался не замечать этот призыв и терзался от раздвоенности чувств.

Смертные искали пути к его повелителям, чтобы рассказать о его преступлениях, — пустая затея.

Смертные не знали, что ангел сам собой повелевает, сам является себе судьей. Он изучает собственные побуждения, решает свою судьбу. То, что он совершил неосознанно, можно простить, но тому, что сделано обдуманно, а потом признано преступным, должен быть вынесен его собственный приговор.

Ангела мучили преждевременность призыва, несправедливость судьбы, заставлявшей его оставить свое дело, когда он еще не рассчитался с врагами. Расстроенный и озлобленный, ангел не спешил отправляться, хотя знал, что отсрочка повлечет наказание, которое будет соответствовать его собственной оценке того, насколько далеко он зашел, насколько сильно запятнал себя.

Промедление с отправкой домой было даже более серьезным проступком, чем нарушение небесных законов. Приказ вернуться пришел, а ангел все еще оставался на Земле. Он как одержимый шел к своей гибели. Неизбежность его падения, казалось, была predetermined. Ангел хотел уйти, спасти себя от грехопадения, но не мог, ибо злоба привязала его к Земле.

Наконец, он непозволительно долго выжидал. Теперь было слишком поздно.

Непослушание для ангелов — смертный грех. Из-за непослушания пал Люцифер. Он перешел в своих желаниях грань дозволенного, возвысил себя над собой, и его высокомерие засияло ярче, чем самая его суть.

Ангел понимал, что сам был причиной своих бед. Он творил зло, и наказание должно быть суровым.

Ангелы падают сами, их никто не сталкивает.

Жофизля тоже не сбрасывали; он сам перешел границу дозволенного. Он бессознательно шел к своей гибели. Таковы неумолимые противоречия власти личности над собой, когда она и собственный защитник, и собственный суровый судья. Крошечное зерно самомнения начинает процесс разложения из самой сердцевины; тогда разум сначала слабеет, а затем и меркнет окончательно.

Конечно, заповеди Моисея предназначены для людей, а не для ангелов. Однако ангел затеял на Земле беспрецедентную бойню. Он мог оправдывать свои действия усердием, просить о милости, напоминать о смягчающих обстоятельствах: пыле битвы, погоне за демонами на границе между небесами и адом, которую он несколько раз неосознанно переходил. Но не теперь, теперь было слишком поздно. У ангела уже не было уверенности в своей правоте. Он находился на Земле слишком долго и уничтожил слишком много этих ничтожных тварей — людей.

Правда, он должен признать, что всегда был немного высокомерным, немного самонадеянным.

Он не раз замечал за собой излишнюю гордыню. Однажды гордость подсказала ему, что у него высокое предназначение, и нетерпение доказать это привело к чрезмерному усердию как в небесных, так и в земных делах. Теперь над ним нависла угроза падения.

Обнаженный ангел сидел на голом полу заброшенного дома; его плечи опустились, спина согнулась, голова упала вниз. Он прикрыл свое прекрасное лицо длинными, тонкими пальцами. Сидя на скрещенных ногах, он походил на еще невылупившегося птенца, который в яйце ждет своего появления на свет.

Внезапно в его пояснице что-то шевельнулось, отдавшись невыносимой болью. Боль началась под животом, в гладком месте между ногами, а затем распространилась по всему телу, проникла в мозг. Она, как иголками, пронзала его плоть, словно кто-то дергал у ангела нервные окончания.

Такие муки он переживал впервые в жизни. Что-то росло у него между ног, вызывая чудовищное жжение. Плоть выпирала тяжелым бутоном, который, набухая, разворачивался в цветок. Ангел задрожал от ужаса и страха, издавая душераздирающие вопли.

Физическая боль, душевная боль.

Изменялось не только тело ангела, но и его дух. В то время как у него между бедрами, словно большой отвратительный плод, росли половые органы, душа его тоже покрывалась язвами, которые горели, как ожоги кислотой. Нечто между ног выросло до чудовищных размеров и выпирало наподобие ветки дерева, окруженной морщини-

стым мешком, а тем временем дух ангела усыхал, как кожа на мумии.

Теперь его переполняли дотоле неизведанные эмоции: ужас и ненависть, страх и угрюмая подозрительность, враждебность и злоба и много других странных недобрых чувств. Он ощущал отвратительные приливы похоти, тяжелое давление неудовлетворенного желания, отчаяние от неудавшегося мщения. У него появились запросы, которые нужно было выполнять, капризы, которым нужно было потакать. Все эти страсти наполнили его душу и тело, как крошечные демоны, соперничающие за власть над падшим ангелом. Вопя своими тоненькими голосами, они старались привлечь его внимание.

Муки превращения продолжались много земных часов, в течение которых ангел взывал к милосердию, плевался и рычал от ярости, проклинал всех ангелов и людей, призывал смерть на головы своих врагов, изрыгал проклятья и давал ужасные клятвы. Когда все закончилось, ангел почувствовал себя отвратительным, мерзким существом, лишенным прежней чистоты души и плоти. Внешне он изменился очень мало. За исключением огромного полового члена, других недостатков не было. Все же он чувствовал себя страшным, нелепым чудовищем.

Ему было горько, что все так обернулось. Он вспомнил, что вначале не намеревался производить на Земле столь ужасные разрушения, не хотел убивать множество смертных. Он только уничтожал демонов; такова была его задача с тех пор, как пал Люцифер и началась война.

Когда смертные умирали в пожарах, он не думал, что причиняет им ужасные страдания. В конце концов, смерть освобождает дух, душу из тюрьмы телесной оболочки. Разве это плохо? Чего он не учел, — потому что не имел об этом никакого представления, — так это причиненных погибшим физических страданий и горя, доставленного живым. Ангелы не испытывают ни моральной, ни физической боли, поэтому он ничего не знал.

Было ли это ошибкой? Мог ли он все предусмотреть? Он знал, что боль существует, но не считал нужным изучить ее. Равнодушие стало причиной его падения, и он горько сожалел о содеянном.

Еще он винил тех двух смертных, полицейских. Он совершил роковую ошибку, когда разыскивал их и пытался убить. Это злонамеренное действие разрушило его дух.

Проклятье этих полицейским, проклятье их душам.

До сих пор слова «проклятье» не было в лексиконе ангела. Оно было подарено ему полицейскими, потому что они освободили истинные эмоции, таившиеся в глубине его души, и отняли у него свет Божий. Теперь он был обречен на тьму — так его наказали за непослушание. Те, за кем он охотился, стали его товарищами по несчастью. Он превратился в того, к кому питал отвращение, — падшего ангела, демона — и осознал, что ненависть — единственная их общая черта.

Демоны не знают любви, они ненавидят, и больше всего ненавидят тех, кем они стали: своих товарищей падших ангелов и Дьявола. Они сле-

дуют заветам Сатаны и в то же время ненавидят его. Они ненавидят мир, жизнь, всех, исключая Бога, потому что Бога нельзя ненавидеть, его можно только бояться. Бог недосыгаем для всех чувств, кроме любви.

Он вышел из-под милости Божьей.

Он стал демоном.

Он получил имя.

Нэтру.

Его называли Нэтру.

Способность молниеносно перемещаться в пространстве исчезла. Его тело из костей, мяса и крови стало уязвимым.

Теперь он боялся огня. Его оружие теперь могло быть использовано против него.

В сгущающихся сумерках Нэтру пошел к гавани. Он был недоволен медлительностью своих движений. Все еще быстрее любого смертного, он стал улиткой по сравнению с тем, как мог перемещаться раньше. Туман окутывал металлические решетки и опоры мостов. Он облокотился о парапет и стал смотреть на быстрый поток. Первым делом он хотел найти Малоха и отомстить ему, а потом взяться за полицейских, Питерса и Спитца.

— Эй, ты!

Нэтру повернулся и увидел трех молодых людей в широких куртках. У каждого было оружие. Высокий негр держал охотничий нож с широким лезвием. Широкоплечий сжимал короткий обрезок свинцовой трубы. Третий — блондин с длинными конечностями и лицом обезьяны — держал в руке маленький пистолет.

Обезьяна, по-видимому их предводитель, спросил:

— Ну и что ты здесь делаешь?

Нэтру вздохнул и отвернулся, не считая нужным отвечать.

— Эй!

Нэтру снова обернулся.

— Убирайтесь, не напрашивайтесь на неприятности. У меня нет времени на всякую чепуху.

— Нет времени? — переспросил Обезьяна. — Вот дерьмо. Брось кошелек и часы.

— У меня нет ни того ни другого.

Парень с обрезком трубы шагнул вперед, размахивая своим оружием.

— Я тебе руки переломаяю, мистер.

Нэтру потерял терпение. Он перехватил руку с трубой и мгновенно сломал ее. Парень не успел даже вскрикнуть, потому что Нэтру взял его за челюсть и сжал руку так, что ногти вонзились в лицо парня, челюсть хрустнула, раскололась, а белые осколки костей пробили кожу и вышли наружу.

Одной рукой Нэтру легко оторвал парня от земли и через парашют бросил в воду. Парень сначала ушел на дно, потом всплыл лицом вниз. Течение понесло его в открытое море.

Обезьяна бросился к парашюту, заглянул вниз. Его товарища уносило течением.

— Господи, ты убил его! — закричал он прерывающимся голосом. — Чертов ублюдок, ты убил Джоя. Он был хороший парень, а ты...

Речь парня превратилась в нечленораздельные

звуки, которые, наверно, были словами, но настолько искаженными, что Нэтру ничего не понял.

— Я предлагал вам обратиться.

— Сейчас я тебя самого уберу.

Обезьяна резко повернулся и выстрелил. Пуля попала Нэтру в щеку и вышла из затылка. Резкая боль пронзила его череп, зрачки непроизвольно расширились. Это было неприятно. Гнев демона перешел в бешенство.

Он мгновенно оказался рядом с Обезьяной, вырвал пистолет, растоптал его, потом ударил парня кулаком по темени с такой силой, что череп раскололся. Голова превратилась в кровавое месиво, и тело Обезьяны рухнуло на бетон.

Оставшийся член тройки, высокий негр, повернулся и побежал. Нэтру наклонился, вырвал бордюрную плиту и метнул ее вслед убегающему, как если бы это был кусочек шифера. Плита ударила парня чуть ниже правого локтя, срезав нижнюю часть руки. Парень продолжал бежать. Кровь била струей из раны, он кричал, но продолжал бежать.

Нэтру не стал его преследовать, нагнулся, взял тело второго налетчика и швырнул в воду.

Потом он пощупал лицо пальцами и обнаружил, что рана почти зажила.

— Агрессивные люди, — пробормотал он. — Почему все эти люди такие агрессивные?

Нэтру направился в район, где можно было найти такую компанию, в которой любили скрываться демоны. Он не беспокоился, что его узнают. Недавно он был ангелом-мстителем, но теперь стал обычным демоном. Он лишился своего

благоухания. Аромат, который он испускал, будучи ангелом, и который перебивал зловония этого мира, теперь стал ему не нужен. Демонам, за которыми он охотился, будет нелегко его узнать, так как прежде они видели только его ауру. В любом случае они будут рады, что он перестал охотиться за ними. Они будут ненавидеть его так же, как и все остальное, но не станут из кожи вон лезть, чтобы убить его. Большинство демонов — апатичные твари, которым приятнее барахтаться в собственном дерьме, чем охотиться за врагами и уничтожать их. Положение демона имело свои преимущества. Их было немного, но они были. Нэтру использует их всех.

Потеряв способность летать, он быстро шел, и все же самая быстрая ходьба была для него чем-то вроде движения черепахи. Прежнее сияние исчезло. Потеряв способность излучать свет, он нес в себе тьму.

Он долго кружил по незнакомым улицам и наконец вышел к сгоревшему универсальному магазину, который сам когда-то поджег. Туда больше не забрел бы ни один демон, потому что там чувствовался запах смерти одного из них. На пепелище он нашел место, где мог скрыться от назойливых взглядов. Здесь, среди промокшего хлама, среди сновавших крыс, он оплакивал свое прежнее величие.

Он не мог больше говорить языком ангела и много раз хриплым голосом демона выкрикивал проклятья своим врагам. Его внутренняя красота улетучилась, и ее место заняло уродство, внушавшее отвращение ему самому. Там, где прежде

находился его прекрасный дух, теперь была какая-то гадость, похожая на усохший грецкий орех в скорлупе. Сознать это было тяжело и горько.

— Верните мне мою славу! — выкрикивал он.

Но никто не слышал его, кроме одичавших котов, которые фыркали и шипели на это исчадие тьмы с безопасного расстояния. Их шерсть стояла дыбом, а рты презрительно кривились.

— Вы украли у меня свет!

Свет действительно исчез, но его не украли, он был растрочен попусту.

Глава 23

Дейв спал беспокойно, то в тревоге просыпаясь, то опять проваливаясь в глубокий сон. Его разбудил телефонный звонок Дэнни. Светящийся циферблат будильника поблескивал в темноте. Часы показывали 3.31. Некоторое время Дейв молчал, потом прохрипел в трубку:

— Да, да, это я. Что случилось?

Дэнни ответил не сразу, и Дейв понял, что произошло что-то серьезное.

— Он... он убил Риту, — наконец донесся до него запинаящийся и полный отчаяния голос Дэнни.

Дейву не нужно было объяснять, о ком идет речь. Он снова лег на спину и уставился в потолок.

— Дэнни, — сказал он наконец. — Я сожалею. Как это случилось?

— Она была в такси. Машина взорвалась. Она и шофер сгорели дотла. Произошла большая авария. Погибло много людей.

Дейв перебирал в уме другие возможные причины.

— Ты уверен, что это он? Может быть, кто-то подложил обычную бомбу? А может, это был просто несчастный случай? Такое бывает, ты же знаешь.

— Это он, я знаю, что он. Свидетели говорят, что видели столб белого огня. Не надо себя обманывать. Он убил Риту из-за нас. Этот сукин сын, ангел, уничтожает невинных людей, которые стоят у него поперек дороги.

Дейв кивнул, забыв, что Дэнни его не видит.

— Дэнни, ты как? Я хочу сказать...

Голос на другом конце провода звучал уныло: так же, как у него, когда он говорил о себе после смерти Челии. С этакой свинцовой интонацией, которая внушает вам мысль, что говорящему на все наплевать, решительно на все. И если бы вы сказали, что вот-вот настанет конец света, он мог бы ответить: хорошо, прекрасно, в котором часу?

— Да, да, я в порядке. Я только чувствую, что внутри все умерло, понимаешь. Единственное, чего мне сейчас хочется, — это свернуться в клубок, заснуть и все забыть. Помню, я читал про каких-то парней, которые работали в Антарктиде. Однажды они так замерзли, что им захотелось заснуть и никогда не просыпаться. Я чувствую то же самое. Очень холодно, и я очень устал. Сейчас, пожалуй, я покурил бы «крэка». У меня появилось бы место, куда я мог бы уйти, в воображаемую землю, где не умирают близкие тебе люди... — Дэнни заплакал.

— Дэнни... — начал Дейв.

Дэнни долго молчал. Дейв подумал, что его друг забыл повесить трубку.

— Дэнни?

Теперь голос дрожал от ярости. Дэнни едва выговаривал слова. Дейв представил себе его лицо, окаменевшее и красное от гнева, как тогда, когда они обнаружили в мусорном контейнере тело изнасилованной шестилетней девочки с перерезанным горлом.

— Я доберусь до этого урода, чего бы это мне не стоило. Мы с Ритой не так любили друг друга, как вы с Челией, но мы приближались к этому, понимаешь? Она была большим ребенком, и этот

ублюдок заплатит за все или я сам суну свою голову в мясорубку.

— Мы отомстим ему, Дэнни. Мы отомстим ему за Челию и Риту. Мы найдем способ. У него обязательно должно быть слабое место.

— Когда я до него доберусь, у него будет не одно слабое место.

— Да, так и будет. Так и будет.

Дейв понял, что Дэнни взял себя в руки и успокаивается. Дэнни медленно распалялся, но быстро успокаивался. Поэтому он был хорошим партнером. Он не терял головы в самых сложных ситуациях. Он мог выйти из себя, но его гнев быстро проходил, и он принимал взвешенное решение еще на месте преступления.

— Нужно организовать похороны Риты, того, что от нее осталось. Нужно позвонить ее матери. Неприятные занятия, но надо делать.

— Крепись. Скоро увидимся.

— Пока.

Неожиданно Дейву пришло в голову нечто такое, от чего он вздрогнул.

Толстый студент в заднем ряду опять заснул, зато его антипод с тощей бородашкой, которую он отращивал, чтобы казаться более зрелым, был, как обычно, начеку. Семинар Ванессы был посвящен природе зла. От этой парочки у Ванессы постоянно болела голова, потому что один из них никогда не обращал внимания на то, что она говорила, зато другой был чрезмерно внимательным. Редкая Бородашка был одним из тех, кто всегда садится на первый ряд и в любую секунду готов возразить

преподавателю, что бы тот ни говорил. Он считал, что нет никого осведомленнее его по любому вопросу.

— Несомненно, — начал Редкая Бороденка, — злом является то, что мы, общество, называем таковым. Если мы считаем убийство злом и верим этому, значит, убийство — зло. Но если бы убийство стало общепринятой формой борьбы с перенаселением или своего рода ритуалом, как у ацтеков, то оно не было бы злом, не так ли? А возьмите войны? Людей считают героями, если они убивают на войне.

— Речь идет не просто о лишении жизни, а об убийстве, о незаконном лишении жизни. В любом случае, разве вы не верите, что у нас есть врожденное чувство морали? Вы сказали, что убийство на войне поощряется, но значит ли это, что люди, которые убивают, не испытывают чувства вины или жалости? Лично я думаю, что если бы *Homo sapiens* не обладал прирожденным пониманием того, что есть добро и что есть зло, то это было бы трагедией.

Студент был явно доволен собой.

— Леди, трагедия уже разворачивается. Вы читаете газеты? Сейчас ведется десяток войн, и каждую минуту совершается убийство.

Ванесса попыталась остудить пыл студента.

— Я не леди. Для вас я — мисс Вангелен.

Юноша пожал плечами и оглянулся по сторонам, как бы обращаясь за поддержкой; поддержки он не нашел и тем же тоном продолжал:

— Хорошо, пусть будет мисс Вангелен. Извините, я не знал, что это для вас — большой вопрос.

Она подошла к нему, наклонилась, опершись о стол обеими руками, так что ее губы оказались у самого уха всезнайки и остальные студенты не могли ничего услышать.

— Слушай, ты, маленькое дерьмо, мой приятель — полицейский, детектив, и я думаю, ему будет интересно узнать, что ты прячешь между страницами книжки о тропических рыбах. Понимаешь, о чем я?

Юноша побелел, его бороденка затряслась.

— Я не... — начал было он, но Ванесса, не повышая голоса, прервала его:

— Слушай, наркоман, даже если он ничего не найдет, он займется тобой, если я этого захочу, — знаешь, что тогда будет? Придется посотрудничать с полицией или получить по башке! Простой выбор.

Он быстро кивнул, и она вернулась на свое место.

Сказанное Редкой Бороденкой было уместно и имело смысл, но он говорил таким тоном, что ей захотелось разбить его череп о кирпичную стену. Он был слишком самодоволен, слишком насмешлив и вызывающе самонадеян.

Она перешла к следующему вопросу.

— Существуют проблемы, связанные с религией и злом. Если Бог всемогущ и всеведущ и сотворил все, включая его самого, то он должен был создать и зло, не так ли?

Редкая Бороденка хотел было возразить, но, вспомнив ее угрозу, опустил на место и стал крутить пальцами карандаш. Этим трюком овладели все студенты: карандаш вращался, как про-

пеллер. У Ванессы ничего похожего не получалось, поэтому она решила, что студенты, должно быть, часами тренировались в этом бесполезном искусстве. Студентка, девушка в коричневых роговых очках, сказала:

— Может быть, это было косвенным творением, последствием? Может, зло изобрело человечество? Да, Бог сотворил человека, но он создал его несовершенным, способным ошибаться, учиться на своих ошибках и использовать свободу воли, — имея свободу воли, человек и изобрел зло.

— Хорошо, — сказала Ванесса. — Есть другие мнения?

Редкая Бороденка принял ее слова за приглашение снова вступить в дискуссию.

— Зло — это нечто такое, что не может быть изобретено. Вы представляете его так, как если бы оно было осязаемым предметом или чем-то похожим на воздух. Зло — это совершение дурных поступков.

Ванесса уловила нотку уважения в голосе юноши и позволила ему вновь включиться в игру.

— Так ли? Разве преступления, совершенные хорошим человеком, лучше тех, которые совершил плохой?

— Именно это я и имел в виду, — сказал юноша огорченно. — Вы называете кого-то злым, не определяя, что есть зло.

— Хорошо, пойдем этим путем. Представьте церковного регента, который всю жизнь помогал людям, а теперь старого и немощного, бедного и нуждающегося, который вдруг сорвался и ограбил банк; при этом погиб кассир. До этого поступка

он был всеми уважаемым человеком, прекрасным в общении и любимым всеми близкими. Он проклинает свое временное заблуждение и клянется, что это никогда не повторится.

Его соучастником в убийстве был парень, который растранижил сбережения своей матери и в конце концов полностью ее разорил. На его счету участие в драках между уличными бандами, мелкие кражи и сексуальные преступления, но он ни в чем не раскаивается, смеется над судьей и судебными чиновниками, грозит расправой присяжным, если те признают его виновным.

Можно ли считать второго подсудимого носителем большего зла, чем первого? Можно ли регенту вынести более мягкий приговор, если суд объявит их обоих виновными?

Редкая Бороденка был непреклонен.

— Если оба участвовали в убийстве кассира, проходят по одному делу, то должны понести одинаковое наказание. Прежняя жизнь и их отношение к преступлению не имеют значения. Значение имеет только существо поступка, и больше ничего. Ты совершил злодеяние, значит, ты — злодей.

— Да, но... — начала Ванесса.

Голос с порога прервал ее.

— Я согласен с молодым человеком. Я полагаю, хороший человек должен быть наказан более сурово, потому что он более опасен.

Рассерженная Ванесса повернулась и увидела опершегося о дверной косяк Дейва.

— Возьмем, например, этого негодяя ангела,

который явился на Землю и стал сжигать людей живьем. Разве он меньший злодей, чем демон, который делает то же самое? Я полагаю, что он больший злодей, потому что должен защищать добро и принципы справедливости. Ангел с нечистыми намерениями подобен полицейскому с запачканным значком — этим он подрывает свой авторитет. Вы не обращаетесь за защитой к демону или преступнику, потому что они не могут ее гарантировать, но ангел и полицейский призваны бороться со злом, а не пятнать себя им. Мы ослабляем бдительность, находясь рядом с ангелами и полицейскими, поскольку доверяем им. И если они злоупотребляют нашим доверием, то не просто становятся на уровень демонов и преступников, а опускаются еще ниже.

Ванесса опустила голову и улыбнулась.

— Спасибо, сержант. Отличное выступление.

— Пожалуйста.

Ванесса повернулась к Редкой Бороденке.

— Джон, хочу вас познакомить с Дейвом Питерсом, детективом, о котором я вам говорила.

Редкая Бороденка, заталкивая книжку в спортивную сумку, покраснел.

— Приятно познакомиться, — прохрипел он.

— Взаимно, — ответил Дейв.

— Внимание, — сказала Ванесса, посмотрев на часы. — До перерыва осталось пять минут. Можете идти, только осторожно, не разбудите Джефферсона, — кивнула она в сторону спящего студента, — дайте ему досмотреть сон.

Студенты тихо собрали вещи и пошли к двери.

Первым вышел Редкая Бороденка; он опасливо поглядывал на Дейва.

— Что все это значит? — спросил Дейв, когда студенты ушли и остался один Спящий Красавец.

— О чем ты?

— О мальчике с пушком на подбородке. Он что, лазил тебе под юбку?

— Дейв Питерс, у тебя мозги работают в одном направлении. У мальчишки иголки в заднице, и я пригрозила ему, что если он будет плохо себя вести, то отдам его злому дядьке. Ты — злой дядька.

— Вот здорово. Спасибо.

— Не стоит. На самом деле у него светлая голова, но есть проблемы с поведением. Ненавижу маленьких всезнающих мерзавцев, которые считают себя пупом Земли.

— В таком случае ты возненавидела бы меня, повстречайся мы молодыми.

— Думаю, что так бы и было, — улыбнулась Ванесса. — Чем обязана твоему посещению? Ты прежде никогда не приходил сюда. Да еще в десять утра.

— Рита погибла.

Улыбка вмиг сошла с ее губ.

— Не может быть! Что случилось?

— Дэнни убежден, что это ангел. Он добирается до нас, и, возможно, теперь твоя очередь. Я пришел, чтобы забрать тебя.

Похороны состоялись во второй половине пасмурного дождливого дня. Священник — высокий худой человек — согнулся почти пополам,

читая псалтырь, и раскачивался в такт словам. Когда он стал рассказывать о добродетелях усопшей, его голос стал суровым, почти осуждающим.

Мать Риты приехала из Лос-Анджелеса. Полная женщина была одета в черное платье и перчатки. Ванесса заметила, что у нее через платье проступают очертания корсета. Косметика была выдержана в духе шестидесятых: бледная губная помада, густо намазанные брови и ресницы. Мешки под глазами и тяжелые собачьи челюсти. Она обращалась к Ванессе, принимая ее за лучшую подругу дочери, и была польщена, узнав, что Ванесса преподает в колледже.

— Рита всегда дружила с достойными людьми, — сказала она, пожимая руку Ванессе, что должно было означать комплимент и дочери, и Ванессе. В конце концов, именно она вырастила такую хорошую дочь.

Она присутствовала только до того момента, как гроб опустили в землю. Она сопела в течение всей церемонии, вертя в руках маленький кружевной платочек, и одобрительно кивнула, когда священник сказал, какой хорошей дочерью была Рита.

— Знаете, она посылала мне деньги, — шепнула она Ванессе, — и всегда писала такие хорошие письма.

Она отказалась от предложения Дэнни пообедать с ними; судя по всему, она вообще относилась к нему отрицательно.

— Она знала, что мы не были женаты, — ответил Дэнни на вопрос Дейва. — Она думает, что я обманывал ее дочь. Она считает, что Рита

работала продавщицей в супермаркете. Я не видел причины ее разубеждать. Большинство родителей таких девушек не подозревают, каким ремеслом занимаются их дети.

— Да, как правило, — заметила Ванесса.

— Пойдемте выпьем, — предложил Дейв, — и обсудим, что нам предпринять против того ублюдка, который все это натворил.

Они вышли на улицу и, миновав кирпичную пресвитерианскую церковь, двинулись к ближайшему бару. Обсуждать им, однако, было особенно нечего. Они не знали, где находится сейчас ангел, а даже если бы знали, все равно ничего не смогли бы предпринять. Они были так же беспомощны, как прежде.

Они просидели в баре до восьми вечера, потом поехали пить кофе к Дейву, и, наконец, Ванесса, извинившись, вызвала такси и отправилась к себе.

Том Шимчек сидел в кресле и ждал. Куря сигарету, он наслаждался положением человека, проникшего в дом женщины без приглашения. За огоньком сигареты он наблюдал с таким же интересом, как астроном за звездой. Том всегда курил с удовольствием; впрочем, в какой-то мере курение было его обязанностью: он служил юристом в табачной компании и не мог не курить.

Том был старшим сыном польского иммигранта. Его отец бежал из Варшавы в 1939 году, когда нацисты принялись за уничтожение еврейского гетто. Тогда их фамилия была Шимчак, но Том при поступлении в Гарвард несколько изменил ее. Особых проблем с польской фамилией не

было, но было довольно неприятно по три раза приносить ее по буквам разным бюрократам.

Том пришел к Ванессе, потому что без нее ему чего-то не хватало. Он звонил ее полицейскому, поговорил с ним, а потом решил зайти к Ванессе наудачу. Для нее это будет сюрпризом, а он, уже оправившись после шока и выяснив, почему она подожгла его постель, мог отнестись к ней более снисходительно.

Он услышал, как в замке поворачивается ключ, и улыбнулся.

С сумочкой в руке, Ванесса вошла в комнату и включила свет. Она сделала несколько шагов, потом увидела Тома и вздрогнула от неожиданности.

— Черт, — сердито сказала она. — Что ты здесь делаешь?

Том потушил сигарету.

— Я скучаю по тебе. Я подумал, может, и ты тоже.

Ванесса положила сумочку и сняла пальто.

— Я встречаюсь с другим.

Словно невидимая рука протянулась к груди Тома и стиснула ее. Он посмотрел на накрахмаленную белую блузку Ванессы, на обтягивающую синюю юбку, на ее прекрасные, как всегда немного совиные, глаза. Она была восхитительна. Он не спал ни с одной женщиной с тех пор, как они расстались. После того случая с поджогом он побоялся бы остаться с женщиной в спальне. Том был впечатлительным мужчиной.

Том снял очки в светлой оправе и, чтобы скрыть огорчение и досаду, стал тщательно про-

тирать стекла, потом снова надел, зная, что очки украшают его, придавая молочно-белому лицу более мужественное выражение.

— Ты.. ты что?

— Я встречаюсь с другим, — повторила она медленно, как шестилетнему мальчику, отчего Том разозлился еще больше. — Это так трудно понять?

— Нет, нет, не трудно. Нет нужды обращаться со мной как с ребенком. Просто ты слишком быстро нашла мне замену. Кто он?

— Не твое собачье дело, Том. — Голос Ванессы стал немного мягче. Она скрестила руки на груди и посмотрела на него. — Том, я сожалею о том, что произошло. Это было ужасно. Если бы все можно было вернуть назад, то я не сделала бы этого никогда, но ты меня спровоцировал, ты же знаешь. Я отомстила тебе или совершила акт возмездия — называй это, как хочешь. Теперь все позади. Если бы ты был чуточку более понятливым, попытался докопаться до причин, почему...

Он встал и кончиками пальцев коснулся ее локтя.

— Я хочу. Я хочу понять.

— Слишком поздно. Все прошло.

Она попыталась отстраниться. Досада Тома переросла в нечто другое, он схватил Ванессу, прижал к себе, ощущая телом ее груди. Это было несправедливо. Он нуждался в ней.

— Пожалуйста, Ванесса, ради нашего прошлого.

— Том,пусти меня. — Ванесса дернула плечами.

Соппротивление Ванессы не устыдило, а лишь еще больше распалило Тома. Волна горячей страсти прошла по всему телу и ударила в голову.

— Не дергайся, черт побери, я не собираюсь тебя калечить.

— Ты ничего не сделаешь, Том.

Ее очки упали на пол. Том хотел ее поцеловать, но она резко запрокинула голову. Он повалил Ванессу на ковер, тяжело упал на нее и стал разрывать блузку. Он будто обезумел. Сорвав бюстгальтер, он впился зубами в мягкую белую плоть. Пронзительный крик отрезвил его.

Том посмотрел на ее тонкие черты, в ее глаза. На груди Ванессы было ярко-красное пятно — след его зубов. Он быстро заморгал.

— Том, — проговорила она, задыхаясь, — не делай этого, пожалуйста.

— Ты тоже хочешь меня.

— Нет, нет, это не от возбуждения. Я боюсь, Том. Не совершай ошибки. Дейв убьет тебя, если узнает.

— Дейв? — Он сжал ее крепче.

— Он полицейский. Он убьет тебя.

— Он не узнает. Ты ему не скажешь.

Том потянулся вниз и дернул застежку на поясе. Он удерживал ее на ковре правой рукой, схватив за горло, а левой стащил юбку. Затем, удивляясь собственной ловкости, сдернул белье. Том всегда считал себя физически слабым, но на деле оказался гораздо сильнее.

— О Господи, — закричала Ванесса. — Пожалуйста, не делай этого, Том.

— Не делай из мухи слона. Мы же десятки раз занимались этим раньше. Помнишь? Сейчас то же самое. Ты ведь сама часто просила меня.

Звонила и говорила: «Давай сегодня встретимся где-нибудь...»

— Все это в прошлом. Отпусти горло, Том. Я задыхаюсь. Ладно, делай что хочешь. Я разрешаю. Но в последний раз.

Он ослабил правую руку. От запаха ее духов у него кружилась голова. Дорогие духи. Их подарил ей он, когда у них все было хорошо. Он купил их в аэропорте, прилетев из Флориды.

— Вот и хорошо. Все будет замечательно. Вот увидишь. Тебе понравится, как нравилось всегда.

Она провела рукой по его волосам.

— Том, а ты сделаешь то, что мне нравится? Ты единственный, кто умеет так делать.

Он улыбнулся.

— Конечно, детка. Я знаю, что делать.

Он сполз к ее ногам и стал целовать ее бедра.

Вдруг Ванесса резким движением скрестила ноги и обхватила ими Тома за шею. Подбородок Тома задрался, шея плотно прижалась к ее лобку, волосы неприятно кололи нежную кожу на его шее, а тазовая кость уперлась в адамово яблоко.

— Эй, — хотел было крикнуть он, но звуки застревали у него в горле.

Ванесса повернулась на бок, так что они оказались под прямым углом друг к другу. Лицо Тома было обращено к потолку, ее правая нога давила ему на горло, а левая упиралась в шею сзади. Ванесса постепенно усиливала захват, и его голова все больше запрокидывалась назад. Том отчаянно пытался высвободиться, но Ванесса еще крепче сжимала его шею своими сильными

ногами. Том почувствовал, что его позвоночник вот-вот переломится.

— Пожалуйста, — сказал он, пытаюсь руками развести ее ноги. — Ванесса...

— Ублюдок, я тебе шею ломаю.

Ее вульва была прижата к его шее, однако это не доставляло Тому радости. Ванесса душила его. Он слабел. Немного воздуха еще поступало в легкие, но ее кость пережала ему артерию за ухом. У него перед глазами поплыли яркие пятна, очертания предметов стали расплываться. Том понял, что, если Ванесса его не отпустит, он умрет.

Наконец Ванесса ослабила хват и оттолкнула Тома ногой. Он перекатился и закашлялся. От прилива крови у него закружилась голова. Она снова больно пнула его, очевидно, не понимая, что еще чуть-чуть и она бы убила его. Наконец Том сел и поднял голову.

— Убирайся, — услышал он голос Ванессы. — Вставай и убирайся.

Она подала ему упавшие очки. Шатаясь, он встал и побрел к дверям, подталкиваемый Ванессой.

— Извини, — хрипло прошептал он. — Извини.

— Не приходи больше, Том. Я не хочу тебя видеть. И не звони. Понял? Я никому не скажу о том, что произошло, но оставь меня в покое раз и навсегда.

Она открыла дверь и толкнула его еще раз.

Том кивнул и нетвердой походкой вышел в коридор.

На улице было холодно. Он зажег сигарету, посмотрел на пустую дорогу, медленно затянулся. Одежда все еще пахла ее духами, но образ Ванессы

в сознании Тома изменился. Теперь это был портрет свирепой женщины. Впечатление было такое, будто какой-то вандал изрезал, изуродовал, исцарапал икону, которую Том бережно хранил и повсюду носил с собой.

Пытаясь обнаружить след той женщины, Нэтру заглядывал во все переулки и улицы. Он шел за ней до этого места, но потерял на последнем повороте. Она должна быть где-то здесь, рядом. Но где? В огромном доме живут тысячи смертных. Как же ее здесь найти? Будь она демоном, а он — ангелом, все было бы намного проще. Тогда он по следу зла вышел бы к его источнику.

Но она — не демон, а он — уже не ангел. Раньше Нэтру не представлял себе, насколько трудно чужаку, не знающему устройства мира смертных, найти в нем обыкновенного человека. Он столкнулся с ней случайно, и вряд ли встреча повторится. Когда он был ангелом, ему не были нужны транспорт, место для ночлега и защита от холода. На демона свалились все проблемы сразу. Он не знал, как их решить, как воспользоваться тем, что могло оказаться под рукой. Он должен был научиться всему этому как можно быстрее, если хочет найти полицейских.

Возле переулка, где стоял Нэтру, погруженный в свои размышления, появился человек. Демон уловил донесенный ветром сладкий аромат. Он почувствовал томление — новое неизвестное ощущение. Он сейчас кое-что сделает с этой женщиной, а потом ее убьет. Он поспешил за ней.

Нэтру вышел из переулка и понял, что пре-

следует не женщину, а мужчину. Демон ускорил шаг и догнал его на следующем повороте.

— Ты был с женщиной, — сказал он. — Ты пахнешь ею.

Мужчина смотрел, недоумевая.

— Что?

Мужчина быстро заморгал, в его голубых глазах и на бледном лице появилось испуганное выражение. Трясущимися руками он поправил на себе небрежно надетую одежду. Нэтру чувствовал, что здесь что-то не так, но не мог понять, что именно.

— Женщина? Где она?

— Не понимаю, о чем ты говоришь? Какая женщина? Ты вроде непохож на полицейского. Какого черта ты ко мне привязался?

Нэтру схватил мужчину за горло и прижал к стене. В свете фонарей лицо мужчины было мертвенно-бледным.

— Отвяжись! — кричал мужчина, с остервенением колотя ногами по коленям Нэтру.

— Говори, где женщина.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, урод. Я адвокат. Ты за это ответишь.

На ощупь тело мужчины оказалось мягким. У него была чистая белая кожа. Вожделение Нэтру, вызванное духами и фантазией о том, что бы он сделал с женщиной, если бы нашел ее, не проходило. Может, этот белокожий сгодится для той же цели? Он дотронулся до интимного места на теле жертвы.

— Что ты делаешь, негодяй? — снова закричал мужчина. — Отстань от меня, педераст проклятый!

— Почему? — Демон заключил мужчину в объятия и придавил к стене.

На лице мужчины появился животный страх. Нэтру затронул в нем какую-то невидимую струну, которая заставила его бороться с несравненно большей силой, чем при угрозе простого избиения. Он отбивался ногами и вертел головой, нанося удары по лицу демона с такой безумной яростью, какую Нэтру от него никак не ожидал. Только животный страх мог пробудить в человеке столь необычайную силу.

Бесполезно. Все эти существа для него бесполезны. Люди никогда ему не помогали. Может быть, все женщины так пахнут? Пожалуй, не все, но многие. Нэтру понял, что зря теряет время.

Он ударил человека головой о стену, размозжив ему череп, потом открыл крышку люка канализации и сбросил обмякшее тело в поток. Тело отнесет далеко, и, вероятно, пройдет какое-то время, прежде чем его опознают. Демон не хотел преждевременно спугнуть женщину. Лучше, если она не будет ни о чем подозревать, пока он не найдет ее. Если убитый — ее знакомый и будет обнаружен в этом районе, она станет осторожничать.

Беглым взглядом окинув пустую улицу, Нэтру поспешил прочь.

Глава 24

Они втроем сидели у Дейва в квартире и пытались предугадать, как будут развиваться события.

— Вот что я думаю, — сказал Дэрни. — Он разделается с нами. Если он захочет пайти нас, он это сделает. Нам пегде укрыться, нет такого места, где бы он нас не нашел. У нас нет оружия против него — по крайней мере все то, что мы имеем, бесполезно. Что же нам делать?

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Дейв, постукивая кубиками льда о стенки стакана. — Будем тоже его искать, вертеться возле него. Что-то непременно должно произойти.

Вопреки обыкновению, немного утолив жажду, Дейв встал, направился к автоответчику и нажал на кнопку ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ. Сначала зазвучало сообщение родителей Челии — просто как напоминание о себе. Потом раздался голос Малоха: «Мне необходимо вас видеть. По телефону говорить не хочу. Встретимся по адресу...» Далее следовали названия склада и улицы, где он находился.

— Вот оно! — воскликнул Дейв.

— Не рано ли радоваться? — сказала Ванесса. — Это может быть все что угодно.

— Неужели он стал бы звонить, чтобы сообщить плохие новости? Что может быть хуже того, что уже случилось? Сотни людей погибли в огне. Каждый из нас потерял близких. Нельзя сдаваться оттого, что пару раз мы терпели неудачу. Нужно как-то остановить этого дьявола. Если мы будем

только сидеть и плакать, что ничего нельзя поделывать, то ничего и не сделаем.

Он поднял газету, упавшую на пол рядом с журнальным столиком.

— Послушайте, что здесь пишут: «У нас сгорел полицейский участок, и теперь в этом районе города нет полицейских. В трехдневный срок власти обещают предоставить временное помещение — бывшую гимназию. Штат участка будет сформирован из полицейских других районов. Они-то и попытаются навести порядок.

Тем временем здесь собираются отбросы города. Район стал похож на негритянское гетто Нью-Йорка. Все они стремятся совершить как можно больше преступлений, пока не восстановлена полицейская служба. Жители несут материальный и физический ущерб».

— Так-так, — пробормотал Дэнни. — Давай-ка лучше пойдем и послушаем, что скажет Малох.

— А я? — спросила Ванесса. — Я не хочу оставаться здесь одна.

— Ей лучше пойти с нами, — сказал Дэнни.

— Да, — кивнул Дейв. — Я думаю, с нами она будет в большей безопасности. Рита осталась одна, и теперь ее нет в живых.

Они подъехали к темному складу. Тишину нарушал только отдаленный шум города. По пути они миновали два пожара, но не остановились. Если даже их устроил ангел, то теперь он уже далеко. К тому же они до сих пор не придумали, что же все-таки с ним делать при встрече.

Дейв заглушил мотор и осмотрелся. Ни одной

машины на стоянке и никакого движения, если не считать погоняемых ветром пустых картонных коробок. Место казалось немного зловещим.

Вглядываясь в темноту, Дейв не испытывал большого желания выходить из автомобиля и искать демона в темных закоулках. Ведь ангел мог быть блестящим имитатором; он обладал властью над светом и тьмой, и не было никаких оснований считать, что он не может манипулировать другими физическими законами. Говорить голосом Малоха по телефону было бы для него совсем нетрудно. Дейв не мог справиться с дрожью; впервые в жизни страх брал верх над чувством долга.

Его друзья тоже молчали и, казалось, ждали, что он заговорит первым.

— Одному из нас надо поискать его, — сказал Дейв своему напарнику.

— Иди ты, — сказал Дэнни. — Не люблю темных складов.

— Да, это уважительная причина, — огрызнулся Дейв. — Я тоже не испытываю к ним особого пристрастия.

— Это была твоя идея.

— Вы так всегда работаете? — вмешалась Ванесса. — Двое полицейских спорят, кому из них оставаться в машине, а кому идти арестовывать.

— Мы не собираемся никого арестовывать, — сказал Дейв, — иначе пошли бы оба.

Дейв вздохнул, поборол страх и достал фонарь. Он вышел из машины, включил свет, немного помедлил. Дэнни оставался в машине, и Дейв ждал, не последует ли тот за ним. Он не оглядывался, потому что, если Дэнни собирает

остатки мужества, он мог бы подумать, что Дейв смотрит на него с издевкой.

Дейв подошел к воротам, через которые на склад в рабочее время въезжали грузовики. Он дернул за ручку — ворота не поддавались. Он потрогал засовы — они не сдвинулись ни на дюйм.

Дейв завернул за угол и осмотрел стену. На этой стороне входа не было. Он прошел дальше и повернул еще раз. Теперь ему повезло больше: луч его фонаря высветил маленькую дверь, поскрипывавшую на ветру. Дейв вошел в склад. Помещение оказалось пустым, лишь в углу было свалено несколько картонных коробок. Он посветил по стенам в поисках выключателя света, но ничего похожего не нашел.

— Малох! — позвал он, и его крик эхом отозвался в пустом складе.

Потом слышался звук, похожий на скрип двери, и Дейв направил фонарь вверх, где находилась контора и откуда был виден весь склад. Луч отразился от оконного стекла, и Дейв на мгновение сжался от страха, потом понял, что это проток стекла. Его сердце бешено колотилось, словно у маленького зверька, оказавшегося на расстоянии одного прыжка от хищника. Он почувствовал, что у него вспотели руки.

— Ты наверху, Малох? — крикнул Дейв.

Ответа не было. Может, он слышал не скрип двери, а другой звук, например приглушенный человеческий стон? Человеческий ли? Или чей-то еще? Ему потребовалось все его самообладание, чтобы не броситься бежать. Если бы здесь была банда оголтелых убийц, он продолжал бы поиски,

наверно, даже с удвоенной энергией, но, тягаясь со сверхъестественной силой, Дейв боялся сделать даже шаг в ту сторону, откуда донесся звук.

Дейв взял фонарь в левую руку, а правой вытащил из кобуры пистолет. Ощущая его тяжесть, он чувствовал себя в большей безопасности. Скорее всего, оружие окажется бесполезным, но оно придавало ему уверенность.

Где-то наверху распахнулась дверь, и до Дейва дошел довольно резкий запах, вроде паленой резины. Вскоре запах усилился, и нервы Дейва напряглись до предела.

— Эй, кто бы ты ни был, я поднимаюсь к тебе, — крикнул он, пытаясь унять дрожь в голосе.

Подняв пистолет, Дейв стал медленно подниматься по лестнице. Он был готов в любой момент нажать на курок. Стук его туфель по ступенькам казался ему таким же громким, как грохот барабана. Вот так и убивают сторожей, подумал Дейв. Думая о неизбежной смерти, он весь вспотел. Через одну-две секунды он может превратиться в огромный факел. Перед смертью он хотел сделать хотя бы несколько выстрелов, чтобы показать, что готов сражаться до конца.

Дейв наконец поднялся наверх и услышал тот же звук; теперь он убедился, что где-то недалеко кто-то стонет от боли. А что если это ловушка? Если там Малох, то почему он не отзывается? Непонятно.

Перед первой дверью Дейв остановился, толкнул ее ногой. Дверь легко распахнулась, ударилась о стеклянную стенку, и та громко задребезжала. В свете фонаря Дейв увидел стол и картотечный

шкаф с вынутыми пустыми ящиками, поставленными один на другой неподалеку. Больше ничего, за исключением рекламных проспектов, разбросанных по грязному полу.

Запах стал сильнее, и это был не запах паленой резины. Такая же вонь стояла у него в квартире, когда он неправильно устанавливал таймер печи и мясо сгорало или, отвечая на телефонный звонок, забывал об оставленном на плите бифштексе. Это был запах горелого мяса, сожженной плоти.

Дейв заколебался. Определенно здесь происходило нечто ужасное. На мгновение его сковал страх.

Может быть пойти за Дэнни?

Дейв остался. Он пошел дальше. Следующая комната походила на первую. Он распахнул дверь в третью комнату, и невообразимая вонь заставила его отшатнуться. Значит, горелое мясо здесь. Он посветил на пол. Только стол и картотечный шкаф.

Больше ничего.

Внезапно у него в голове мелькнула догадка.

Он направил луч фонаря за картотечный шкаф; там лежало нечто черное и отвратительное. Это нечто зашевелилось, и у Дейва мороз по коже пробежал. У него не было ни малейшего желания узнавать, чем или кем была раньше эта отвратительная масса.

Раздался еще один глухой стон.

Дейв медленно обошел комнату и направил луч фонаря в промежуток между шкафом и углом комнаты. Дейв ожидал увидеть что-то подобное, но все же вздрогнул и с трудом подавил в себе желание с криком броситься из склада.

Перед ним лежала черная обугленная масса. Именно она источала ужасное зловоние. Выступавшие из нее длинные палки, видимо, когда-то были руками и ногами, а страшно раздувшиеся шары — плечами. Остатки одежды, еще дымящиеся, свисали с тела. Глаза лопнули от жара, и их содержимое стекало по оголенным костям на месте щек.

Снова раздался стон.

— Питерс.

В висках у Дейва застучало, когда он понял, что означает этот звук. Это было его имя. Обугленная масса, бывшая когда-то живым существом, произнесла его имя.

Призвав на помощь все свое мужество, Дейв пересек комнату и опустился возле умирающего на колени.

— Где ангел? — с надеждой в голосе спросил Дейв.

— Ушел, — прошептало существо.

— Что это? Кто ты? — спросил Дейв, проглотив слюну.

— Питерс, — прохрипело умирающее существо, — я... я... я... — Следующее слово прозвучало как «малит». Малох?

— Малох? Это ты?

Существо кивнуло.

— Кто тебя так? Ангел?

Существо еще раз кивнуло, потом резким движением схватило Дейва за воротник. Обугленные пальцы с неожиданной силой потянули его вниз, к сожженным губам — как будто для поцелуя. Дейв закричал; он порвал рубашку, пытаясь вырваться из рук демона, но тот его не

отпускал. Наконец Дейв сдался и наклонился к пузырящимся губам.

— Это ангел, — прохрипел Малох.

— Я так и думал.

— Он больше не ангел.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Дейва дошел смысл этих слов. Ангел — больше не ангел. Кто же он теперь?

— Он стал человеком? — спросил Дейв.

Темная голова с обгоревшим лицом качнулась из стороны в сторону.

— Пал, — прохрипели губы.

Малох разжал руку. Дейв распрямился, обдумывая новость. У сказанного демоном мог быть только один смысл. Пал. Ангел пал. Он лишился милости Господней — прямой связи между Богом и всеми его созданиями. Ангел превратился в демона, точно такого же, как те, за которыми когда-то охотился.

— Он смертен?

— Не так, как люди, — прошептал Малох. — Огонь, только огонь. Божественный огонь — лучше всего. Достань божественный огонь.

Где я, черт возьми, достану божественный огонь?

— Хорошо, я понял. Теперь он демон, которого можно уничтожить огнем. Он так с тобой расправился?

Изуродованная голова кивнула.

— Как он это сделал?

— Бензиновая бомба.

— Да, он действительно пал. На этот раз ему

здорово подрезали крылья, не так ли? А как ты, Малох? Могу я чем-нибудь тебе помочь?

Демон покачал головой..

— Оставь меня.

— Ты умрешь?

— Да, скоро. Сгорело все — внутри и снаружи. Невыносимые муки.

— Могу я... — Дейву стало жаль демона, — прекратить твои страдания? Вот пистолет...

Малох снова покачал головой. Нет, смерть демона приблизить невозможно. Он умрет в назначенный ему срок. Малох хотел еще что-то сказать. Его губы открылись в последний раз.

— Демона зовут Нэтру, — прошептал он.

— Нэтру?

Глава 25

Уничтожив Малоха, Нэтру не чувствовал никакого удовлетворения. Он вспомнил прежнее время, когда победа над очередным демоном вызывала в нем чувство торжества. Теперь ничего подобного не было: Малох уничтожен, а он ничего не испытывал, кроме равнодушия. Интересно, а может ли вообще что-либо доставить удовлетворение демону?

Он попытался поднять настроение оптимистическими планами своих будущих действий.

Все будет иначе, когда он расправится с двумя полицейскими. Что значит смерть еще одного демона в сравнении с уничтожением этих двух надоедливых смертных? Сладость мести будет желанным вознаграждением. Смерть Спитца и Питерса — вот его подлинная цель.

Но сначала их нужно найти.

Людей, вероятно, легко выследить, размышлял он, если ты сам — человек. Однажды он искал их на рабочем месте. Он просто пришел туда, где они должны были быть, и потерпел неудачу. Они ушли отдыхать, а как искать те места, где люди спят и едят, Нэтру не знал.

Ему понадобится оружие: они не настолько глупы, чтобы позволить ему вплотную приблизиться к ним. Теперь он сам уязвим для того оружия, которое использовал против других. Эти полицейские не дураки. Они узнают, как с ним бороться.

Итак, выбор оружия — важный вопрос. Огнестрельное оружие Нэтру не нравилось. Пистолет,

это механическое устройство, внушал отвращение духовному созданию. Он все еще отдавал предпочтение неземному перед земным. Такова уж была его природа, сверхъестественная природа.

Что касается пистолетов, то это вообще примитивные машины. Они выпускают пулю, та летит с огромной скоростью и пробивает тело жертвы. Пуля не всегда дает желаемый результат, иногда она проходит сквозь тело, не нанося смертельной раны. Того же результата можно добиться, просто метнув камень.

Нэтру было трудно отказаться от привычного оружия — огня. Огонь — чистое и изящное средство уничтожения. Оружие ангела. Он любил саму идею, саму суть огня. Ты находишь цель и стираешь ее с лица Земли. Все сразу становится на место. Он омыл огненным дождем легионы нечистых, он наблюдал, как они сгорают дотла. Он купал их в огне, отправляя свет к небесам, а зло — в печи ада, туда, откуда оно пришло.

Неужели только вчера он сам мог создавать божественный огонь? Он оплакивал утрату и думал, чем ее заменить. Любое другое оружие всегда будет казаться вульгарным по сравнению с божественным огнем.

Огненная буря, которую он устроил в Токио, чтобы уничтожить одного демона, расчистила большой район города. Около тысячи смертных приняли тогда чистую, красивую смерть. Он равнодушно наблюдал, как они горят, восторгаясь зрелищем самого огня, достигавшего облаков. Огонь был светом.

Огонь был огнем.

Оружие, на котором Нэтру в конце концов неохотно остановился, было такого же рода, как и уже успешно использованное им против Малоха. Люди называют его коктейлем Молотова; это всего лишь наполненная бензином бутылка с тряпичной пробкой-фитилем. Простоватое устройство для падшего ангела, зато надежное. В какой-то мере выбор этого устройства был данью Люциферу, когда-то носителю света, а теперь повелителю тьмы, Сатане.

Во внутренних карманах его плаща уместилось шесть бутылок с коктейлем Молотова.

Нэтру готовил бомбы из маленьких пузатых пивных бутылок; их всегда хватало в любом мусорном баке. Бензин он выкачивал из бензобаков автомобилей, срывая крышку бензобака одним движением руки. Зажигательное устройство Нэтру украл у случайного прохожего, вырвав у него зажигалку, когда тот прикуривал сигарету. Нэтру исчез так быстро, что прохожий даже не успел позвать на помощь.

Теперь Нэтру был вооружен и готов бросить вызов своим врагам.

Полицейский в форме шел домой после ночной смены и, чтобы срезать путь, свернул в переулок.

Бинни Уилсон, черный как уголь и гордившийся цветом своей кожи, всегда радовался, когда ночное дежурство оставалось позади. Обычно сначала все шло хорошо, и Бинни в эти часы испытывал совершенно особое чувство, будто он один не спит и охраняет покой спящего мира.

Но позже, около половины пятого, когда

темнота начинала редеть и в окна медленно просачивался рассвет, мир приобретал пепельный оттенок и все изменялось. Усталость накапливалась, и Бинни думал только о том, как бы не свалиться со стула. В этот момент дежурства он был способен уснуть где угодно, даже на лезвии бритвы. Потом, около шести утра, усталость исчезала и Бинни задумывался, будет ли еще в постели его подружка, когда он вернется домой. Он вспоминал запах простыней и теплого тела и совершенно иной запах подушки, аромат духов, уносящий в мир фантазий.

Потом его ждали жареный бифштекс и яичница.

После шести ночная смена казалась не такой уж плохой.

В переулке спали трое пьяниц. Один из них встал и преградил Бинни дорогу. От хорошего настроения не осталось и следа.

— Куда торопишься? — спросил бродяга в распахнутом плаще. Он стоял перед полицейским, как удалец из ковбойского фильма, готовый в мгновение ока выхватить свой «кольт» и отправить Бинни к праотцам.

— Домой, — ответил полицейский. — А теперь посторонись, я спешу. Или отвести тебя куда следует? — Бинни положил руку на кобуру.

— Попробуй, — сказал пьяница, кивая и улыбаясь. В руке у него была газовая зажигалка, из которой вырывалось длинное шипящее пламя.

Полицейский оторопел. Господи, подумал он, и почему этот псих не попался мне во время дежурства, тогда я хотя бы немного развлекся. От алкашей нужно отделяваться насмешками или

угрозами. Для первого варианта Бинни слишком устал.

— Дерьмо поганое, надо бы дать тебе пинка под зад, — сказал он, гадая, зачем алкашу зажигалка.

Пьяница улыбнулся.

— Доставай пистолет. Через секунду я полезу за своим. Даю слово: раньше не шевельну пальцем. Готов?

Бинни посмотрел пьянице в глаза и понял, что тот способен на все. На улицах полно психов, попадаютсЯ и маньяки-убийцы. Может, этот придурок действительно где-то раздобыл оружие и теперь решил посчитаться с обществом? Во всяком случае, Бинни не собирался стоять и ждать, когда какой-нибудь урод сделает в нем дырку.

Он потянулся за пистолетом.

Быстрее любого ковбойского героя Нэтру выхватил из кармана плаща бутылку с бензином, поджег фитиль и бросил ее в стену над головой полицейского. Бутылка разбилась, осыпав голову и плечи Бинни огненным дождем.

Полицейский, который все еще возился с кобурой, завопил от боли и хотел было закрыть руками глаза. Вторая бутылка разбилась о голову полицейского. Послышался легкий хлопок, и пламя охватило все тело Бинни. Его пронзительные крики разбудили других пьяниц. Они увидели столб пламени, мечущийся по переулку и слепо натыкающийся на стены. У столба горели руки и ноги; он отчаянно вопил. Потом горящий человек ударился о мусорный бак и упал. Еще какое-то время тело подергивалось.

— Скажите Питерсу, что это был Нэтру... — произнес парень, ночевавший вместе с ними. — Скажите, что это был ангел.

Потом парень быстро ушел. Казалось, он остался доволен собой. Возможно, это был один из пироманов, которым не терпится что-нибудь поджечь, но радоваться, глядя на горящего человека, нехорошо (сказал Джейк). Да (согласился Дик), это никуда не годится.

То же самое они сказали и прибывшим сюда через несколько минут полицейским и заспорили, когда их попросили описать поджигателя. Один утверждал, что тот был усатым блондином, а другой будто бы видел брюнета в очках без оправы.

Пьяниц привезли в новое помещение участка и передали команде «Д и Д», занимавшейся поджогами.

— Ты Мать Тереза, да? — улыбнулся Дик, обнажив гнилые зубы.

— Для тебя, Дик, я — сержант Питерс, — сказал Дейв.

Дик приосанился.

— В таком случае, детектив, зовите меня мистер Дик... Триндал.

— Твоя фамилия не Триндал, а Тернер.

Дик кивнул и улыбнулся.

— Я знаю, только забыл, поэтому придумал другую. Звучат похоже, согласен?

Чтобы составить приблизительное описание убийцы, Дейву пришлось довольно долго терпеть вонь, исходящую от пьяницы. Дик сказал, что с ними был еще один алкаш, который назвался Йетром и знал детектива.

— Он сказал, что знает меня?

Дик кивнул.

— Да, просил передать тебе, что это сделал Йетро.

Джейк, которого допрашивал Дэнни, презрительно фыркнул.

— Он сказал не Йетро, а Нед, ангел. Так его зовут.

— Нэтру? — подсказал Дейв.

— Так я и сказал, — возмутился Джейк.

Позвонил судебный эксперт и сообщил Дейву результаты обследования.

— Мы нашли на теле полицейского Уилсона и на месте происшествия осколки стекла, — сказал эксперт Дермот. — Нашего парня сожгли бомбой-самodelкой, точнее, двумя. Для изготовления бомб использовались бутылки из-под мексиканского пива Лобо. Это пузатые бутылки из тонкого светло-зеленого стекла, которое очень легко бьется. Убийца знал, что делает. Если бы я захотел приготовить коктейль Молотова, я бы выбрал именно такую бутылку. Одна бомба разбилась о голову погибшего.

— Как вы узнали?

— Осколки врезались ему в голову.

— А почему полицейский не стрелял? — спросил Дейв.

— Это уже ваш вопрос, приятель, — ответил Дермот. — Я дал вам кусочки головоломки, а уж складывайте их сами. Впрочем, мне кажется, что первая бомба предназначалась для поражения глаз. Так поступали китайцы во время мафиозных войн, хотя тогда оружие было немного другим. Они

использовали колбы для лампочек, заполненные серной кислотой из аккумуляторов. Первую бросали в глаза, и потом наносили смертельный удар — ножом, топором, любым оружием. В данном случае — второй бомбой.

— Очень тебе благодарен.

— Не за что.

Дейв пересказал Дэнни заключение эксперта.

— Два коктейля Молотова? — сказал Дэнни. — Не слишком ли много? Как ты думаешь, что произошло?

— Не знаю, но Дермот полагает, что он сначала ослепил полицейского, поскольку у того было оружие. Вполне возможно, что Уилсон не захотел сгореть заживо и попытался пристрелить ангела до того, как тот чиркнет спичкой.

— Дермот здорово соображает.

— Да, должно быть, возраст сказывается. Когда тебе стукнет пятьдесят три, ты тоже сразу помудрееешь, — пошутил Дейв.

— И тебе того же желаю, — парировал Дэнни. — Но мы вряд ли доживем до следующего дня рождения, если не схватим нашего парня. Однако зачем ему эта затея с коктейлем Молотова?

Дейв вздохнул.

— Ты знаешь, мне больше всего не нравится, что мы не можем вести открытую игру. Не можем арестовать этого ублюдка и передать в суд. Мы погибнем, если подойдем к нему ближе чем на два ярда. Мы должны убить его, Дэнни.

— Точнее, уничтожить. Неужели ты сначала расскажешь этой бешеной собаке о ее правах, а только потом выстрелишь?

— Нет.

— Хорошо, теперь мы хотя бы знаем, чего нам ждать, Дейв. Мы должны убить его прежде, чем он убьет нас, потому что такой же подарок, какой получил Уилсон сегодня утром, Нэтру готовит для нас сегодня днем или, самое позднее, завтра утром.

Глава 26

Дейв и Дэнни кружили по ночным улицам на машине без опознавательных знаков. В уличной толпе сновали десятки наркоманов и торговцев наркотиками, кого-то из них полицейские знали, но в тот вечер команду «Д и Д» они не интересовали, равно как и сутенеры, проститутки, бандиты и воры. Сегодня они охотились за теми, кто торгует орудиями убийства.

Они объехали район, ярко освещенный рекламой, потом бары на темных улочках и наконец около полуночи заглянули в ночные клубы.

Полицейские припарковали машину возле заведения Смайли, которое держалось на плаву исключительно по той причине, что гангстеры использовали его как пункт обмена, где одни определенные товары меняли на другие. Никто другой, кроме случайных приезжих, туда не заглядывал. Смайли купил этот клуб на деньги, выигранные в карты. В те времена он играл по-крупному и в итоге вытеснил Рика «Войлока» Фоли с места игрока номер один. Клуб Смайли всегда пользовался дурной славой.

Смайли уже несколько лет был мертв. Его застрелил заезжий шулер — парень с горячим темпераментом и кольцом в кармане. Смайли вынудил парня применить оружие. Он умер со своей знаменитой ухмылкой, которая к веселью не имела никакого отношения, а была лишь следствием повреждения лицевых мышц в детстве.

Теперь клубом управляла его жена; изредка, если заболела одна из певиц, она занимала место

у микрофона. Она славилась тем, что могла довести посетителей до бешенства, чудовищно коверкая незамысловатые мелодии песен из «Вестсайдской истории». Полиция время от времени прочесывала клуб, но, поскольку хозяйка не разрешала проносить в заведение оружие и наркотики, — огромный вышибала по имени Адам обыскивал в дверях всех посетителей, — полицейские в лучшем случае ловили здесь скупщиков краденого, которые клялись, что были уверены в законном происхождении их товара.

Было семь минут первого, когда «Д и Д» нашли того, кого искали. Человек по имени Свантон Морли, — Дэнни давно знал, что тот торгует оружием, — поднялся по ступенькам из подвального этажа и направился к машине, стоявшей неподалеку на улице. Он был один.

Полицейская машина сорвалась с места и, скрипнув тормозами, остановилась впритирку к машине Морли как раз в тот момент, когда тот открывал дверь. Морли инстинктивно нагнулся и прикрыл голову руками. Полицейские не сомневались, что торговец оружием принял их за налетчиков.

Дэнни выскочил из машины и ткнул пистолетом в ребра Морли.

— Садись, — приказал он, открывая заднюю дверь.

Морли открыл было рот, но Дэнни прикрикнул: — Садись или я продырявлю твою башку.

Морли влез в машину.

Дэнни сел рядом с ним, а Дейв снова с визгом рванул с места, так что на асфальте остались следы

шин. Некоторое время они ехали в полном молчании. Морли украдкой поглядывал на похитителей и в конце концов облегченно вздохнул: очевидно, это не налет. Заметив на приборном щитке радиопередатчик, он только прошептал: «Полицейские», успокоился и решил ждать объяснений. А что еще ему оставалось делать? К ребрам приставлено дуло пистолета. Ясно, что его не арестовали. Они едут не в том направлении.

Однако, когда машина покатила по району свалок, Морли опять запаниковал. А если это все же налет? Разве нельзя быть полицейским и работать на кого-то еще?

— Куда мы едем? — наконец выдавил он из себя.

Ответа не последовало. Лица полицейских были хмурыми.

— Эй, — закричал Морли; он был близок к истерике, — что происходит? Кто хочет меня кремировать? Я никому не переходил дорогу. Я работаю честно, спросите любого.

— Выходи, — сказал Дэнни.

Водитель вышел, открыл дверь и вытащил его из машины. Морли едва держался на ногах. Ему вдруг захотелось в туалет. Если кто-то поручил этим парням расправиться с ним, то любые слова будут бесполезными. Профессиональные убийцы, особенно если они полицейские, не станут ничего слушать. Они взялись за работу, которую надо выполнить быстро и эффективно, и ничто не заставит их передумать. Проще убедить Бога, что тебе нужно прожить еще пару-другую лет.

Мрачноватое безлюдное место освещалось толь-

ко заревом с соседней улицы — поджигатели поработали там всего полчаса назад. Похитители подвели Морли к брошенной машине, чьи колеса, вероятно, крутились теперь на колымаге какого-нибудь семнадцатилетнего панка, а детали двигателя растащили местные жители, чтобы установить их на свои развалюхи, громко именуемые автомобилями.

— Эй, послушайте, — прохрипел Морли, которому отчаяние развязало язык. — Вы полицейские, вы этого не сделаете.

Ответа не последовало.

Его прижали к кузову: носом — к холодной металлической крыше, руками — к дверям. Уже не один, а два пистолета мягко уперлись ему в голову за каждым ухом. Теперь Морли был уверен, что ему пришел конец.

— Матерь Божья, — прошептал он.

Один из полицейских, тот, что сидел в машине рядом с ним, вдруг заговорил:

— Ты католик?

— Да, да, я хожу в церковь. Я должен исповедаться. — Бедняга хватался за соломинку.

Один из пистолетов опустил.

— Слушай, Фрэнк, — сказал полицейский, — я не могу пускать в расход католика. Тебе придется все делать самому. Я подожду в машине.

Морли услышал удаляющиеся шаги. Молчание стало невыносимым. Морли хотелось кричать, но вместо этого он сказал:

— Может, мы договоримся? А?

— Только не со мной, — ответил полицейский по имени Фрэнк. — Я пресвитерианин.

И я тоже, чуть не выпалил Свантон, но вовремя понял, насколько глупо это прозвучало бы.

— Я имел в виду деньги.

— Деньги?

— Все, что захочешь.

— Все, что захочу?

— Да. Все, что угодно, если только я смогу тебе это дать. Если не смогу, то достану.

Вновь потянулось невыносимое молчание, в каждый момент которого Морли ожидал услышать грохот пистолетного выстрела и испытать последнее в жизни каждого человека ощущение. Пока он дожидался ответа, холодное дуло продолжало сверлить ему голову. Потом случилось непредвиденное. Оказалось, что полицейский действительно обдумывал предложение, во всяком случае, его голос прозвучал обнадеживающе.

— Мне нужен один аппарат, — сказал он. — Сегодня ночью.

И это все? Господи, это все? Морли почувствовал, что от облегчения чуть не надул в штаны. Они хотят всего лишь какое-то оружие. И для этого нужно было заваривать такую кашу! Побойтесь Бога, фараоны! Разве нельзя было просто прийти и спросить что нужно. Нет, сначала надо обязательно запутать, довести человека почти до инфаркта.

— Мне уже пятьдесят три, — сказал Морли. — Вы представляете, что будет с моим сердцем после такой ночи? Так что же вам нужно? Может, пулемет? Или что-нибудь помощнее?

— Огнемет, — прозвучал ответ.

Морли чуть не взбесился:

— Какой огнемёт? Где, мать твою, я достану среди ночи огнемёт?

— Хорошо, пеняй на себя.

Морли почувствовал движение пальца, лежащего на курке.

— Ладно, ладно! — заорал он. — Дай подумать. Разве нельзя немного поворчать? Ладно, кажется, я знаю, где достать. Мне нужно позвонить.

— Я бы порекомендовал очень постараться, иначе мы привяжем тебе пятки к шее и посмотрим, как ты сам себя медленно задушишь.

— Ладно, ладно. Иди ты к черту со своими угрозами. Я достану вам огнемёт, но мне нужно позвонить. Не могу же я откопать его прямо здесь, у меня уже яйца примерзли к этой железяке. Отвези меня к телефону.

Его отвели к машине, где невысокий лысый полицейский, равзвалившись на капоте, докуривал сигарету. Отбросив окурок, он резко встал.

— Какого черта, Фрэнк? — рявкнул он. — Нам же приказали поджарить этого мошенника.

— Поджарить? — промямлил Морли.

— Ну да, — подтвердил полицейский по имени Фрэнк, — я собирался шлепнуть тебя, а потом сжечь в той рухляди. — Он махнул пистолетом в сторону багажника машины. Там стояла канистра с бензином.

— Господи, — прошептал Морли.

Он представил, как распространяется огонь по его телу: вниз от волос и вверх от члена — мест, которые вспыхнут первыми.

— Слушай, Рико, — сказал Фрэнк. — Он обещал достать огнемёт.

Рико грохнул кулаком по крыше автомобиля, отчего Морли подпрыгнул сантиметров на тридцать.

— Нам приказали его сжечь, — выпалил Рико. — А приказы нужно выполнять, Фрэнк. Я считаю, что мы должны превратить этого кретина в головешку.

— Слушай, он, оказывается, торгует железом...

— Меня не интересует, чем он торгует. Нас это не касается, Фрэнк. Он теперь знает наши имена и сдаст нас.

— Я не знаю ваших имен, — заныл Морли, снова засомневавшись, миновала ли опасность. — Я их никогда не слышал. Я забываю имена так быстро, будто они проскакивают у меня в голове из одного уха в другое, не оставляя следа. Хотите огнемёт? Дайте позвонить. Я очень быстро его достану, даю слово.

— Нужен полностью заправленный, — сказал Фрэнк. — Не буду же я клянчить напалм среди ночи. Достанешь полный, понял?

— Что? Откуда я...

— Слушай, Морли, — набросился на него Фрэнк. — К тебе постоянно ходят парни, которые каждый день поджигают собственные магазины, и именно ты снабжаешь их железками. Так вот, мне нужен огнемёт с полным резервуаром.

— Хорошо, хорошо, я слышу.

Едва сдерживая радость, Дейв и Дэнни подвезли Свантона Морли к телефонной будке. Тот быстро переговорил с кем-то. Потом они поехали по указанному Морли адресу. В назначенном месте их уже ждал парень с большой спортивной сумкой,

стоявшей на земле. Под прикрытием оставшегося в машине Дэнни Дейв и Морли отправились на встречу.

Все обошлось без происшествий. Морли растегнул молнию, проверил содержимое сумки, отдал парню деньги и понес ее к машине. Дейв следовал за ним. Сумку положили в багажник, и все трое поехали дальше.

— Останови, — сказал Дэнни через некоторое время, — надо взглянуть на товар.

Дейв притормозил, Дэнни вышел из машины и подошел к багажнику.

— Хорошая вещь, — убеждал их Морли, — его не вынимали из воценой бумаги, поверь мне. Здесь даже есть книжка, армейская инструкция. Вы с ним быстро освоитесь.

— Я был в армии, — сказал Дейв, — и знаю, как пользоваться этой штукой.

— Вот и хорошо, вот и хорошо.

Дейв и Дэнни порылись в сумке. Дейв выругался и сказал.

— Произведено в годы Второй мировой войны. Достал хотя бы советский ЛПО-50. Или другой, более дальнбойный. Этот бьет только на сорок метров.

— Ты говоришь так, будто я выбирал его в супермаркете. Я взял, что мне дали, и передал вам. Но этот тоже неплох. Начнем с того, что он американский, поэтому можете изучить инструкцию, — ах, да, она вам не нужна, — потом, ЛПО-50 дает три двухсекундных выстрела, по одному из каждого резервуара. А потом машину можно выбрасывать. Эта же крошка выдает десять

двухсекундных выстрелов из одного пятнадцатилитрового резервуара.

— Только сорок метров, — проворчал Дейв. Морли пожал плечами.

— А зачем больше? Мне кажется, сорок метров — больше чем достаточно.

Они завернули огнемёт в вощеную бумагу, положили в сумку и отнесли ее в багажник.

— Слушай, мы могли бы опробовать аппарат, — сказал Дэнни, толкнув локтем напарника. — Сожжем этого урода и еще получим по контракту.

— Вы не посмеете, — побелев, с трудом выдал из себя Морли. — Я сделал все, что обещал.

— Да, но нам нельзя доверять. Мы же полицейские. Ты когда-нибудь слышал о честном полицейском? — продолжал Дэнни. — Я понимаю, могут быть честные воры, но полицейские?!

— Ладно, Морли, выходи, — Дейв понял, что пора прекращать издевательства.

— Что?

— Выходи. Гуляй, но не попадайся мне на глаза. Мой совет — уезжай. На Багамы. На Бермуды. Я думаю, торговлей оружием ты на это заработал. Но если попадешься еще раз, тебе не поздоровится. Понял?

— Вы... вы не выстрелите мне в спину?

— Мы? — переспросил Дэнни. — Да мы конфеты раздаем детишкам из воскресной школы, когда возвращаемся домой.

— Да, не сомневаюсь. Только хуже продажного полицейского никого не найдешь.

— Пошел вон! — крикнул Дейв.

Морли открыл дверь, шагнул в холодный

ночной воздух и побежал. Они знали, что сегодня нажили смертельного врага, но это их не беспокоило. Они достали то, что им нужно, и Бог знает, встретятся ли они когда-нибудь снова. Может быть, он и последует их совету.

Машина подъехала к отелю, где друзья собирались провести ночь. Возвращаться домой было бы верхом глупости. Ванесса уже ждала их. Это было такое заведение, что портье даже глазом не моргнул, когда двое мужчин и одна женщина сказали ему, что желают спать в одном номере, где была только одна двухспальная кровать.

Мужчины припарковали машину, вытащили из багажника сумку с огнеметом и понесли ее на второй этаж. Когда они поднимались по лестнице, Дейв задел сумкой за металлические перила; послышался звон. Дэнни обернулся на портье, потом пошел вслед за Дейвом.

Семидесятилетний портье едва пошевелил бровью, когда полицейские проходили мимо него. Все его внимание было приковано к спортивному разделу вечерних новостей. В этой тяжелой на вид сумке могли быть наручники, цепи, резиновые дубинки, мелькнуло у него в голове. Какое ему дело — все это он уже видел. Случалось даже самому попробовать. Секс. Ничего интересного для семидесятилетнего старика с бельмом на глазу и мокротой в легких. Спортивные новости — вот что теперь самое важное.

Глава 27

В комнате третьеразрядного отеля троица обсуждала план действий. Готовилась последняя проба сил.

В своей квартире каждый из них оставил записку, полагая, что, как это ни трудно, в конце концов Нэтру найдет, где живет кто-нибудь из них. Он далеко не глуп, просто не привык к этому миру. Наступит момент, когда он поймет, что быстрее найдет их, расспрашивая людей, чем бродя по улицам в надежде на случайную встречу. Кто-нибудь объяснит ему, как узнать адрес по телефонному справочнику.

В оставленных ими записках были одни и те же слова:

УВИДИМСЯ В ЦЕРКВИ.

Ниже был написан адрес кафедрального собора. Именно туда они хотели заманить Нэтру, а потом сжечь его огнеметом. Малопривно, но необходимо, чтобы спасти себя. Место казалось им подходящим для сражения — своеобразная ловушка. Там есть пространство для маневра — на кладбище и прилегающей к собору площади, видимо, не будет людей, особенно на исходе ночи.

В армии Дейв обучал солдат стрелять из огнемета, но сейчас он хотел, чтобы демона сжиг Дэнни. Нэтру надо было заманить в ловушку: кто-то должен был привлечь его внимание и вынудить напасть на него, чтобы демон подошел поближе к огнемету. Дейв понимал, что эта задача наиболее опасна, и не хотел подставлять Дэнни

под зажигалки мстящего демона. Дейв считал, что именно ему нужно быть приманкой.

Он начал с обычного вступления, с которого всегда начинал свои уроки в армии.

— Огонь уже тысячелетия используют в качестве оружия. На ассирийских барельефах изображены воины, штурмующие города с зажженными факелами. Древние греки изобрели так называемый «греческий огонь», зажигательную смесь, которую трудно потушить. Ее основой была нефть, а точный состав до сих пор неизвестен.

— Кончай, Дейв, — перебил его Дэнни. — У нас нет времени на всякую чепуху.

Дейв покачал головой, оглянулся на Ванессу, как бы прося поддержки, но она не стала вмешиваться в спор.

— Ты должен представлять, с чем имеешь дело, Дэнни. — Он расстегнул молнию на сумке. — Это страшное оружие. Оно может обратиться против того, кто его использует, и я хочу, чтобы ты понял, какие опасности могут тебя подстергать. Я знаю твоё отношение к оружию: в душе ты отчаянный ковбой. Для тебя это игрушки.

— Нет, ты ошибаешься, — обиделся Дэнни. — Мне известно, что к оружию надо относиться с уважением.

— Да, но эта штука требует особого уважения, потому что для огнеметчика она неудобна и опасна. В армии огнеметы ненавидят. В того, кто несет на спине огнемет, противник метит в первую очередь. Но это психологическое оружие. Человек может смело идти против пуль и штыков, часами выдерживать артобстрел, но если ему скажут, что

противник готовится применить огнеметы, он наложит в штаны. И никто из тех, кто знает, что такое огнемёт, его не осудит.

— Понятно, — спокойно сказал Дэнни. — Давай дальше, мы ведь не на уроке.

— На уроке, — тоже спокойно возразил Дейв.

Вынув оружие из спортивной сумки, он почти благоговейно опустил на пол черный ствол, напоминающий свинное рыло, ранцевый резервуар для огнесмеси и соединительные шланги. Он объяснил назначение всех деталей, показал на пальцах, как нажимать на спусковой крючок, как магниевый запал поджигает огнесмесь, которую выбрасывает из ствола давление сжатого инертного газа.

— Обычно это азот, — продолжал Дейв. — Давление газа в баллоне достигает ста сорока атмосфер, редуктор снижает его до рабочего давления около четырнадцати атмосфер... — Глаза Ванессы уже закрывались, но Дэнни внимательно слушал. — Азот выбрасывает огнесмесь из ствола. Огнесмесь проходит мимо запального устройства, которое превращает ее в огненную струю. Здесь в качестве огнесмеси используется напалм, Дэнни, — тот же напалм, какой применялся нами во Вьетнаме. Это старая модель, но напалм вполне современный, густой, с добавкой сплавов легких металлов, он будет гореть, пока не прожжет тебя до костей, даже если ты прыгнешь в реку или какой-нибудь водоем. Так что смотри, чтобы капли напалма не попали на тебя.

Глаза у Дэнни расширились. Только теперь он понял, что ему предстоит иметь дело с оружием,

которое потребует от него максимального уважения, на какое он способен.

— Дэнни, ты уверен, что справишься с огнеметом?

— Думаю, справлюсь, — ответил Дэнни. — Помоги мне пристегнуть его, Ванесса.

Ванесса испуганно взглянула на черный резервуар и короткий ствол, с которого кое-где отшелушилась краска, обнажив серебристый металл. В этом оружии для человека с повышенной чувствительностью было что-то отталкивающее: ствол как уродливый зев, а резервуар как горб карлика.

— Я даже прикасаться к этому отвратительному чудищу не хочу.

— Ты точно его охарактеризовала, — кивнул Дейв. — Да, и работа его отвратительна. Но выбора у нас нет. Либо демон — нас, либо — мы его.

Научив Дэнни обращаться с огнеметом, Дейв передал Ванессе ненужный пока Дэнни пистолет тридцать восьмого калибра, объяснил, как им пользоваться, и зарядил его.

— Возможно, против Нэтру это не очень эффективное оружие, но лучше, чем ничего.

Перед тем как отправиться выполнять свою миссию, они выпили виски, чтобы успокоить нервы. Ванесса была на удивление спокойна, пока Дейв не спросил, о чем она задумалась. Ванесса упала на кровать и уставилась в потолок.

— Не знаю, — ответила она. — Я чувствую, что мы приближаемся к решающему моменту в нашей жизни. Мы обязательно должны его убить, иначе он убьет нас. По крайней мере, тебя и Дэнни. Возможно, он захочет прикончить и меня,

раз уж я связалась с вами. — Она смяла сигарету в пепельнице и продолжала: — Я часто задумываюсь об огне. Он преследует меня всю жизнь. Знаете ли вы, что в Библии свыше трехсот упоминаний об огне? Я говорила вам об этом? Разрушение Содома и Гоморры, неудачная попытка Авраама принесения в жертву своего сына, огненный куст и столб огня Моисея и многие другие факты. Я знаю подробности пожаров в Риме, Лондоне, Александрии, Дрездене. Я думаю о них, как о старых друзьях. — Она улыбнулась Дейву. — Ты был необыкновенно терпелив ко мне. Я знаю, что свихнулась, но теперь, мне кажется, начинаю от этого избавляться. Встреча с ангелом многое решила. Теперь я больше не мечтаю, чтобы меня сожгли на костре, как Жанну д'Арк или какую-нибудь средневековую ведьму. И теперь мы собираемся уничтожить демона тем же средством, какое я всю жизнь использовала для самоочищения, — огнем.

— И схвачен был зверь и с ним лжепророк, — процитировал Дэнни. — Оба живьем были брошены в озеро огненное, с горящей серой.

— Откровение, глава 19, стих 20, — дополнила цитату Ванесса.

— Парочка интеллектуалов, — с досадой сказал Дейв, покачав головой. — Чтобы сжечь демона, нужны бойцы-ниндзя, а у меня тут пара начетчиков.

— То, что у нас есть мозги, не означает, что у нас нет мускулов, — язвительно заметил Дэнни.

— Ответ, достойный начетчика, — не сдался Дейв. — Ладно, академики, нам пора выходить.

Оба кивнули.

— Слушайте, я хочу кое-что сказать, — продолжил Дейв.

Дэнни и Ванесса посмотрели на него.

— Я хочу, чтобы вы поняли...

— Мы знаем, что ты имеешь в виду, — перебил Дэнни, — так что не надо ничего говорить. Завтра в это время мы будем сидеть у Фокси и праздновать победу, и запах жареного мяса будет доноситься только из кухни. Давайте постараемся, чтобы это было именно так.

Они поехали к собору, присматриваясь к каждому движению на ночных улицах. Возле величественного здания с двумя шпилями и витражом с изображением Кеннеди они остановились и осторожно пошли по дорожке между надгробиями.

Было темно, облака закрывали луну. Собор был открыт всегда; ночью сокровища хранились неподалеку, в резиденции настоятеля собора. С огнеметом на изготовку, остерегаясь каждой тени, Дэнни обошел вокруг собора. Ванесса и Дейв вошли в собор и начали обследовать все закоулки.

Дейв осматривал часть собора над пресбитерием, освещенную только светом алтаря и еще не прогоревшими поминальными свечами. Недавно закончилась полуночная служба, потом были прочитаны молитвы в память о тех, кто погиб в недавних пожарах, в том числе в полицейском участке. В ящике с песком около алтаря горело больше двухсот поминальных свечей.

Ванесса с карманным фонариком спустилась в

склеп. Там никого не было, кроме мертвых священников и покровителей собора.

Оба понимали: столкнись они с Нэтру, их ждет неминуемая смерть. Но их крик услышал бы Дэнни, человек с оружием.

Итак, они опередили Нэтру. Следовательно, пока все идет по плану. Дэнни спрятался на кладбище за высоким надгробием, а Дейв укрылся в тени здания, готовый выйти в любой момент, как только появится демон.

Ванесса с пистолетом Дэнни встала за колонной возле алтаря. Конечно, пистолет — плохая защита от Нэтру, но ей надо было что-то держать в руках. Дейв ушел, и теперь в соборе она осталась одна.

Луна вышла из-за облаков и через огромное круглое окно с витражом, расположенное высоко над алтарем, осветила интерьер собора.

Ванессе стало страшно, и она опустила на корточки, сжимая пистолет обеими руками. Что чувствует сейчас Дэнни? — подумала Ванесса. Ведь именно в его руках смертоносное оружие, именно он должен уничтожить павшего ангела. Если ему не повезет, все они погибнут, ведь другого способа покончить с этим чудовищем нет. Если огнем не поможет, Нэтру уничтожит их не только без сожаления, но даже с удовольствием.

Ванесса огляделась. Помещение было тускло освещено алтарными свечами и луной, смотревшей в собор через окно с портретом Джона Ф. Кеннеди. Казалось, сама атмосфера собора вселяет умиротворение и надежду. Ванесса даже засомневалась: посмеет ли демон войти в церковь? В

конце концов, это Божья обитель. Может быть, Он защищает ее от вторжения демонов?

Наверно, именно поэтому Дейв оставил ее здесь.

Черт его возьми, подумала она. С какой стати он с ней так носится? В этом отношении он слишком старомоден. Почему он так не похож на современных мужчин, с какими она обычно встречалась? Потому что он полицейский? Нет, ей нужно привыкнуть к мысли, что причина этого — его любовь к ней. Конечно, в этом нет ничего предвсудительного, но любовь не должна быть слишком навязчивой, иначе она может превратиться в обузу. Однако у нее будет время его переделать за те годы, которые они проведут вместе. Когда нам будет за шестьдесят, с грустью подумала Ванесса, его представления о женщинах станут более современными.

Стоя в тени под взглядами пустоглазых химер, Дейв вспомнил, какими он представлял ангелов и демонов в детстве. У них не было ничего общего с Нэтру ни прежде, ни теперь. Ангелы его детства были очень похожи на ту каменную фигуру, которая стояла на ближайшей к нему могиле: прекрасная женщина в греческом хитоне с плоской грудью и широкими крыльями на месте лопаток. Демоны представлялись ему тварями с раздвоенными копытами, узкими лицами, козлиными глазами, крыльями, как у летучей мыши, и, конечно, с хвостом и рогами.

После превращения в демона внешность Нэтру

не изменилась. Он остался таким же красивым молодым человеком, как в бытность ангелом.

Дейв хотел при встрече с Нэтру сказать ему что-нибудь вроде: «Ты смеешься над моим упорством. Мне это не нравится», но потом отказался от этой мысли. Скорее всего, увидев демона, он просто надует в штаны.

Притаившись за надгробием и готовясь прорезать воздух смертоносным факелом, Дэнни тоже дрожал от страха. Он чувствовал себя чрезмерно большим и уязвимым. Сейчас он больше всего хотел бы оказаться в постели с толстушкой по имени Рита, но теперь у него не будет уютных ночей с Ритой, а будут только исповеди трем любимым священникам после ночных гулянок.

Черт возьми, думал Дэнни, пусть этот ублюдок поскорей явится, и мы покончим с этой историей — так или иначе.

Глава 28

Разбрызгивая по квартире Дэвида Питерса авиационный бензин, Манович обнаружил записку. Он забрался в квартиру по пожарной лестнице, выдавив окно. Записка была приколота к ручке веника, поставленного у входа в гостиную. Он посветил карманным фонарем и прочел послание, оказавшееся весьма кратким:

УВИДИМСЯ В ЦЕРКВИ.

Ниже указывался адрес.

Засовывая ключок бумаги в карман, Манни вспотел. Черт возьми! Как они узнали? Хотя он уже несколько месяцев обдумывал свой план, но никому не сказал ни слова. Никто не знал, что он придет сюда.

А может, он поторопился с выводами? Может быть, записка предназначалась не ему? Ведь Питерс мог ждать и кого-то другого. Оставалось только надеяться, что детектив придет домой раньше гостя.

Авиационный бензин Манни достал у своего друга, работавшего механиком в аэропорту. Авиабензин быстрее испаряется, и у него более низкая температура воспламенения. Чтобы выгорела вся квартира, будет достаточно одной искры.

Сначала нужно «починить» выключатель.

В свете фонарика Манни отвинтил крышку и с ладони сдунул на оголенные контакты пригоршню мелких стальных опилок. Если теперь кто-то включит свет, то хорошая искра будет обеспечена.

Установив крышку на место, Манни принялся

поливать бензином мебель, ковры и занавески. Он уже сам задыхался в густых парах.

Когда Питерс вернется домой и включит свет, пары бензина вспыхнут и убудок сгорит заживо.

В свете фонарика Манни осмотрел плоды своего труда. Теперь вся комната была залита смертоносным горючим. В поджоге, конечно, обвинят кого-нибудь из тех, кого в свое время арестовал Питерс, а еще лучше, ту суку, с которой он теперь спит. А потом Манни возьмет эту проститутку там, где захочет. Ей придется раздвинуть ноги, если к тому времени он к ней не охладее.

Возможно, первым войдет и включит свет не Питерс, а кто-то другой. Тогда он превратится в хрустящий картофель. Для Манни это не имело значения, потому что его уже здесь не будет. Может быть, тогда Питерса обвинят в том, что он устроил ловушку. Это тоже вполне устроило бы Манни.

Манни вдохнул тяжелый воздух и направился к окну.

Он был только на полпути к цели, когда входная дверь сорвалась с петель, влетела в комнату и сбила его с ног. Грузное тело Манни перелетело через спинку софы. Он ударился головой о стену.

Мгновение он лежал оглушенный, судорожно втягивая в легкие пары авиабензина, а потом широко открыл глаза и завопил как резаный:

— Не включай свет! Ради Бога не трогай выключатель!

— Я почувствовал запах бензина за сотню метров, еще на улице, — грозно зазвенел чей-то голос от двери. — Принимаешь меня за идиота? —

В голосе зазвучали обвинительные нотки. — Ты хотел меня сжечь.

— Не тебя, не тебя.

Манни с трудом поднялся, провел рукой по лицу. Она стала влажной: нос был в крови. Манни достал носовой платок, несколько раз промокнул им лицо. Он ушибся и лбом, и затылком, но дверь упала именно на нос. От боли у него потекли слезы.

— Кто ты такой, черт побери? — обратился Манни к черному силуэту, выделявшемуся на фоне освещенной лестничной клетки. — Зачем ты выломал дверь?

— Где полицейский? — спокойно спросил гость.

Манни вспомнил о записке и все понял. Должно быть, это бывший заключенный, который зол на Питерса. Он ищет Питерса, а тот, зная об этом, оставил для него записку. Может быть, там, у городского собора, он хочет выяснить с ним отношения.

— Его здесь нет, — ответил Манни.

— Где же он?

— Кто ты такой?

Любой, кроме Мановича, понял бы намек, когда вылетела дверь. Любой, кроме Мановича, догадался бы: этот сукин сын силен как дьявол. Любой, но только не Манович.

Незнакомец шагнул в комнату и схватил Манни за горло. Манович почувствовал, как сжимаются пальцы.

— Эй, — хрюкнул он, бросив платок и пытаясь оторвать пальцы от горла. — Эй, — хрюкнул он

снова в панике; в третий раз из его горла вырвался только хрип.

Он стал судорожно шарить рукой в кармане брюк, словно испуганный краб, нашел наконец помятую записку и помахал ею перед глазами своего мучителя.

Тот отпустил Манни, повернул записку к свету и прочел. Манни массировал шею.

— Где это? Как туда добраться?

— Господи, — прохрипел Манович, — покажи ее шоферу и все дела, черт тебя побери.

— Шоферу?

— Таксисту. Ты что, с Луны свалился?

— Наемные машины, — кивнул головой незнакомец.

Манни хотел было рассмотреть лицо бандита, но свет падал из-за его спины, поэтому Манни видел только глаза, устремленные на него. Незнакомец принимал какое-то решение, на которое Манни не мог повлиять. В нем снова проснулся страх.

— Эй, послушайте, мистер, я не...

Незнакомец схватил Манни за плечи и ударил коленом ниже пояса. Манович согнулся вдвое и застонал. Удар кулаком пришелся ему между глаз. Он почувствовал резкую боль, рухнул лицом на пол и потерял сознание.

Когда Манни пришел в себя, он почувствовал, что у него повреждено зрение. Он лежал совсем рядом с на четверть полной канистрой и вдоволь надышался бензином. В горле пересохло, низ живота болел, как будто по нему ударили кувалдой, голова раскалывалась.

— Эй, кто-нибудь!.. — закричал Манни и осекся, вспомнив о выключателе. Он с трудом поднялся, не увидел нигде даже слабого света и сообразил, что входную дверь поставили на место. Если кто-то войдет и включит свет, они оба превратятся в факелы. Стало быть, звать на помощь нельзя. Одна искра — и здесь начнется цепная реакция. Манни бросило в холодный пот, стоило только представить себе такую картину.

Он решил искать дверь на ощупь, но к горлу подкатывала тошнота, голова кружилась, так что на каждом шагу он мог потерять равновесие и упасть. К несчастью, при первом же движении он опрокинул канистру и облил брюки бензином. Черт с ней, с канистрой, подумал Манни; бензин выливался на ковер. Постепенно ему удалось подойти к стене, он нащупал угол, но в последний момент врезался во что-то из мебели. На пол полетели вещи, в углу комнаты с грохотом разбились керамическая лампа. Манни затрясся при мысли, что кто-то может войти на шум, и снова упал.

Поднявшись во второй раз, он заковылял в другом направлении, но тут же наткнулся на стул. Он заскулил, слезы покатались по жирным щекам. Наконец судьба сжалилась над ним, он нащупал деревянную ручку и толкнул дверь. Дверь легко подалась, но открылась в другую комнату. Манни опять заскулил.

Шатаясь, он, как в ночном кошмаре, побрел назад, в гостиную. Какой же я дурак, подумал Манни. Как он хотел сейчас быть дома, в постели, рядом со своей толстой женой Перл. Дома. В

безопасности. А не здесь, в пугающей до обморока темноте, в двух шагах от неминуемой смерти.

Потом он попробовал воспользоваться тем же окном, через которое попал в квартиру, но вспомнил, что тщательно прикрыл его шторой, чтобы снаружи не был виден свет фонаря. Теперь он жалел, что не оставил хотя бы щелку, которая помогла бы ему найти путь к пожарной лестнице.

Повсюду он натыкался лишь на глухие стены, которые при первой же попытке опереться уходили у него из-под рук. Дважды голова кружилась так, что он падал на спину, как будто его сдувало ветром.

Потом отчаявшийся Манни услышал шаги на лестничной клетке. Он затаил дыхание... и облегченно вздохнул, когда убедился, что никто не собирается входить в квартиру. Манни медленно пополз в ту сторону, откуда доносились звуки. Он опять натолкнулся на канистру, умудрился намотить куртку, но не придал этому значения. Наконец он дополз до другой стены, встал на ноги, двинулся вдоль стены, осторожно ощупывая ее, чтобы случайно не надавить на выключатель, и наконец нашел дверь.

Как он и ожидал, ее не поставили на петли, а просто заткнули ею проем.

Он потянул за ручку, но дверь не поддавалась. Ручка повернулась на полный оборот без малейшего эффекта. Он стал бить в дверь ногой и минут через пять заплакал от отчаяния, потому что за это время дверь сдвинулась всего лишь на треть сантиметра. Внизу, слева от него, образовалась узкая освещенная щелка. Как он хотел выбраться

на этот свет, где можно было бы не бороться с тошнотой, головокружением, а просто упасть и ждать, когда тебя найдут.

Он продолжал бить в дверь ногой и плечом. С каждой секундой его все больше охватывал страх. Все чаще ему казалось, что он слышит взрыв бензина. Манни не хотел так умирать, не хотел превратиться в пережаренный кусок свинины, который слишком долго оставался на гриле. Он представил себе запах горелого мяса, его похрустывание, вспомнил, как он ругался, что мясо плохо приготовлено.

Манни яростно ударил в нижнюю панель. Дверь неожиданно рухнула в квартиру, ударив его по голове и плечам.

Победа, успел подумать Манни.

Через несколько секунд он будет на лестничной клетке, он будет дальше и дальше уползать от опасного места.

В этот момент в глубине комнаты раздался щелчок. Он не был громким, но для Манни прозвучал как взрыв ядерной бомбы. За долю секунды, которая отделяла его от смерти, Манни успел сообразить, что отопление в квартире регулируется автоматически.

Только одна крошечная искра.

Через секунду Манни был бы на лестничной клетке, за углом, в безопасности.

Но у него не было в запасе ни секунды, ни даже доли секунды.

Ему не хватило времени даже на то, чтобы вздохнуть и назвать себя дураком.

Пламя моментально охватило всю квартиру,

проникло в каждую трещинку, в каждый уголок, даже в легкие Манни. Оно выскочило на лестничную клетку, слизывая краску с дверей, скручивая линолеум и хлопая лампочками. Потом его всосало назад, в квартиру, как если бы там сидел дракон, втянувший огонь в свои легкие. Взорвалась канистра с бензином, обдав огненным дождем то, что еще осталось от мебели. Пламя набирало силу и стало поглощать все, что было в гостиной.

Одним из первых пламя пожрало останки существа, которое корчилось, как ящерица, на полу у двери.

Глава 29

Настоятель собора страдал хронической бессонницей.

В эти дни он не спал из-за того сложного финансового положения, в котором оказался собор. Впрочем, причину найти можно всегда. Когда ему было пятнадцать лет и он еще только мечтал о приобщении к таинству священнослужителя, он не спал из-за того, что ему казалось, будто он где-то подцепил ужасную венерическую болезнь. Товарищи по школе-интернату сказали ему, что ею можно заразиться в общественных туалетах, и иногда он целый день не заходил в туалет и терпел такую боль, словно кто-то засунул ему в промежность раскаленную иглу. С тех пор он ненавидел боль.

В те дни он замирал от стыда, потому что понимал: никто не поверит, что он ни разу в жизни не спал с проституткой. И поэтому часами он лежал в темноте с открытыми глазами, обливаясь холодным потом. Однажды он довел себя до того, что его ноги свело судорогой. Когда он попытался встать с постели, то не устоял на ногах и в ужасе стал звать на помощь дежурную наставницу, уверенный в том, что подхватил вирус в бассейне.

Теперь причины его бессонницы были более прозаическими.

Ему сказали, что северо-восточный угол собора медленно уходит в землю и для того, чтобы его укрепить, потребуется уйма денег. Особняк настоятеля находился рядом с собором. Поэтому каждую полночь он подходил к собору и внимательно

смотрел на аварийный угол, пытаясь обнаружить его движение.

Собор всегда казался ему надежным, как гора, и вот теперь ему сказали, что он проваливается. Некоторое время назад химическим карандашом он сделал метку на камне у самой земли. Когда он смотрел на метку, ему казалось, что она не опускается. Настоятель подумал, что, должно быть, Господь внял его молитвам. Однако эксперты, побывавшие здесь всего неделю назад, заявили, что угол все же опускается. Какое-то скрытое движение, которое могут распознать только эксперты! Когда настоятель сказал им про свою метку, они в ответ только молча смерили его взглядом, как бы говоря: не лезь в дела, в которых ничего не понимаешь.

Он хотел было сказать им: «Мне неведомы тайна сотворения мира, загадка смерти и пути Господни. Что же, мне и об этом не думать?!» Но промолчал.

Они стали терпеливо ему объяснять, что дальнейшее оседание может происходить очень медленно, почти незаметно, а может, и резко, что движения земной коры непредсказуемы. Эксперты сказали, что в таких процессах велика роль случайных факторов. Но совершенно очевидно, что собор проваливается, и хотя они не видят никакого вреда в молитвах, но лучшее усилить фундамент бетоном и сталью.

Коллеги-священники убеждали его не беспокоиться. Собору уже сотня лет, рассуждали они, так почему бы ему не простоять тысячу? А может быть, и десять тысяч? Взять хотя бы пизанскую

башню! Все еще стоит, а сколько уже веков прошло? Восемь или девять? В мире, кажется, есть еще сооружение, то ли в Азии, то ли в Южной Америке, то ли на острове в Тихом океане, которому столетия назад предрекали скорое разрушение, но оно пережило тех, кто это предрекал.

Итак, здесь побывали так называемые эксперты, побывали и пришлые священники, похожие на школьников: невежественные, но уверенные в своей правоте.

Эксперты сомневались, конечно, в том, что вера сможет удержать тысячи тонн гранита. Они предпочитали реализовать свою веру в виде конструкций из стальных балок, но не знали, что настоятель считает веру более надежной, чем сталь и бетон. Бог создал землю и камни и волен распоряжаться ими как ему заблагорассудится. Если Бог пожелал вогнать собор в землю своим кулаком, он это сделает. Если, однако, он снизойдет к молитвам настоятеля, то собор простоит века. Что для Него какие-то тысячи тонн, когда Он удерживает в пространстве тела, весящие миллиарды тонн, вращает их, заселяет их живыми существами. Он создал планеты, свободно кружащиеся в пустоте, и удерживает их в равновесии, даже не прикасаясь к ним. Он сотворил бесчисленное множество таких миров — целую безграничную Вселенную.

Доводы настоятеля собора были выслушаны экспертами внимательно, терпеливо, со сдержанным одобрением, но потом они привели контраргументы. Да, да, конечно, все правильно, но настоятель не учитывает тот факт, что они живут в Сан-Франциско, сейсмически опасном районе.

Даже легкий толчок... Под северо-восточной частью собора, очевидно, проходит поток, размывающий фундамент с того времени, как было закончено строительство, с 1883 года. Собор может простоять год, десять, сто лет или даже пятьсот, но в конце концов обязательно обрушится. Время катастрофы не поддается точной оценке.

Но ведь речь шла о соборе. Его строили на века. Он устоял при землетрясении 1906 года и последующих, а теперь эти эксперты утверждают, что из-за потока и подземных толчков дни собора сочтены и речь идет лишь о небольших сроках.

А ведь еще нужно сделать новую крышу, и новая школа давно обещана, и есть масса других расходов, в том числе и непредвиденных.

Настоятель никогда не достиг бы своего теперешнего положения, будь он просто добродетельным и духовно чистым человеком, хотя он таким и был. Он был также большим ловкачом и знал, как настраивать людей так, чтобы они толкали его вперед, а не стояли у него на пути. Вот почему он не остался приходским священником, как отец Морган, вместе с которым его вводили в сан. Он не мог отказаться от своего дара и хотя старался обращать его на служение Господу, одним из побочных эффектов было продвижение вверх по иерархической лестнице. Настоятеля беспокоило — и иногда служило причиной бессонницы — слишком легкое осуществление его честолюбивых устремлений. Ему казалось, что Бог должен был сделать его путь более трудным, чтобы успех требовал больших усилий, но зато приносил бы и больше удовлетворения.

Настоятель брел вокруг собора, погруженный в неотступно преследовавшие его переживания, из-за которых ему редко удавалось заснуть больше чем на четыре часа. В тени собора он вдруг заметил легкое движение. Настоятель остановился и всмотрелся, его сердце учащенно забилося.

— Кто здесь? — спросил он. — Кто здесь в такое время?

Он немного боялся физической боли, но не считал, что должен оправдываться перед Богом за эту слабость, если это действительно слабость. Многие люди небезразличны к боли; да никто и не ждет, что они должны ею наслаждаться. (Если это было бы так, то само по себе представляло бы грех.) И если вас мучит боль, то нет оснований ее не бояться.

— Выходите!

Высокий мужчина с узким лицом вышел из тени и вежливо заговорил:

— Я полицейский. Есть подозрение, что этой ночью сюда может прийти опасный преступник. Вы епископ?

— Я настоятель собора, но я вас не понял.

— Мы с напарником подстерегаем поджигателя и убийцу. Может случиться непредвиденное. Лучше, если бы вы ушли.

Теперь священник ясно различил за высоким надгробием еще одного мужчину. За его спиной висел аппарат, очень похожий на распылитель для уничтожения садовых вредителей. Такими опрыскивают кусты в городских парках.

Неожиданно над могилами появился длинный и широкий язык пламени; он вырвался из трубы,

которую держал второй мужчина. Яркий свет залил кладбище. В воздухе пахло бензином, и декан почувствовал жжение в носу. Черный дым ел глаза.

Священник прижал руки к лицу. Его сердце чуть ли не вырвалось из груди, дыхание перехватило. Он не мог даже крикнуть.

— Он здесь, Дейв, — заорал мужчина. — С первого раза я промахнулся.

— Где он теперь? — закричал в ответ полицейский, стоявший рядом с настоятелем.

— Пошел в обход.

Священник словно окаменел. Очевидно, они разыскивают сумасшедшего. Но почему у них такое странное оружие? Ведь они обычно используют пистолеты или в крайнем случае карабины. Почему огонь?

Петляя между памятниками, настоятель побежал к кладбищенской стене, припал там к земле и спрятался в лесу памятников. Покойники лежали здесь плотно, как консервированная морковь. Кресты, плиты, ангелы иobelisks разделяли немногие дюймы свободного пространства. Священник всегда заботился об умерших, а теперь пусть они защитят его.

Настоятель был сильно напуган. Нутром он чувствовал, что здесь, на освященной земле его собора, происходит нечто ужасное. Способность предчувствовать была у него сильно развита — намного больше, чем у его коллег. Теперь его душа горела от беспокойства. Какое-то ужасное существо осквернило своим присутствием эту святую землю. Эта догадка повергла его в такой страх, какого он прежде не знал. Чтобы не

закричать, он зажал рот правой рукой и прикусил пальцы. В голове побежали слова молитвы: «Мария, Матерь Божия...»

Так что же у них за оружие? Огнемёт? Священник выглянул поверх мраморного леса как раз в тот момент, когда один из полицейских снова выстрелил огненной струей. Теперь цель была всего метрах в тридцати от полицейского, но преступник вырвал огромный надгробный камень и держал его перед собой, как щит. Пламя, лизнув камень, не причинило ему вреда.

— Он слишком далеко, Дэнни, побереги напалм! — кричал первый полицейский. Его голос звенел от страха. Но если он был просто испуган, то в голосе второго полицейского зазвучала высочайшая степень ужаса — такую не умел создавать даже настоятель во время своих проповедей.

— Я знаю. Господи, как быстро он бежит. За ним невозможно уследить. Как змея...

Настоятель, увидев преступника, все понял. Он почувствовал это нутром. Полицейские преследуют демона — исчадие ада. Отвратительное чудовище, которое вырвалось из преисподней и явилось на Землю, чтобы уничтожить его собор. Неудивительно, что им потребовался огонь. Неудивительно, что они так испуганы.

Пытаясь не дать волю собственному страху, настоятель плотнее прижимался к кирпичной стене, сильнее кусал костяшки пальцев и жалобно подвывал. Он молил Бога, чтобы мраморные надгробия выскочили из земли и создали преграду между ним и этим дьявольским существом, оскверняющим святость его дома.

Как раз в этот момент настоятель ощутил легкое движение рядом с собой, повернулся и увидел горящие глаза демона, устремленные прямо на него. Настоятель тихонько вскрикнул, а хрупкий на вид демон схватил его необычайно сильными руками и, подняв священника, закрылся им как щитом. Психическое поле демона несло в себе столько зла, что священника тут же вырвало. Демон не обратил на это никакого внимания — для него священник был только средством борьбы, не более того.

— Бросайте огненную машину, — прорычал демон, — или я оторву ему голову.

Полицейский с огнеметом вышел из-за надгробия. Их разделяло около двадцати метров. Ствол огнемета был направлен прямо на священника, готовый изрыгнуть огонь и превратить его в головешку. Священник подумал о смерти и зашептал молитву, надеясь, что сам епископ совершит над ним последний обряд.

Он попытался представить себе боль, какую испытывает горящий человек, вспомнил о подвергавших себя самосожжению непокорных буддийских монахах, которых изредка показывали в теленовостях. Зрелище было настолько ужасным, что священник отворачивался от экрана. Горение кожи на живом человеке должно было вызывать невообразимые мучения. Настоятель недавно обжег на свече палец, и боль была кошмарной. Только небольшой кусочек кожи на пальце! Что же он почувствует, когда загорится все его тело? Боль, вероятно, будет такой сильной, что, может

быть, он услышит ее как стрекотанье цикады. Или как-то иначе.

Священник стал вырываться из рук демона в надежде, что тот оторвет ему голову и он умрет, едва успев ощутить резкую боль.

— Что мне делать, Дейв? Я не могу выстрелить. У него священник.

Неожиданно для себя настоятель услышал собственный голос, приказывающий полицейскому сделать то, чего он в действительности не хотел.

— Сожги его, не беспокойся обо мне. Сожги чудовище...

Рука демона зажала ему рот, придавила губы к зубам так сильно, что священник почувствовал, как по подбородку потекла кровь.

— Молчи, или, клянусь, я сломаю тебе шею.

Полицейский по имени Дейв крикнул:

— Отпусти его, Нэтру. Тебе нужны мы, а не он.

Нэтру раздумывал, что предпринять дальше. Он верно рассчитал: они не станут убивать священника. Но они и не бросали оружие. Почему? Они не убьют священника, это противоречит их законам. Следовательно, его нужно использовать как заложника.

Но он не может стоять здесь вечно и держать человека, извивающегося в его руках как рыба. Он должен что-то предпринять. Он не может уйти, не убив этих двоих. Сейчас ему нужно заманить их туда, где они не смогут применить свое оружие. В собор.

Дэнни тоже не представлял, что делать дальше.

Он уже хотел было бросить огнемёт. Но тогда он умрет, Дейв тоже, а может быть, и священник. А если он этого не сделает, то Нэтру сломают священнику шею. Дэнни никогда не простит себе смерти настоятеля. Это будет его, Дэнни, вина, и он будет испытывать угрызения совести всю оставшуюся жизнь. Нести вину за смерть священника — это все равно что сбить ребенка автомобилем. С таким грехом на душе жить нельзя, от этого можно сойти с ума.

Они попали в тупиковую ситуацию, и Дэнни захотелось очутиться где-нибудь в другом месте, например в Филадельфии. Дейв чувствовал свою беспомощность и не представлял, что будет дальше. Он видел, что нервы у Дэнни напряжены сильнее, чем струны новой теннисной ракетки. Дейв не знал, что предпримет Дэнни в следующий момент: в равной степени тот был готов и нажать на курок, и бросить оружие. Он знал Дэнни достаточно хорошо, в некоторых отношениях даже лучше, чем сам Дэнни.

Итак, там был перепуганный насмерть священник; его страх чувствовался даже с расстояния 20 метров. Однако у него хватало и мужества. Несомненно, как любой служитель культа, он имел свои взгляды на смерть. Священник боялся, как боялся бы любой другой на его месте, но чего? Демона? Боялся заразиться злом от этого чудовища? Или, вопреки своей вере, он действительно боялся смерти?

Наконец, там был непредсказуемый Нэтру, цели которого, однако, были ясны. Нэтру хотел убить двух полицейских. Он жаждал мести. Убив

священника, он ничего не добьется, потому что его моментально сожгут. Демон, должно быть, понял, что Дэнни не бросит оружие, если до сих пор этого не сделал. Следовательно, в тупике оказался и Нэтру.

— Не причиняй мне боль, — услышал Дейв голос священника, — я ее не выношу.

Дейв улыбнулся. Ему в голову пришла удачная мысль. Он достал из кобуры пистолет и прицелился. Нэтру усмехнулся, но растерянно: он не понимал, что задумал полицейский.

Священник посмотрел Дейву в глаза, и они поняли друг друга.

— Дэнни, приготовь огнемет, — крикнул Дейв. — Я выстрелю в священника. Отец, вы не боитесь смерти, не так ли?

В подтверждение священник склонил голову.

— Убей меня, — сказал он.

Нэтру почувствовал, как священник обмяк в его руках. Священник не боялся умереть. Все в нем протестовало против боли, но не против смерти. Неужели полицейский убьет священника? Да, чтобы уничтожить убийцу его жены и ребенка, полицейский может пойти и на это. Он был готов пожертвовать собой и другом, так что ему до незнакомого священника?

Впрочем, Нэтру знал, как ему ускользнуть; наверняка полицейские не учили эту возможность.

Бросив священника, Нэтру мгновенно подпрыгнул, сделал высоко в воздухе кульбит, перелетел через стену и приземлился на обе ноги по другую сторону. Тротуар и улица в этом месте

находились метра на два ниже уровня кладбища, так как собор стоял на возвышении. Теперь демон был вне пределов досягаемости полицейских, которым нужно было сначала вскарабкаться на двухметровую стену, а потом прыгнуть с четырехметровой высоты на бетон.

Отсюда Нэтру мог бы убежать и скрыться, но это не входило в его планы. Он пришел, чтобы расправиться со своими врагами, и то, что у них огненная машина, его не остановит. Они примут смерть от его руки сегодня ночью.

У демона было свое оружие. В карманах его плаща лежали шесть бутылок с коктейлем Молотова. Вытащив одну из них, он поджег запал, швырнул ее через стену и услышал, как она разбилась — должно быть, об одно из надгробий. Раздался взрыв, а вслед за ним крик боли, и демон удовлетворенно улыбнулся.

Нэтру метил в то место, где он оставил священника.

Неподалеку на улице стоял пьяница.

Пьяницу звали Билли Дрэнтон; после попойки, растратив все деньги, он шел домой к жене. Перед встречей с Марией ему отчаянно хотелось пропустить еще несколько глотков спиртного; всегда, когда он выпивал с друзьями, она становилась сущей ведьмой. В последний раз жена порезала его хлебным ножом, правда, потом сожалела об этом, когда он залил кровью весь вылизанный ею пол на кухне.

Вдруг прямо перед Билли кто-то упал из темноты на тротуар. Он ошеломленно посмотрел

вверх на звезды, словно ожидая, не будет ли еще кого-нибудь оттуда. Потом посланец неба выхватил из кармана бутылку спиртного, на вид совершенно полную, и поджег пробку.

— Эй! — крикнул пьяница. При виде живой влаги его чувства невольно опережали разум. — Эй, ты что делаешь?

Из горлышка бутылки вырвалось пламя. К изумлению и огорчению Билли, человек, размахнувшись, запустил бутылку через стену на кладбище. Просто выбросил ее. Сумасшедший ублюдок. Дурак. Полную бутылку.

Должно быть, там был крепкий напиток, потому что из-за стены вырвался фонтан огня.

— Какого черта? Почему не отдал мне? — завопил Билли, негодуя на такую несправедливость.

Человек, тощий ублюдок с женским лицом, побежал в сторону Билли, который инстинктивно принял позу обороняющегося регбиста. Может быть, у тощего говнюка есть еще бутылка? Билли неудержимо тянуло к спиртному, и он был готов выяснить это.

Нэтру подбежал к пьянице и плечом врезался ему в грудь. Билли вцепился в его плащ, но Нэтру ударил пьяницу локтем в лицо, тот отлетел на дорогу, поскользнулся на какой-то грязи и, наконец, упал на спину. Из его носа обильно текла кровь.

— Эй! — крикнул он опять. — Эй!

Однако пьяница что-то уже держал в руке. Видимо, он успел забраться в карман к Нэтру и стащить бутылку с коктейлем Молотова. Демон

опять двинулся к Билли, но тот быстро вытащил тряпичную пробку и стал жадно пить.

— Ха! — выдохнул он с удовлетворением.

В ту же секунду глаза Билли вылезли из орбит. Он закашлялся, захрипел, а потом стал кататься на дороге, хватаясь руками за горло. Бутылка выпала из его рук и покатилась по асфальту, оставляя бензиновый след.

Нэтру быстро поднес зажигалку к темному следу. Вскоре на пьянице загорелась одежда, а потом раздался приглушенный хлопок: должно быть, взорвался выпитый им бензин.

Демон побежал вдоль кирпичной стены, перелез через нее и осторожно пробрался между надгробиями, провожаемый бесстрастными глазами мраморных ангелов. Потом стал взбираться на стену собора.

— Ты видел?! — заорал Дэнни.

Дейв и сам все видел. Демон двигался невероятно быстро. Только что он стоял здесь, обхватив священника, а в следующую секунду уже исчез, акробатическим прыжком перемахнув через кладбищенскую стену. Дэнни подбежал к стене как раз в тот момент, когда бутылка с коктейлем Молотова разбилась о бетонную дорожку рядом со священником. Дэнни нырнул за надгробие, понимая, что если огонь коснется его оружия, то он превратится в столб пламени выше шпиля собора.

Брызги горячей жидкости обожгли священника, и он закричал. Дейв бросился к нему, на ходу сорвал с себя куртку и набросил ее на голову и плечи священника. Потушив пламя, он оттащил

священника от горящего бензина. Настоятель стонал, но через несколько секунд поднялся на ноги.

— Со мной все в порядке, — бормотал он. — Не беспокойтесь обо мне. Со мной все в порядке. Со мной все в порядке.

Настоятель без конца повторял одни и те же слова, пытаясь успокоить скорее самого себя, чем других. В свете фонаря Дейв бегло осмотрел его и обнаружил только поверхностные ожоги. К счастью, со священником действительно было все в порядке.

Из-за стены донеслись крики, потом хлопок взрыва. Дэнни подтянулся на руках, заглянул через стену и сказал Дейву:

— Он поджег еще кого-то. Господи, бедняга...

Тут же закричал священник:

— Он там!

Забыв об ожогах, настоятель показывал на стену собора. По ней быстро взбирался Нэтру, цепляясь руками и ногами за трещины в кладке. Он напоминал огромного черного паука, стремительно ползущего по отвесной стене. Зрелище было отвратительным.

Дейв знал, что некоторые скалолазы умеют взбираться по вертикальной стене, используя выступы и трещины, которые есть в любой кладке. Но, конечно, они поднимаются не с такой скоростью. Скалолазы тщательно рассчитывают каждое движение, а демон скользил по стене быстрее, чем краб по прибрежным камням.

Дэнни побежал к собору, размахивая стволом огнемёта, но Нэтру уже добрался до витражного

окна. Ухватившись за изваяние химеры правой рукой, левой он разбил витраж, а потом нырнул в окно и скрылся в соборе. По-видимому, он не стал слезать по стене, а сразу прыгнул вниз.

— Он разобьется! — с надеждой крикнул Дэнни.

Дейв был уверен в обратном. В отличие от священника Нэтру боялся не боли, а уничтожения. И его можно уничтожить только огнем. Упав, он, быть может, повредит пару костей, но вскоре они заживут, возможно, уже через несколько секунд.

Теперь демон в соборе. Дейв понимал, зачем он туда забрался. Нэтру хотел заманить их внутрь. В помещении трудно применить огнемет, к тому же там много укрытий. Дэнни надо поставить около выхода и попытаться выкурить демона оттуда, где бы он ни спрятался: в гробнице или в одной из комнатушек с латинским названием, которых так много в любом католическом соборе.

Вдруг Дейв вспомнил:

— Господи, там же Ванесса...

Глава 30

Ванесса прислушивалась к доносившимся до нее звукам и догадалась, что демон еще не сожжен. Это были крики боли и погони; потом наступила тишина. Вскоре она услышала, как кто-то карабкается по стене, и еще более громкие крики. Вдруг раскололся витраж над алтарем. Ванесса сжалась в страхе. Обломки цветного стекла вместе со свинцовыми перегородками упали на каменные плиты и разлетелись на мелкие кусочки, усеявшие весь пол пресбитерия.

Ванесса осторожно выглянула из-за колонны, осмотрелась вокруг себя, потом подняла голову. В раме витража показалась темная фигура. Должно быть, это был Нэтру. Она увидела, как демон прыгнул с головокружительной высоты; его плащ надулся, как купол парашюта. Он, словно кошка, ловко приземлился за алтарем на четвереньки. Послышался звук бьющегося стекла; звук был приглушенным, как будто стекло было обмотано тряпкой. Запахло бензином. Значит, разбилась одна из бутылок с коктейлем Молотова. Ванесса была уверена, что эта бутылка не была последней; в карманах его широкого плаща могло бы уместиться несколько бутылок.

У Ванессы бешено колотилось сердце; в ужасе она ждала, когда демон появится из-за алтаря. Время тянулось невыносимо медленно. Даже если Нэтру не разбился, то, подумала Ванесса, может быть, святыни дома Господня обездвижат его. Распятие, статуя девы Марии, освященная земля, святая вода и священные книги — все это должно

сковать его, лишитъ сил. Ведь на кладбище священных символов почти не было, одни лишь каменные кресты, не имеющие почти никакой силы.

Ванесса впервые видела демона, и уже одно его появление потрясло ее до глубины души. Существо, которое пролезло через разбитый витраж и, описав в воздухе дугу, ловко упало на пол, показалось ей огромным черным котом. Ванесса ненавидела кошек: они смотрят немигающими глазами прямо в душу и как бы осуждают тебя за все твои грехи.

Только Ванесса подумала, что, возможно, при падении демон сломал себе ногу, как он встал, и алтарные свечи озарили его бледное лицо. Ванесса быстро убрала голову за колонну и сжала обеими руками пистолет, который придавал ей немного уверенности. Потом она снова выглянула и увидела, как демон небрежно отбросил в сторону переносное распятие, перечеркнув ее надежду на то, что дьявольская сила отступает перед священными символами. Осмотревшись, он остановил взгляд темных глаз на горящих свечах. Ванесса снова нырнула за колонну. Она вздрогнула, когда перед ней по стене поплыла тень. Значит, он шел, а она не слышала его шагов. Это ее испугало. Он подойдет вплотную, а она даже не услышит. Потом что-то упало, кажется, стопка сборников церковных гимнов или библий, и Ванесса догадалась, что демон находится на дальней стороне нефа.

Ванесса спрятала пистолет в карман толстой шерстяной юбки и осторожно перебежала к следующей колонне, надеясь в конце концов добраться до алтаря и укрыться за ним. Демон там уже был

и, возможно, больше туда не вернется, даже если догадается, что она в церкви.

— Я чувствую твой запах, — сказал кто-то.

Ванесса остановилась, остолбенев от того тона, каким это было произнесено. Как она и представляла себе, голос был грубым, бесчувственным, хриплым. Чудовище чуяло ее и знало, что она здесь.

— Я знаю, это ты. Я чуял этот запах, когда шел за тобой по улице. Я собирался сжечь тебя в тот день, но должен был удовлетвориться смертью другого. Это был мужчина. Худой, бледный, со слабыми глазами. Он носил очки, которые меняют цвет в зависимости от освещения...

Том.

— ... и он был в тот день с тобой. От него пахло твоими духами. Я разможил ему череп и бросил в канализацию. Теперь его уже съели крысы.

Значит, он убил Тома в тот вечер, когда Том ее чуть не изнасиловал. Бедный Том был глуп, но не заслуживал смерти. Но зачем демон ей это рассказывает? Надеется, что она бросится на него, пытаясь отомстить за прежнего любовника? Возможно. Возможно также, что он хитростью пытается выманить ее из укрытия. Несомненно, он понял, насколько страстно двое мужчин хотят отомстить за своих убитых женщин. Почему же женщина не может чувствовать того же по отношению к ее мужчине?

Однако демон не учел, что Тома она больше не любит и не собирается подставлять себя под удар ради его памяти. Здесь Нэтру жестоко

просчитался; если он способен совершать такие ошибки, то он уязвим. Значит, есть надежда его уничтожить.

— Либо ты сама выйдешь, либо я здесь все разнесу, но тебя найду.

Как раз в этот момент со стороны входной двери раздался тихий скрип, как будто кто-то пытался незаметно войти в храм. Возможно, это Дэнни с огнеметом; тогда ей нужно отвлечь внимание демона.

— Чего ты хочешь? — громко спросила она, и эхо повторило ее вопрос.

— Ты поможешь мне, — ответил демон.

Он двинулся к алтарю, и в этот момент в дверном проеме появились два темных силуэта на фоне залитого лунным светом кладбища.

— Ванесса, — крикнул Дейв, — как ты?

Дэнни поднял огнемет и направил его на демона, но Дейв остановил его:

— Стой! Где-то там Ванесса.

Нэтру уже добрался до того, места, где пыталась укрыться Ванесса, схватил ее за горло, вытащил из-за алтаря и показал полицейским. Ванесса чувствовала, что бороться ей бесполезно. Это чудовище было настолько сильным, что без труда могло сломать ей позвоночник. Ванесса безвольно повисла в его руках.

— У меня женщина, — бесстрастно проговорил Нэтру.

Дэнни опустил огнемет. Последовало тяжелое молчание; потом Дейв устало произнес:

— Чего ты хочешь от нас?

— Бросьте оружие. Подальше.

— Дэнни, не де... — прокричала Ванесса, но демон сдвинул ей горло, так что она не смогла выдавить ни звука.

Она попыталась достать пистолет из кармана юбки, но оружие рукояткой зацепилось за ткань; к тому же с каждой секундой она все больше слабела.

Нэтру сунул правую руку под плащ, вытащил бутылку с коктейлем Молотова, поджег запал о ближайшую свечу и бросил бутылку в полицейских.

Дейв инстинктивно пригнулся и закрыл голову руками.

Дэнни испуганно попятился: понимая, что когда разобьется бутылка и все вокруг зальет горящим бензином, то ранец на его спине — резервуар с напалмом — взорвется. Он превратится в огненный шар, и Дейв тоже.

Бензиновая бомба не ударилась ни о скамьи, ни о каменные плиты, а скользнула по голове Дэнни, изменила направление, вылетела через дверной проем и разбилась на ступеньках лестницы. Яркая вспышка осветила собор.

К счастью для полицейских, в собор попало лишь немного огненных брызг. Несколько капель упало на плечи Дэнни после того, как он с грохотом упал на каменный пол, но Дейв быстро сбил пламя.

Потом Дейв повернулся к демону:

— Отпусти ее. Можешь взять нас. Только дай ей уйти.

Ванесса кричала Дейву, чтобы он оставил ее и бежал за помощью. Дейв не двигался с места.

— Почему ты не бежишь? — возмутилась она.

— Я не могу допустить, чтобы это случилось дважды. Ни за что.

Ванесса поняла, что он говорит о Челии.

Нэтру засмеялся.

— Это просто. Это очень просто.

Демон отпустил Ванессу, в несколько шагов преодолел расстояние до Дейва, схватил его, поднял и бросил вдоль прохода. Дейв упал на бок, проехал по полу и ударился об алтарь. Ванесса рванулась к нему и упала на колени. Дейв дышал, он был жив, хотя левая рука была неестественно вывернута.

Демон вырвал у онемевшего Дэнни огнемёт, смял его и выбросил в распахнутую дверь.

— Теперь я сожгу тебя, — сказал он, направляясь к Дейву.

Ванесса отбежала к дальней стене собора и притаилась там. Здесь ей наконец удалось вытащить пистолет из кармана. Ванесса спрятала его за спиной, как ребенок, играющий в «угадайку». Нэтру бросился к ней, схватил за волосы и пригнул голову к полу. Ванесса не чувствовала боли. Ее рука, сжимавшая пистолет, была тверда. Демон потащил ее к пресбитерию, где почти без сознания лежал Дейв.

Ванесса резким движением сунула пистолет в лицо демону и нажала на курок.

Раздался выстрел. Отдача выбила пистолет из рук Ванессы, и он с грохотом упал на пол. В огромном пустом каменном соборе выстрел прозвучал как взрыв бомбы. В ушах у Ванессы зазвенело.

Голова Нэтру резко дернулась назад, ему

пришлось отпустить Ванессу. Демон, завывая от боли, поднес руку к лицу.

Пуля выбила ему левый глаз.

— Ты...

Гнев, прозвучавший в этом единственном произнесенном им слове, поверг Ванессу в ужас. Она поняла, что ранила демона, причинила ему сильную боль. Раны на нем быстро заживают, но утраченные органы не возмещаются. Она лишила его глаза, и теперь демон раздавит ее как комара.

Дейв здоровой рукой схватил демона за лодыжку, но тот ударом ноги отбросил его.

Ванесса подняла пистолет и спряталась за колонной.

Дэнни с другой стороны прохода неверной походкой двинулся к Нэтру. Его лицо было искажено бешенством. В руке он держал пистолет.

— Целься в правый глаз! — пронзительно закричала Ванесса.

Дэнни остановился и показал, что понял ее. Невысокий лысый полицейский опустил на колено, тщательно прицелился и шесть раз нажал на курок. Под каменными сводами прогремели оглушительные выстрелы. Ванесса увидела, как запрокинулась голова Нэтру. Когда он повернулся к ней, два следа от пуль были на его правой щеке и один — над целым глазом.

Дэнни промахнулся.

Нэтру поднял с пола латунное распятие и швырнул его в полицейского. Удар пришелся в правое плечо и был настолько силен, что сбил Дэнни с ног. Он застонал.

Теперь Нэтру двинулся к Ванессе. Ванесса попятилась.

— Ты причинила мне боль, — проговорил демон отдельно.

Ванесса уперлась спиной в колонну.

Демон приближался к ней.

Ванесса крепко схватила пистолет обеими руками и прицелилась. У нее в запасе пять выстрелов. Она трезво оценивала ситуацию, теперь у нее не было страха. Ванесса нажала на курок так, как учил ее Дейв несколькими часами раньше. Она выстрелила четыре раза, но пули попадали слишком высоко или слишком низко. И действительно, было бы чудом, если бы она без всякой тренировки с такого расстояния попала в глаз демону.

Три пули пролетели мимо, одна попала в горло. Ванесса нажала на курок в последний раз: пуля ударила Нэтру в лоб.

Последний выстрел заставил Нэтру чуть отшатнуться, и он прислонился к подставке с поминальными свечами. Некоторые из них почти сгорели и теперь лишь потрескивали.

После головокружительного прыжка в собор плащ Нэтру намок в бензине. Бензин почти испарился, но и того, что осталось, хватило, чтобы на левой стороне плаща появилась тонкая голубая полоска огня.

Демон почувствовал опасность. Он отскочил от свеч и стал руками сбивать слабый огонь, который, казалось, струился по его телу, проходя сквозь пальцы. Ванесса не понимала, почему демона так испугало слабое голубое пламя. Иной раз даже бренди на сливовом пудинге горит гораздо сильнее.

До нее не доходило, что Нэтру оказался в крайне опасном положении.

Полицейские в таких случаях соображают быстрее.

— Нэтру!

Демон обернулся на голос Дейва, и Ванесса увидела, как на лице демона выражение беспокойства сменилось гримасой ужаса. Здоровой рукой Дейв целился в грудь демона. Собственное оружие обернулось теперь против Нэтру и могло принести ему смерть.

Дейв улыбался, но это была недобрая улыбка. Он тихо заговорил, как будто боялся задуть слабые язычки пламени на плаще демона.

— У тебя остались бомбы, приятель?

Полицейский шесть раз нажал на курок. Смешанное выражение удивления и боли появилось на лице Нэтру в тот момент, когда в карманах его плаща раскололись бутылки.

Тут же он превратился в огромный огненный бутон, взметнувшийся почти до свода храма.

Раздалось потрескивание и шипение, появилось зловоние горячей плоти, и жар пламени заставил Ванессу отступить к окну. Демон пронзительно закричал. Его крик, казалось, шел из другого мира. Это был крик животного, которое испытывает нестерпимую боль. Это был крик погибающего существа, на котором горит кожа. Он был настолько громким, что, казалось, вот-вот разорвет барабанные перепонки. В этот крик вылилась боль языка, прижигаемого каленым железом, охваченного огнем горла и пузырящихся от жара легких.

Выстрелы отбросили демона на подсвечник. Он

таял в огне, как воск, корчась и извиваясь в муках. Священный огонь поминальных свеч яростно пожирал его тощую плоть. Единственный оставшийся черный глаз демона бешено взглянул на Ванессу, потом лопнул в пламени. Демон двинулся к ней, шатаясь и вытянув вперед обутленные, дымящиеся пальцы. Ванесса отбежала и смотрела, как объятый пламенем демон вслепую молотит руками.

Затем он побежал, издавая пронзительные крики мучительной боли, все еще рождавшиеся в его горле. Каким-то чудом ему удалось вырваться наружу.

На мгновение ночь озарилась светом горящего демона, а потом темнота поглотила и его.

Ванесса выбежала из собора. Она увидела пылающего демона, который быстро взбирался на колокольню. Охваченное огнем, ослепленное чудовище карабкалось по кирпичной кладке, непостижимым образом находя опору для рук и ног. Казалось, оно поднималось, как по лестнице, на небо, которое все еще считало своим законным жилищем. Добравшись до вершины шпиля, демон вскарабкался на металлический крест, повалил его своим весом и вырвал из кирпичной кладки. На мгновение он как бы завис в воздухе, касаясь ногами шпиля.

Потом он полетел к земле; встречный поток воздуха раздувал языки пламени, превращая их в два огненных полотнища. Они трепетали, как два огромных красных крыла. Вид летящей к земле человеческой фигуры с огненными крыльями приковывал взгляд своей страшной красотой.

Несколько мгновений Нэтру в полете походил на горящую букву древнего манускрипта.

Ванесса убедилась, что демон уничтожен, и вернулась в собор, на помощь мужчинам.

Дейв сказал ей, что его сломанная рука болит чуть-чуть сильнее, чем сломанный нос. Ванесса помогла ему встать. Дэнни поднялся сам и теперь сидел, придерживая раненое плечо. Он попытался усмехнуться, но сморщился от боли.

Они с трудом выбрались из собора и осмотрелись.

Обугленные останки павшего ангела лежали неподалеку.

Дымящееся тело Нэтру, скорченное в предсмертных муках, лежало на могильной плите. Оно словно побывало в расплавленной лаве. Над ним в позе полета застыл бетонный ангел — прекрасное существо с женским ликом и широко раскинутыми крыльями. Его голова была наклонена, а руки грациозно подняты над головой. Красивое лицо ангела не выражало никаких эмоций.

Он бесчувственно смотрел вниз, на обугленные останки: камень не знает сострадания.

**Литературно-художественное издание
Зарубежная фантастика**

**Гарри Д. Килуэрт
Ангел**

**Заведующий редакцией А. А. Кирюшкин
Ведущий редактор А. Г. Шемятенков
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор О. Г. Лапко
Корректор В. И. Киселева**

**Оригинал-макет подготовлен И. В. Терешкиной
в пакете Ventura Publisher**

ИБ № 8527

Лицензия Л. Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано к печати 28.04.95. Формат 70 × 100¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Объем бум. л. 5,75.

Усл. печ. л. 14,95. Усл. кр.-отт. 15,53.

Уч. изд. л. 13,76. Изд. № 9/9395

Тираж 20 000 экз. Зак. 326 . С076

**Издательство «Мир» Комитета Российской
Федерации по печати. 129820, ГСП, Москва,
1-й Рижский пер., 2.**

**Можайский полиграфкомбинат Комитета Российской
Федерации по печати. 143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93.**

Зарубежная

фантастика

Издательство «Мир»